
Бойцы вспоминают

Бойцы вспоминают

**Анатолий Павлович
Попов
ОБНИМАЯ НЕБО...**

**Андрей Кондратьевич
Годовых
ГРАЧЕВАЯ БАЛКА**

**Старков
Неон Петрович**

ПОЛГОДА ПОД САХАРНОЙ ГОЛОВОЙ

**Михаил Александрович
Заплатин
ТОГДА МЫ БЫЛИ ЛЕТЧИКАМИ...**

**Александр Владимирович
Каменский**

ЗАПОЛЬЕ

**Иван Иванович
Юхнов
ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ**

**Анатолий Дмитриевич
Дюженков
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД**

Бойцы вспоминают

Пермское книжное издательство. 1982

Люди разных военных профессий объединили в этом сборнике свои воспоминания о Великой Отечественной. Штурман бомбардировщика дальнего действия, танкист, пехотинец, журналист рассказывают о военных буднях друзей-однополчан, о своем участии в боевых действиях, о том, что довелось им увидеть и пережить в незабываемые годы войны с фашизмом.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Рецензент
Ю. В. Плотников

Авторы этой книги

ПОПОВ АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ. Окончил в декабре 1940 года Челябинское авиационное военное училище штурманов. Воевал на Ленинградском, Западном, Северо-Западном, Калининском, Карельском, 1-м Белорусском фронтах. Участник штурма Берлина. Участник Парада Победы. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями. Работал в газете. Пенсионер, проживает в Чермозе.

ГОДОВЫХ АНДРЕЙ КОНДРАТЬЕВИЧ. Служил в 252-й стрелковой дивизии, сформированной на территории Пермской области. Принимал участие в Сталинградской битве, в сражении на Курской дуге, в освобождении Харькова, в форсировании Днепра, в Корсунь-Шевченковской операции. Войну закончил под Прагой. Награжден тремя орденами Красного Знамени и медалями. Сейчас майор в отставке, пенсионер. Живет в Москве.

СТАРКОВ НЕОН ПЕТРОВИЧ. В 1941 году был призван в армию. Участник боев на Малой земле, в Польше, Чехословакии. Дошел до Берлина. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Александра Невского и медалями. С 1948 года работал на кафедре геологии Пермского университета. Долгие годы был заведующим кафедрой минералогии и петрографии.

ЗАПЛАТИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ. В 1939 году был призван в армию и направлен в Оренбургское авиационное училище, по окончании которого стал штурманом бомбардировщика. Прошел всю войну в авиации дальнего действия, воевал в Польше, Германии, участвовал в разгроме Квантунской армии. В 1946 году поступил во ВГИК на операторский факультет. Живет в Перми, работает кинооператором на телевидении.

КАМЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ. В январе 1941 года призван в действующую армию. Воевал командиром стрелкового отделения, помкомвзвода, служил в редакции дивизионной газеты. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией» в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. После войны занимался литературным трудом, жил в городе Краснокамске.

ЮХНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ. Призван в армию в сентябре 1941 года. Служил в полку ночных бомбардировщиков, сформированном на Урале. Участвовал в разгроме фашистов под Москвой, воевал на Калининском, Воронежском, Брянском, Ленинградском и Прибалтийском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, многими медалями. После войны занимался журналистской работой. В настоящее время персональный пенсионер. Живет в Перми.

ДЮЖЕНКОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ. В марте 1943 года вступил добровольцем в минометный полк Уральского добровольческого танкового корпуса. Дошел до Берлина. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. После войны работал в промышленности на руководящих должностях. Персональный пенсионер республиканского значения. В настоящее время живет в Калининграде Московской области.

А. Попов

ОБНИМАЯ
НЕБО...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

30 июня 1941 года, в полдень, с командного пункта третьей эскадрильи 200-го дальнебомбардировочного авиаполка взлетела красная ракета и, описав в воздухе крутую дугу, рассыпалась на множество мелких искр.

— Боевая тревога! — раздался голос дежурного по эскадрилье. — Летный состав, на командный пункт!..

Лес, в котором, казалось, не было никого, мгновенно ожил: в сторону КП побежали люди с летными сумками в руках. Они быстро вставали в строй.

Из палатки КП вышел среднего роста коренастый человек и твердой походкой направился к строю. Это был командир эскадрильи капитан

Саакян. Вместе с ним шли комиссар эскадрильи старший политрук Степанов и штурман капитан Крыжан.

Саакян остановился перед строем и стал внимательно всматриваться в лица летчиков. Потом заговорил:

— Товарищи! Получен приказ на боевой вылет. Вблизи города Крустпилс через реку Западную Двину противник навел переправу и перебрасывает свои части на восточный берег. Нашей эскадрилье приказано уничтожить эту переправу. Как видите, на нас возложена трудная и ответственная задача. От успешного выполнения этого боевого задания будет зависеть успех наших наземных войск... На задание полетит звено, ведущим будет мой заместитель старший лейтенант Васьков. Левым ведомым пойдет экипаж лейтенанта Булатова, справа — экипаж младшего лейтенанта Махнева...

Отличный летчик, требовательный к себе и подчиненным командир, чуткий и отзывчивый товарищ, коммунист Артур Матвеевич Саакян пользовался заслуженным авторитетом. К началу войны он прослужил в армии уже более десяти лет, имел немалый опыт летной работы: летал не только днем, но и ночью.

В строю перед капитаном стояли молодые летчики, штурманы и стрелки-радисты. Почти все они прибыли в полк из военных училищ и школ младших авиационных специалистов за несколько месяцев до начала войны и, конечно же, не имели боевого опыта. Однако молодежь горела желанием поскорее сразиться с врагом.

Я был назначен штурманом экипажа лейтенанта Аркадия Булатова. Капитан Саакян лично проверил готовность всех экипажей звена к вы-

лету, дал сигнал, и летчики запустили моторы, мощный гул которых разорвал тишину леса. Тяжело нагруженные дальние бомбардировщики один за другим устремились вперед. Булатов и Махнев, срезая круг, пристроились к ведущему, и через несколько минут в четком строю звено промчалось над аэродромом.

Уже более часа летят три краснозвездных самолета. Под ними на многие десятки километров—поля, леса, перелески, реки и озера. Милая русскому сердцу картина родной природы! Как знакома она летчикам: они много раз летали здесь в мирное время. А теперь они спешат туда, где их товарищи по оружию ведут ожесточенную битву с фашистскими полчищами.

В районе города Пскова перед самолетами выросла стена сплошной облачности. Справа сквозь мутную завесу дождя показались Псковское озеро и Псков, широко раскинувшийся на обоих берегах реки Великой.

Отметив на карте местонахождение самолета, я еще раз посмотрел в сторону Пскова и вдруг увидел маленькую черную точку. Она быстро приближалась к нам. «Истребитель!» — мелькнула тревожная мысль.

Я сообщил об истребителе лейтенанту Булатову, он глянул, но ничего не сказал.

А истребитель подходил все ближе. По короткому и широкому лбу я узнал истребитель И-16. Он пристроился к нам и пролетел в середине звена несколько минут. Затем вышел вперед, приветливо покачал короткими крылышками и, развернувшись вправо, улетел в сторону Пскова.

Я с сожалением посмотрел ему вслед: как хорошо было бы, если бы он полетел с нами! Но у него было свое задание.

Из-за облачности нам пришлось снизиться почти до самых верхушек деревьев. Мы попали в такой дождь, что за 200—500 метров трудно было что-либо разглядеть. Чтобы не потерять ведущего, Булатов и Махнев подвели свои самолеты вплотную к ведущему, крыло в крыло.

Через некоторое время дождь остался где-то позади нас, видимость улучшилась. Звено пошло с набором высоты.

Впереди показалось большое озеро Лубань. Над ним звено развернулось вправо и взяло курс на цель: до переправы оставалось лететь около десяти минут.

Я пристально всматривался вперед, чтобы быстрее увидеть цель. И увидел. Она показалась удивительно маленькой, игрушечной. По ней с западного берега на восточный ползли, как букашки, танки, автомашины...

Теперь все свое внимание я сосредоточил на ведущем самолете: нам было приказано бомбить по сигналу штурмана звена.

— Бомбы! — закричал Булатов.

Я ждал этого мгновения, и все же показалось, что бомбы ведущего посыпались неожиданно.

— Бомбы бросил! — доложил я Булатову, выждал несколько секунд и закрыл бомболуки. Затем, глянув на приборы, записал в бортжурнал время, скорость, курс и высоту бомбометания и стал наблюдать за переправой.

Клубы дыма и фонтаны воды закрыли переправу.

В этот момент из кабины стрелка-радиста ударила пулеметная очередь. Радист ведущего самолета тоже начал стрелять.

Я глянул на моторы нашего бомбардировщика, на крылья и почувствовал противный холодок в спине: пули и снаряды фашистского истребителя рвали дюралевую обшивку машины, рванные края пробоев загибало набегающим потоком воздуха. Создавалось впечатление, что самолет наш начинает разваливаться на части и вот-вот рассыплется совсем.

Я посмотрел направо и увидел позади самолета младшего лейтенанта Махнева, метрах в двадцати, истребитель ME-109. Он летел на такой же скорости, от этого казалось, что он висит неподвижно за самолетом Махнева и в упор расстреливает его из всех своих пушек и пулеметов. От носа истребителя к бомбардировщику тянулся сплошной сноп оранжевых искр.

Пулеметы махневского самолета молчали. Стрелка-радиста младшего сержанта Виктора Зайцева я не видел: он был уже убит.

И в этот момент от нашего самолета к «мессершмитту» протянулась длинная-длинная очередь из красных, белых и зеленых трассирующих пуль. Она прошла левый борт истребителя от носа до хвоста. Голова фашистского летчика, прильнувшего к прицелу и стрелявшего по самолету Махнева, дернулась, и «мессер» свалился на правое крыло. Затем, словно нехотя, медленно перевалился на левое и стремительно полетел к земле. За ним потянулся длинный хвост черного дыма. Через несколько секунд «мессер» врезался в землю.

«Молодец, Саша!» — крикнул я, не замечая что микрофон валяется на полу кабины, и поэто-

му стрелок-радист Масленников меня не слышит, Я перебрался в нос кабины, к пулемету, чтобы мгновенно открыть огонь по врагу, если только он появится спереди.

А тем временем сзади приближался другой вражеский истребитель. Он был за килем нашего самолета. Масленников не мог в него стрелять. Он крикнул:

— Товарищ командир! Отверните в сторону! У нас в хвосте «мессер»!

Летчик чуть двинул вперед левую педаль. Масленников тотчас поймал истребитель в прицел и стал выпускать по нему одну очередь за другой. А «мессершмитт» упрямо шел на сближение. Тактика его не отличалась оригинальностью: он хотел убить радиста издалека, затем подойти к нам и в упор расстрелять незащитный бомбардировщик.

Но Масленников знал свое дело.

В колпаке турели радиста не осталось ни одного стекла, мелкие осколки исцарапали лицо Масленникова, одна пуля пробила комбинезон на его плече, чудом не зацепив тела. Короткая очередь разбила радиостанцию, прошла сквозь висячее сиденье, вторая очередь прошила ящик с бортовым пайком экипажа.

А Масленников все стрелял и стрелял по приближающемуся истребителю противника.

И вдруг на правом крыле «мессера» вспыхнул огонь. Истребитель полез круто вверх, потерял скорость, свалился в штопор и врезался в землю.

Весь воздушный бой длился полторы-две минуты, но они показались мне очень долгими.

Я внимательно следил за воздухом и землей, время от времени отмечая на карте местонахождение самолета.

На одной поляне, западнее реки, я увидел более двух десятков серебристых двухмоторных самолетов-бомбардировщиков. Они были прекрасно видны на зеленом фоне поляны. Значит, подумал я, фашисты так уверены в своей победе, что не считают нужным маскировать свой аэродром. Я тотчас отметил на своей полетной карте место этого вражеского аэродрома.

Тут вокруг поляны с самолетами начали вспыхивать оранжевые огоньки. А от них полетели кверху искры. Эти искры казались совсем маленькими, они исчезали вблизи наших самолетов, и из них появлялись черные клубки дыма. Машины наши бросало то кверху, то книзу, словно это были не многотонные самолеты, а пушинки...

В ровный гул моторов вплетались глухие и короткие звуки, будто какой-то невидимка-барабанщик неистово колотил по барабану. С каждой секундой клубков дыма становилось все больше, а позади звена их было так много, что они сливались в большую черную тучу.

Нас обстреливала зенитная артиллерия противника. Снаряды рвались так часто и так близко, что казалось, от них некуда деться.

«Неужели собьют?.. Неужели это конец?..» — с тоской подумал я, глядя на разрывы снарядов, досадуя на свое бессилие и беспомощность. Маневрируя, бомбардировщики уходили из зоны обстрела. Перед нами выросли большие кучевые облака. Ведущего я не видел. Я еще ни разу не летал один так далеко от своего аэродрома, не приходилось летать в облаках, опыт летной рабо-

ты — совсем небольшой. Сумею ли привести самолет домой?

Но минутное замешательство сменилось твердой решимостью: смогу! И я крикнул летчику уверенно:

— Курс шестьдесят градусов!

Записал в бортовой журнал курс и время входа в облака, проложил на полетной карте линию маршрута по заданному курсу от цели до реки Волхов и стал ждать появления хотя бы небольшого «окошка», чтобы увидеть землю и сделать соответствующую отметку на карте. Но облачность была сплошной.

Так летели минут сорок. Вдруг облака кончились, словно их кто-то обрубил. Под нами было большое озеро.

Далеко слева и позади нас виднелся город, от него к озеру петляла река. Я глянул на карту и сразу определил, что это город Тарту. Справа от нас, далеко на юге, виднелся город Псков. Мы пролетали над местом соединения Псковского озера с Чудским, где в 1242 году воины Александра Невского разгромили полчища немецких псов-рыцарей.

Впереди была чистая синева неба, видимость — отличная. Я перебрался из носа кабины на сиденье, облегченно вздохнул: на сердце — удивительно легко. Посмотрел на Булатова — у него, как видно, настроение тоже хорошее.

«А как там радист?» — подумал я и начал вызывать Масленникова. Но сколько ни бился, в ответ слышал только какие-то непонятные, отрывистые звуки. «Неужели ранен?» — мелькнула тревожная мысль.

Между тем показался Волхов. До полевого аэродрома оставалось лететь не более сорока ки-

лометров. И вдруг оба мотора начали работать с перебоями. Я глянул на Булатова, он махнул рукой вниз: мол, надо садиться, потому что до полевого аэродрома не дотянем.

Земля стремительно неслась навстречу самолету, от этого казалось, что он вот-вот врежется в нее.

Но, послушная воле летчика, машина вышла из угла планирования, коснулась летного поля левым колесом и, слегка подпрыгивая на неровностях, прокатилась метров триста. Затем развернулась вправо, описав почти полную окружность и поднимая тучу пыли. Булатов тотчас выключил моторы, и наступила тишина.

Я открыл верхний люк кабины, встал на ноги и увидел стрелка-радиста Александра Масленникова. Он бежал ко мне со складной стремянкой в руках и тревожно спрашивал:

— Ты ранен, а? Ты ранен?

— Это ты ранен! — ответил я. — Смотри, у тебя все лицо в крови!

— Немножко царапнуло, — смущенно сказал Масленников. — Глянь, у меня в турели все стекла разбиты...

Когда я спустился на землю, Булатов и Масленников стояли у правого колеса, глядя на лужу красноватого бензина: он струей лился из мотогондолы.

— Как он не загорелся в воздухе? — задумчиво сказал радист.

— Видно, кто-то из нас родился в сорочке, — то ли шутя, то ли всерьез сказал Булатов.

Мы обошли вокруг самолета, затем отошли в сторону и закурили. К нашей машине бежали люди. Все они были в новенькой военной форме, у

всех на воротниках гимнастеров — петлицы защитного цвета и такие же знаки различия на них. Это были мобилизованные солдаты, сержанты и офицеры. Они обступили самолет со всех сторон.

— Вот это да-а-а!

— Пробоин-то сколько!

— Да-а... Живого места нет!

— Как же он летел?!

Нашлись и такие, что решили сосчитать количество пробоин, но после двухсот сбились со счета.

— Это вы на нем прилетели? — спросил один солдат.

— Мы, — ответил Булатов.

— Как же вы летели? Ведь он весь дырявый как решето!

— Так и летели, — устало, нехотя сказал Булатов.

Мы с радистом молчали.

Да, удивляться было чему: на нашем ДБ-3Ф не было живого места, все пробито осколками зенитных снарядов и разрывными пулями истребителя. А позади левого мотора, через бомболоуки и стабилизатор хвоста, прошли три зенитных снаряда. В пробоины свободно смог бы пролезть взрослый человек. Три прямых попадания зенитки! Такого я не видал больше ни разу за все четыре года войны.

И только каким-то чудом никто из членов экипажа не был ранен, если не считать мелких царапин на лице стрелка-радиста Александра Масленникова.

Было тихо и жарко. Все так же ярко светило солнце, в чистом небе — ни облачка. Замерли неподвижно могучие липы и тополя. От этой непод-

вижности деревьев, от яркого июньского солнца и тишины мне вдруг показалось, что нет совсем никакой войны, а те «мессеры» и разрывы зенитных снарядов — просто какой-то кошмарный сон. Но это показалось на миг: вон же сидят рядом летчик Булатов и радист Масленников. Значит, все это не сон, а самая настоящая правда. «Вот это боевое крещение! — подумал я невольно. — И впереди нас ждут такие же бои...»

МОСТ

Наши войска под Москвой продолжали наступать. По прибытии на место мы сразу же включились в боевую работу. Летали одиночно, на свободную охоту.

Целями нашими были по большей части железнодорожные станции и эшелоны, которыми противник подтягивал к фронту технику и войска. Мне особенно запомнилась бомбежка железнодорожного узла Фаянсовая у города Кирова Калужской области. Было это в первые дни января 1942 года.

Фаянсовая — важный узел железных дорог: здесь пересекаются линии Ржев — Вязьма — Брянск и Сухиничи — Рославль. Гитлеровцы интенсивно использовали его во время битвы под Москвой.

В тот день мы вылетели с нашего аэродрома самые первые (наш летчик Миша Махнев вообще любил вылетать раньше всех). Линию фронта прошли между Вязьмой и Сухиничами. Облетели большой район, но ничего подходящего для наших бомб не нашли. Когда же подлетели к Фаянсовой, я увидел на путях множество эшелонов: станция была забита вагонами.

Войска нашей 10-й армии Западного фронта наступали и находились от Фаянсовой километрах в тридцати. По всему чувствовалось, что скоро они будут там. И вот я подумал, что хорошо было бы «закрыть» эти эшелоны на Фаянсовой, чтобы они не смогли никуда уйти. Поделился этой мыслью с летчиком, он согласился со мной. И мы ударили по северным входным стрелкам, бросив туда сразу все бомбы серией.

Когда мы вернулись на аэродром, доложили командиру полка о полете, он спросил:

— Может, еще слетаете?

После нас по плану должен был лететь другой экипаж. Тем не менее Махнев сказал:

— Конечно, полетим.

— Вот и хорошо. Это надо, понимаете? Надо, — сказал командир. — Садитесь в мою машину и поезжайте обедать. А тем временем самолет подготовят к полету.

Когда мы прилетели второй раз, северная половина станции была затянута черным дымом. Ветром его относило на станционный поселок. Что там горело, разглядывать было некогда: мы зашли на южные выходные стрелки и ударили по ним так же, как в первом полете — по северным. И опять вся серия бомб попала в цель. Теперь эшелоны не могли уйти со станции.

11 января 42-го года войска нашей 10-й армии освободили Фаянсовую и город Киров. 16 января Совинформбюро опубликовало такое сообщение:

«...В освобожденном от немецких оккупантов городе Кирове наши войска захватили 36 паровозов, 110 вагонов, 56 платформ, в том числе 7 платформ с разобранными самолетами, 25 ваго-

нов с боеприпасами и много другого военного имущества».

Я далек от мысли приписывать нашему экипажу какие-нибудь особые заслуги в этом успехе наших войск. Но что было, то было: перед их приходом туда мы дважды бомбили выходные стрелки на станции Фаянсовой.

Освободив город Киров и станцию Фаянсовую, наши войска перерезали важную для противника магистраль Ржев — Брянск. Теперь фашистам оставалась только одна дорога, связывавшая передний край их обороны с тылом. Это была автострада Минск — Москва, построенная года за два до начала войны. По ней противник снабжал войска на фронте всем необходимым. Свои резервы гитлеровцы везли до станции Сафоново, здесь перегружали их на автомашины и по автостраде отправляли далее на восток. Железнодорожный мост через Днепр между городами Сафоново и Вязьма был взорван осенью сорок первого года.

В январе 42-го командование Западного фронта приняло решение уничтожить также мост через Днепр на автостраде Москва — Минск, чтобы еще более затруднить положение войск противника. Выполнение этого боевого задания было возложено на бомбардировочную авиацию, в том числе и на нашу 40-ю дальнебомбардировочную авиадивизию.

Самолет вынырнул из облаков. Открылась заснеженная холмистая местность, по которой петлял Днепр. Он был крепко скован льдом и засыпан снегом, и все-таки я хорошо видел его.

Я откинулся на спинку сиденья и облегченно вздохнул. Мы долго летели за облаками, не видя земли, и у меня уже появились опасения: как бы не пролететь реку. Тогда пришлось бы нам рыскать в поисках цели. А в глубоком тылу, да еще днем, — дело это не очень-то приятное. К счастью, мы вышли к реке как раз в расчетном месте.

Я крикнул летчику:

— Миша! Это Днепр, понял? Днепр!..

В ответ он только кивнул головой. Перед вылетом мы договорились: когда выйдем на Днепр, пройдем тем же курсом до автострады Москва — Минск и только после этого повернем на цель. Таким образом мы окажемся западнее цели и подойдем к ней со стороны немецкого тыла. Такой маневр может ввести в заблуждение зенитчиков врага: наш самолет, идущий с запада, они могут принять за свой.

Вот и автострада. Летчик развернул машину и повел ее под самыми облаками, то входя в них, то вновь вылетая. Таким манером мы сможем незаметно подойти к цели. Но летчику сейчас трудно: приходится почти все время вести машину по приборам, вслепую. А Миша совсем не богатырского телосложения. Как только он справляется с такой махиной — нашим дальним бомбардировщиком. Но машину ведет спокойно, уверенно. Зато после полета видно, чего это ему стоит...

Итак, внизу мелькала заснеженная холмистая Смоленщина. Мы вышли к автостраде километров на двадцать западнее цели. Автострада прямая как стрела. Несмотря на вьюжный январь, она почти сплошь чернеет голым асфальтом: видно, гитлеровцы гоняют народ убирать снег с дороги.

В обе стороны идут автомашины врага, везут на фронт, под Москву, солдат, оружие, боеприпасы, продовольствие. Это самый короткий путь между Сафоново и фронтом. Особенно важное значение он приобрел, когда советские войска перешли в наступление и погнали гитлеровцев из Подмосковья. Поэтому и летим мы разбить мост, что находится между Сафоново и Вязьмой.

На эту цель и вчера и позавчера уже летали наши однополчане. А мы летим впервые: на всех самолетов не хватает, летаем по очереди. Этот мост — крепкий орешек. Вчера, после обеда, вернулся с задания экипаж капитана Завалинича. Не успел он войти в казарму, как ему сразу вопрос:

— Как мост?

Завалинич сокрушенно махнул рукой и начал стягивать с себя меховой комбинезон.

— Как же так? Вчера капитан Герасименко докладывал командиру полка, что он разбил мост!

— Вот, вот! — оживился Завалинич. — О том же толкую! Я тоже слышал, как докладывал Герасименко! А прилетели туда — мост цел. И сидят на нем два немца и режутся в «очко». Я кричу им: «Эй, вы! Убирайтесь к чертовой матери, бомбить будем!» Они смеются: «Все равно не попадете, как вчера Герасименко!» Меня зло взяло, я кричу штурману: «Эй, Кузьмич, дай-ка им жару!» Кузьмич бомбы бросил, немцы — кто куда. А когда я повернул обратно, они стоят на мосту и смеются: «Ну, что? Попали пальцем в небо?..» И снова уселись в карты играть. Так-то вот...

Посмеялись конечно. А теперь мне не до смеха: ведь мы летим на ту же цель, которую наши

третий день подряд бомбят и никак разбить не могут.

Мост показался неожиданно, хотя я и ждал его с минуты на минуту. Вот это мостик! Перекинулся с одного высокого берега реки на другой, середина лежит на мощных железобетонных опорах-быках. И тут меня взяла досада. Во-первых, потому, что стоял январь, а зимой уровень воды в реке самый низкий, настил моста высоко надо льдом. Стало быть, если бомба «ФАБ-100» разорвется даже как раз под мостом, она все равно не причинит ему большого вреда: строили-то его на века...

А у нас — только стокилограммовые бомбы. Что от них толку? В лучшем случае — повредят настил. Что же делать? Коль прилетели на цель, надо выполнять задание. Я быстро подготовил все для бомбометания, сделал необходимые расчеты. Лежу в носу кабины, наблюдаю за землей, за целью, а из головы не выходит мысль: как разбить мост этими «сотками»?

Даю летчику боевой курс, он разворачивает самолет прямо на цель, она несется нам навстречу. Теперь все мое внимание — только на ней: навожу машину на мост, уткнувшись в окуляр прицела, ловлю цель в перекрестии и жду, когда она окажется в его центре. А в голове по-прежнему одна мысль: как разбить мост? Попасть бы туда, где балки лежат на опоре. Если опору разбить, то и весь мост рухнет...

Мы летим на высоте триста метров, под самыми облаками. Я не спускаю глаз с моста, а он все ближе, ближе... И тут меня осенило: если бросить все бомбы сразу, залпом, то получится как одна «ФАБ-1000». Ну, конечно, надо бомбить только так! А тонна взрывчатки сделает свое де-

ло. И когда цель оказалась в перекрестии прицела, бросил бомбы сразу, аварийным сбрасывателем, и стал наблюдать, куда они попадут. Видел их до самой земли. Видел и мост: его настил был закрыт деревянными щитами. Значит, наши однополчане попадали в него! Только сотками повредили настил, наделали в нем пробоин, а немцы закрыли их щитами. Вот как! Оказывается, зря вчера Завалинич смеялся над капитаном Герасименко...

И только подумал об этом, как нас со страшной силой бросило вверх, и мы мгновенно очутились в облаках. Летчик резко двинул штурвал от себя, самолет снова выскочил под облака. Я глянул вниз, но моста под нами уже не было. Попал ли я в него — не знаю, не видел, не успел.

— Что там? — тревожно крикнул летчик.

— Не знаю! — ответил я, оглядывая после толчка моторы и крылья. Ничего подозрительного не обнаружил: ни пробоин, ни огня, ни дыма. Что же это такое могло быть?

— Все! Пошли домой! — Я дал летчику курс на восток. Затем глянул на приборы, чтобы записать в бортовой журнал время, скорость, высоту бомбометания, и тут мне стало все понятно: в облака нас забросило взрывной волной наших бомб. Вот до чего увлекся: сбросил тонну взрывчатки с трехсот метров, а по инструкции такие бомбы можно бросать минимум с шестисот.

Обратно опять летели за облаками: там спокойно, кроме нас — никого. Домой добрались благополучно.

Когда шли на командный пункт полка, после некоторого колебания — говорить, не говорить? — я сказал летчику:

— Миша, знаешь, что нас забросило в облака?

— Что? — быстро спросил он.

— Бомбы...

— Что, что? — переспросил он, остановившись и пристально глядя на меня.

— Бомбы... Я их залпом бросил, а высота — сам знаешь... Только триста метров было...

— Ты соображаешь, что делаешь? — сердито спросил он и, резко повернувшись, быстро пошел дальше.

На командном пункте летчик доложил командиру полка о полете (про бомбы не сказал ничего), а я сел писать боевое донесение. В это время на КП пришли лейтенанты Николай Бабичев и Петр Тимохин. Я спросил Петра, где и что они бомбили. Он рассказал:

— Понимаешь, пришли мы туда, а мост разбит. На обоих берегах реки скопилось много машин. Ну, я и подумал: зачем бросать бомбы на мост, если он уже разбит? И мы решили отбомбиться по машинам. Так и сделали...

Я спросил, когда они бомбили. Оказалось, что они были там через пять минут после нас. Остальные экипажи полка в тот день тоже бомбили скопление машин.

«НОЧНИКИ»

30 марта 1942 года на Тульский аэроклубовский аэродром прилетел четырехмоторный бомбардировщик ТБ-3. Нас отправляли на Северо-Западный фронт. Хотя стоял конец марта, было довольно холодно. Когда поднялись в воздух, я совсем замерз. А предстояло лететь не менее четырех часов. И тут я вспомнил, как в Челябинском

летном училище мы летали на выполнение учебных упражнений на таких же самолетах и грелись в воздухе, забравшись в крыло, к самым моторам. А крыло это было такое, что я свободно пролезал в нем на четвереньках. И на этот раз я поступил так же: пролез к мотору, прижался к нему спиной, и так меня пригрело, что я не заметил, как уснул. И проспал все время, пока летели. Проснулся, когда летчик повел машину на посадку.

Мы оказались на незнакомом аэродроме. Было уже темно, так что ничего толком разглядеть не удалось. Нас отвели в землянку, а утром повезли на аэродром, где формировался ночной полк. Командир нового 816-го полка майор А. Ф. Артемов пригласил всех в штаб полка. Оказалось, что в полку пока только он сам, два командира эскадрильи — всё. А теперь и мы — три экипажа. Еще из бывшего 53-го полка Артемову дали начальника штаба полка майора Скворцова и штурмана полка капитана Бондаренко. Начальником связи полка с нами прибыл старший лейтенант Поярков.

С таким малым составом о боевых действиях пока не могло быть и речи. Тем более, что ночью мы летать не умели.

Командир полка, после проверки, остался доволен техникой пилотирования наших летчиков. Лейтенанты Мартынов и Махнев и старшина Якунин были уже опытными пилотами, летали при любых метеоусловиях. Но — только днем. Вскоре нам приказали перелететь в район небольшого города, чтобы там пройти курс обучения ночным полетам. Аэродром, куда мы прилетели, оказался непригодным для этой цели, и мы перебрались дальше. Там Махневу дали два провоз-

ных полета по кругу и затем выпустили в самостоятельный полет. После этого мы дважды слетали по маршруту (тоже самостоятельно, без инструктора) и два раза полетали в лучах зенитных прожекторов. На этом наша подготовка закончилась.

В наш полк прибыло пополнение из высшей школы штурманов — несколько экипажей, которые составили полный штат двух эскадрилий. Так было закончено формирование 816-го ночного дальнебомбардировочного авиационного полка, который 7 мая 1942 года вылетел на Северо-Западный фронт для участия в боях.

Меня волновал вопрос: как в темноте найти цель? Ведь я еще никогда не летал на боевые задания ночью. К тому же первая наша боевая ночь выдалась, как на грех, темной, безлунной — за двадцать — тридцать метров ничего не видать.

Размышляю об этом, и тут к нам подошли командир эскадрильи Ватолин и его штурман капитан Яков Николаев. Лейтенант Махнев доложил командиру о готовности экипажа к полету.

— Так в чем же дело? Если готовы, летите!..

И тут меня дернул черт за язык:

— Товарищ старший лейтенант, может, вы полетите первыми? А то я не знаю, как найти цель в такой темноте. А вы ее подожжете, тогда и я увижу...

Командир переглянулся со своим штурманом, улыбаясь моей наивности, сказал:

— Ничего, не бойтесь, найдете ее и без нас...

Сказал уверенно, спокойно. Я промолчал, но сомнения не оставили меня. Мы вылетели первыми.

Целью была переправа противника через реку Ловать у села Рамушево. По ней фашисты доставляли грузы для 16-й армии генерала фон Буша, которая в то время сидела в «демянском мешке». Севернее цели, на нашей территории, работал световой маяк — прожектор, установленный специально для ориентировки ночных бомбардировщиков. Мы вышли на него и взяли боевой курс на цель, которая находилась километрах в трех от переднего края обороны наших войск. Когда подошли к линии фронта, с земли полетели вверх красные ракеты: это наши солдаты показывали нам, где свои, а где противник.

Реку Ловать и переправу я все-таки увидел, бомбы бросил с ходу серией, потому что для понтонной переправы достаточно и одной бомбы, а серия обеспечивает большую вероятность попадания. В том, что я попал в цель, у меня нет никакого сомнения, тем более, что мы летели на высоте всего лишь пятисот метров. Поэтому нас тотчас схватили прожекторы, и зенитные пушки и пулеметы открыли яростный огонь. Стало так светло, что глазам больно. Трассирующие пули и снаряды летели так густо, что казалось, будто мы попали в какую-то сказочную паутину.

На обратном пути я все время прислушивался к работе моторов: мне казалось, что в том пекле над целью зенитчики противника превратили нашу машину в решето. Но после посадки мы не нашли ни одной пробоины, ни одной царапины. Командир эскадрильи спросил меня:

— Ну что — нашел цель?

— Нашел, потому что мы бомбили с высоты пятьсот метров...

— Так низко ходить на цель не советую, — серьезно сказал комэск.

В ту ночь мы слетали еще три раза. Забирались теперь выше — на полторы—две тысячи метров, как советовал командир эскадрильи, но и на такой высоте зенитный огонь противника был нисколько не меньше. В этих первых ночных полетах я понял, что зенитные прожекторы противника опаснее пушек и пулеметов: их яркий свет ослепляет, и, вырвавшись из их лучей, долго ничего не видишь.

Наш аэродром находился в лесу, в стороне от широкого шоссе, на берегу озера. Там было несколько землянок для летно-технического состава разведывательного полка, в них поселились и наши техники. А мы — летчики и штурманы — располагались на даче, в шести километрах от аэродрома, на берегу лесного озера. Утром, после полетов, ехали на дачу, завтракали и до обеда спали. А затем — снова сборы к полетам, на всю ночь. Но были у нас и любители порыбачить — в озере хорошо клевали окуньки.

С воздушными разведчиками было налажено четкое взаимодействие: утром мы возвращались из последних полетов, а они летели фотографировать результаты нашей ночной работы и одновременно выискивали для нас цель на следующую ночь.

О НАГРАДАХ

В конце июня все экипажи полка перелетели на полевой аэродром у поселка Максатиха, что стоит между городами Бологое и Рыбинск. Здесь к нам прибыли новые самолеты, так что теперь каждый экипаж имел свою машину.

Летчиков лейтенантов Мартынова и Махнева и старшину Якунина приказом командующего фронтом назначили командирами звеньев, а нас, старшин — Лебедева, Батаева и меня, — штурманами звеньев. Приказ есть приказ. Одно меня смущало: я был старшиной, а в подчинение мне дали двух лейтенантов. А все дело в том, что у меня за плечами был год войны, а мои подчиненные прибыли из тыла и никакого боевого опыта не имели. Поэтому командир эскадрильи приказал брать их с собой по очереди в боевые полеты и учить, что и как надо делать, прямо над целью, в боевой обстановке, а не на полигоне. Ребята оказались толковыми: уже через неделю я доложил командиру эскадрильи, что один из новичков вполне готов к самостоятельной работе, а еще через несколько дней то же самое доложил и о втором.

В Максатихе было много девушек, каждый вечер в парке устраивались танцы. Но нам было не до них: летали на задания до тех пор, пока самолеты исправны и не наступит время капитального осмотра матчасти. Если же машина выходила из строя, техники быстро восстанавливали ее, и мы снова летали... Обычно мы спали до трех часов дня, потом приходил автобус, отвозил нас в столовую обедать, оттуда — в штаб полка получать задание, а потом мы расходились по самолетам.

Максатиха. Небольшой поселок на берегу реки Мологи, левого притока Волги, — сколько воспоминаний осталось о нем! А ведь, кажется, ничего особенного там в моей жизни не произошло. Впрочем, не совсем так: мне там присвоили воинское звание младшего лейтенанта, а Махнев стал старшим лейтенантом.

Пишу эти строки, а испытываю чувство неудовлетворенности. Наверное, потому, что пишу все больше о разных делах, переживаниях, о настроении, а главного-то нет: где, когда, что разбил, сколько чего уничтожил. Но есть этому веская причина. Дело в том, что летчики бомбардировочной авиации наносили врагу сильные бомбовые удары, даже видели, куда попадают их бомбы, видели взрывы и пожары, вызванные ими, но что и сколько именно они уничтожили — этого, к сожалению, они не знали и знать не могли, даже аэрофотоснимки тут не помогали.

В самом деле. Истребитель сбил самолет противника — он видит свою победу, видят и его товарищи. Штурмовик обычно бомбит передний край обороны противника на глазах сухопутных войск, то есть при свидетелях. Только бомбардировщики в самых невыгодных условиях. Особенно — дальние бомбардировщики, которые летали в глубокий тыл противника. Их работу не мог подтвердить никто (ведь фашисты не докладывали же нашему командованию о бомбовых ударах по военным объектам Берлина и других городов гитлеровской Германии!). А между тем бомбардировщики ДБ-3Ф (позднее их стали называть ИЛ-4) делали немалую работу. Иной раз целая эскадрилья штурмовиков не могла сделать того, что делал один экипаж дальнего бомбардировщика.

В октябре 1942 года партизаны доложили, что близ города Порхова (ныне он в Псковской области), на курорте Хилово, фашисты устроили офицерский дом отдыха. Отдыхали там в те дни и два фашистских генерала. Командование 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта приказало командиру 816-го ночного дальнебомбардиро-

вочного полка уничтожить это фашистское логово. Командир полка майор Ю. А. Берсон решил послать туда экипаж младшего лейтенанта Николая Шарашкина в составе штурмана старшего лейтенанта Николая Рузина, стрелка-радиста старшины Василия Градобоева и воздушного стрелка сержанта Григория Зубенко.

Экипаж прилетел на цель глубокой ночью, когда фашисты спокойно спали. В своем тылу, вдали от фронта они считали себя в полной безопасности.

Долго кружил советский дальний бомбардировщик над этим осиным гнездом: сперва штурман Рузин сбрасывал по одной фугасные бомбы, а когда они кончились, летчики снизились на бреющий полет и стали расстреливать мечущихся в панике фашистов... Домой экипаж вернулся благополучно, с пустыми бомболюками и пустыми патронными ящиками.

А месяца через два партизаны сообщили, что на курорте Хилово советские летчики в ту ночь уничтожили более ста двадцати офицеров и еще около ста офицеров ранили!

И что же? За этот подвиг никто из членов экипажа награжден не был.

В начале июня 1944 года нашу дивизию перебросили с Западного фронта на Ленинградский. В то время мы опять летали днем. Однажды я разговорился с одной женщиной. Оказалось, что она родилась в городе Дно, жила там во время оккупации.

— Как только наступит вечер, — рассказывала она, — мы выходим на улицу и ждем... Чего ждем? наших ночных летчиков. И вот слышим: гудит самолет... Идет с востока, со стороны озера Ильменя... Звук все сильнее и сильнее. Это

значит: самолет летит на наше Дно и сейчас начнет кидать бомбы или на станцию или на аэродром... Так вот один раз фашисты собрались в кинотеатре смотреть какое-то кино. А тут как раз прилетели наши летчики. Одна бомба попала прямо в кинотеатр, и всех, кто там был, убило. А в другой раз наши бомбили станцию. То же ночью. Утром немцы оцепили всю станцию автоматчиками и никого туда не пускали, целый день вывозили на грузовиках своих убитых солдат. Целый день, с утра до вечера!..

Такие случаи бывали, и нередко, но командованию они не были известны. Население о них никому не сообщало, считая, что летчики и сами знают о своих делах. А летчики-то как раз и не знали: ночью, да еще с высоты, — что увидишь?

В конце августа 1942 года мы снова перебазировались ближе к фронту. В это время на юге страны шли ожесточенные бои. Немцы рвались на Северный Кавказ и на Волгу, к Сталинграду. А на нашем Северо-Западном было тихо. Чтобы помочь своим на юге, мы усиливали удары по врагу и летали при мало-мальски подходящей погоде.

Как-то раз комиссар полка батальонный комиссар Береговой пришел к нашему самолету (мы только что вернулись из первого вылета).

— Товарищ Махнев, — сказал он, — командование решило поручить вашему экипажу очень важное задание.

Самолет загрузили пачками листовок — так, что стрелку-радисту и воздушному стрелку в кабине повернуться было нельзя. Эти листовки мы разбрасывали по маршруту Луга — Псков — Пор-

хов — Солцы. Когда вернулись домой, комиссар сказал, что за выполнение этого задания командование полка представляет летчика Махнева к присвоению звания Героя Советского Союза. Звание это Махневу не присвоили, а орденом Ленина наградили. Было это так.

Однажды командир полка майор Артемов собрал летчиков и штурманов для подготовки к полетам предстоящей ночи. Вдруг в комнату входит командир дивизии полковник Токарев. Артемов доложил ему о занятиях, тот разрешил продолжать их, а сам сел у стола и стал разглядывать нас. Майор Артемов кончил и спросил у полковника разрешения отпустить людей: пора было ехать на аэродром, к самолетам.

— Минутку, — сказал полковник. — Скажите, товарищ майор, кто эти люди?

От неожиданности Артемов растерялся.

— Как кто? Летчики и штурманы...

— А чем они занимаются?

— Не понимаю...

Тогда Токарев спрашивает одного из нас:

— Вот вы, товарищ лейтенант, летаете на задания?

— Лейтенант Мартынов, — представился летчик и ответил: — Да, летаю.

— Сколько у вас боевых вылетов?

— Пятьдесят пять.

— Так, хорошо. Садитесь... А у вас? — спросил полковник еще одного. Оказалось — что-то около сорока. Затем ему попал на глаза Махнев, и Токарев спросил его о том же.

— Девяносто восемь, — ответил мой летчик.

Тогда командир дивизии поворачивается к Артемову и говорит:

— Вы почему не награждаете людей? Или думаете, раз у командира дивизии орденов нет, так они и подчиненным не положены? У командира дивизии три ордена Красного Знамени, ясно?.. Так вот, чтобы через две недели у меня были наградные листы на всех летчиков и штурманов, которые имеют тридцать боевых вылетов и больше, понятно?..

Только после этого случая нас начали награждать: Махневу вручили орден Ленина, мне — орден Красного Знамени, стрелку-радисту Морозову и воздушному стрелку Лукину — орден Красной Звезды.

НОЧНОЕ ФОТОГРАФИРОВАНИЕ

Примерно в середине июля в полк прислали аэрофотоаппарат для ночного фотографирования и установили его на нашем самолете. Таким образом мы стали испытателями: до этого, как нам сказали, ночным фотографированием никто никогда не занимался.

Чтобы заснять нужный объект или результаты бомбометания, на самый верхний замок в бомболоках подвешивали бомбу «ФОТАБ-35» — небольшая бомбочка, весом в тридцать пять килограммов, такая безобидная на вид. Но эта штука имела силу света в пять миллионов свечей! Яркий свет ослеплял зенитчиков, и они на время прекращали стрельбу по самолету. Бомба имела взрыватель с часовым механизмом, на котором устанавливалось заданное время. Над целью нужно было выдерживать такую высоту полета, чтобы бомба взрывалась в четырехстах метрах от земли. Только при этом условии мог получиться хороший фотоснимок. При взрыве бомба давала

много осколков, они разлетались в радиусе четырехсот метров и поражали зенитчиков, орудия и зенитные прожекторы, осыпая их сверху, как дождем. Это обстоятельство было нам на руку. Неприятно было только одно: пока бомба не разорвется, нельзя менять ни курс, ни высоту полета, то есть делать противозенитный маневр, а это значит, что зенитчики могут хорошо прицелиться и сбить нас.

С первых же вылетов дело пошло на лад: мы привозили хорошие фотоснимки, на которых было прекрасно видно, как мы бомбили, куда упали наши бомбы. Однако с этим фотоаппаратом мы как-то попали в такой переплет, что, казалось, живыми не выберемся.

Мы получили задание бомбить передний край обороны противника у села Васильевщина, что находится недалеко от города Старая Русса Новгородской области. Вообще-то села, как такового, не было — одно пепелище, тем не менее фашисты не хотели из него уходить, превратив в сильный опорный пункт обороны. Наши войска получили приказ взять его, но не смогли. Тогда-то нашему полку и приказали подавить огневые точки врага.

И вот мы полетели. Взлетели, как всегда, первыми. В люках самолета висели «ФАБ-100», а под «животом» — «ФАБ-250». И, конечно, та самая, маленькая «ФОТАБ-35».

Придя на цель, я бросил все бомбы серией (иначе не сфотографируешь все взрывы бомб), последней полетела фотографическая. Зенитчики врага бьют нас из всех своих пушек, прожекторы держат в лучах и не отпускают...

Как только взорвалась фотобомба, сработал фотоаппарат, я крикнул летчику, что дело сделано, надо уходить. Махнев бросил машину вниз с

большим креном, скорость начала быстро расти. Самолет трясло, как в лихорадке, крылья рассекали воздух со свистом, чего раньше я никогда не замечал. Оба мотора ревут на полной мощности, машина несется вниз под большим углом и с большим креном (такое положение называется крутой спиралью). Самолет накренился так, что стрелка компаса уперлась в стекло и не двигалась, хотя самолет быстро разворачивался. Нам нужно было выходить на нашу территорию по курсу ноль градусов, а стрелка не двигается, и я не знаю, куда нам идти: то ли прямо пора, то ли еще разворачиваться. Я крикнул летчику, чтобы изменил крен. Махнев выровнял самолет, компас показал курс, и к своему недоумению я увидел, что мы идем снова на цель, то есть развернулись над ней на триста шестьдесят градусов, сделали полный круг! А высота — всего пятьсот метров вместо двух тысяч четырехсот, с которой мы бомбили.

— Давай влево! — крикнул я Махневу.

Он снова бросил машину в спираль, и тут произошло невероятное: прожектор схватил нас спереди, прямо в лоб. Почему не снизу, как обычно? Я глянул на высотомер: он показывал всего двести метров. А мы снижались со скоростью двадцать метров в секунду. Это значило, что секунд через пятнадцать мы врежемся в землю! Я закричал:

— Земля!

Летчик рванул на себя штурвал, самолет взмыл вверх, и мы сразу оказались на высоте четырехста метров. А со всех сторон по нам бьют зенитки, и тянутся лучи прожекторов. Но тут я увидел под нами красные ракеты: это наши солдаты дали нам сигнал о том, что линия фронта

под нами. Мы облегченно вздохнули. Когда летели домой, я думал: ну, пробоин, наверное, в машине не сосчитать, придется ее ремонтировать. На стоянке Махнев сказал технику:

— Ну, Бурлака, будет тебе работы.

— Какой, товарищ командир?

— Пробоины заделывать.

Бурлака с фонариком облазил весь самолет, но... не нашел ни одной пробоины!

Пока техники готовили самолет к следующему вылету, мы с летчиком пошли в штаб полка доложить командиру о полете и написать боевое донесение. Вскоре туда пришли командир звена старший лейтенант Алексей Мартынов и его штурман младший лейтенант Борис Батаев. Они доложили о полете, затем Батаев сказал:

— Ну и давали же сейчас немцы там одному кукурузнику! Проектора его держат, зенитка бьет вовсю, пулеметы... Мы под этот шумок спокойненько подошли к цели, отбомбились, так что нас не тронули ни одна зенитка, ни прожектор. А кукурузника, наверное, сбили... Жаль ребят...

— Не сбили, — сказал Махнев.

— А ты почему знаешь? — живо отозвался Батаев. Все присутствующие с интересом ждали ответ Махнева.

— Это нас били, а не кукурузника, — сказал он.

Все молчали, а Батаев смотрел на него удивленно и тоже молчал: он понял, что свои бомбы мог бросить нам на голову.

В начале сентября полк перебазировался ближе к фронту, поэтому, когда мы находились над целью, яркий свет взрыва фотографической бом-

бы был виден на аэродроме. И все знали, что это бомбит экипаж старшего лейтенанта Махнева, так и говорили:

— Махнев бомбит.

ОСОБЫЕ ЗАДАНИЯ

В середине октября 1942 года, вернувшись из лазарета, я узнал, что наш экипаж будет летать на выполнение каких-то особых заданий. Я спросил летчика, что это будут за полеты.

— К партизанам будем летать, — ответил тот.

Я удивился: как же, думаю, летать на бомбардировщике к партизанам? Ведь на него не посадишь даже лишнего человека. А тут вдруг такое дело.

Оказалось, что под «живот» самолета, между колес, подвесили специальную кабину — так называемую гондолу Грабовского. Внутри нее, по бокам, две скамейки, в задней части — большой люк для прыжка с парашютом, впереди — еще один люк, через который можно пролезть в штурманскую кабину.

Когда все было готово, мы испытали самолет в воздухе. Из-за того, что гондолу подвесили не совсем точно, машина летела юзом. Гондолу перевесили, мы слетали еще раз. Теперь все было в порядке.

И вот наступил вечер первого нашего вылета на выполнение специального задания. Мы пришли на аэродром после ужина, когда уже стемнело. Техник Бурлака доложил Махневу о готовности самолета к полету.

Я забрался в штурманскую кабину, проверил оборудование, разложил штурманское снаряже-

ние так, чтобы все было под рукой, и спустился на землю.

Мы стояли под крылом. Подкатил грузовик. Из кузова выпрыгнули люди, открыли борт и стащили на землю большие мешки с грузом. К нам подошел незнакомый военный в длинной шинели:

— Товарищ Махнев?

— Да, я, — ответил летчик.

— Майор Столпник, — представился незнакомец. — Значит, будем работать?

— Конечно, — сказал Махнев.

Майор направился к грузовику.

— А ну, ребята, давай быстрее поворачивайтесь! Летчики уже давно ждут!

Через несколько минут мешки с грузом лежали в гондоле, а инструктор-парашютист майор Куликов и его помощник надевали парашюты на улетающих. Их было четверо. Нам предстояло доставить их в район города Новоржева.

Кабина десантников соединялась с моей через люк, поэтому я слышал, как майор Куликов говорил своим подопечным:

— Прыгайте дружно, ребята, сразу же, как полетят мешки, не задерживайтесь! Вам же лучше будет: еще в воздухе увидите друг друга и — соберетесь быстрее, понятно?

— Ясно! — сказал кто-то в ответ.

Затем голова Куликова показалась в люке, он поднялся ко мне и сказал:

— Все, командир, можно трогать...

Взревели моторы. Летчик опробовал их на полной мощности: они работали нормально. Потом тяжело нагруженная машина тронулась с места и покатилась на старт, а еще через несколько минут взмыла в ночное небо...

Мы набрали высоту всего лишь триста метров и взяли курс на озеро Ильмень. Здесь на восточном берегу были наши войска, на западном — немцы. Мы всегда пролетали фронт над этим озером, потому что тут у фашистов не было никаких средств противозвоздушной обороны.

Но, летая на бомбежку, мы забирались на высоту две — три тысячи метров, так как все цели враг прикрывал сильным зенитным огнем и прожекторами. Даже на такой высоте, ночью, в 42-м году были сбиты два экипажа нашего полка.

На этот раз мы летели не с бомбами.

Маршрут полета я проложил над болотистой местностью, где у немцев не было зенитной артиллерии. Крупные населенные пункты, железнодорожные станции и аэродромы противника обошли стороной. По всему маршруту шли на высоте триста — четыреста метров, и в этом был свой резон. Во-первых, прыгать с парашютом лучше всего именно с малой высоты, чтобы ветром не унесло слишком далеко от точки, над которой покинут самолет. Во-вторых, полет на малой высоте, при любых метеоусловиях, облегчает визуальную ориентировку. Иначе говоря, чем ниже ночью летишь, тем лучше видишь землю. А это гарантирует доставку парашютистов в заданное место. Это — главное, ради этого можно идти на любой риск.

От озера Ильмень я проложил маршрут на большое характерных очертаний озеро близ места назначения наших пассажиров. На него вышли точно. До цели оставалось лететь пять минут. Я сказал Куликову:

— Пусть они приготовятся!..

Майор тотчас скрылся в гондоле десантников, я открыл парашютный люк. Когда настало вре-

мя, включил бортовую сирену. Пока она гудит, разведчикам надо прыгать. Вот мы пролетели место назначения, и я сирену выключил.

— Делай разворот! — сказал я летчику, чтобы еще раз зайти на цель. И только он начал разворачивать самолет на обратный курс, как в нижнем люке появилась голова Куликова.

— Все! — крикнул он и поднялся ко мне.

Мы повернули домой. На аэродроме доложили командиру полка майору Берсону о выполнении задания. Тут же был комиссар полка батальонный комиссар Береговой. Он сказал:

— Начало положено — значит, дело пойдет. Расскажите-ка, как слетали. Отойдем в сторону, не будем им мешать, — кивнул он на людей, которые подтаскивали к самолету грузовые мешки. Это была вторая группа разведчиков: трое мужчин и женщина.

Мы рассказали о полете: как он проходил, где и что видели. Майор сказал:

— Ну, хорошо. Слетаете еще разок и — отдыхать. Сегодня больше не успеть.

Мы подошли к самолету. На отлетавших надевали вещевые мешки, автоматы, парашюты. Они сосредоточенно поправляли на себе лямки, проверяли, удобно ли сидит снаряжение. Они держались спокойно, но, конечно, волновались. Их можно было понять: лететь в тыл врага, прыгать с парашютом куда-то в темноту, где на каждом шагу подстерегает опасность... Но они даже шутили.

Я невольно спросил:

— И не страшно вам туда прыгать?

Один из них посмотрел на меня, рассмеялся:

— А вам летать — не страшно? Ведь вас и зенитка бьет и истребители...

Я понял наивность своего вопроса, поэтому смутился:

— Всякое бывает...

— Вот и у нас тоже, — сказал он.

Тут в разговор вступил майор Столпник.

— Он идет туда уже двенадцатый раз, так что ему не привыкать.

Двенадцатый раз! Да, на такое способен только очень смелый человек.

Ночь была темная, облачная, но с малой высоты мы хорошо видели шоссе и дороги, а реки и озера — еще лучше. Благополучно добрались до последнего поворотного пункта маршрута — озера Родиловского, от него повернули прямо на цель.

Это озеро до сих пор стоит перед моими глазами: круглое, как пятак, светло-серое пятно на черном фоне ночного леса, диаметром около километра. Находится оно километрах в двадцати пяти восточнее Пскова среди большого лесного массива. Я смотрел на этот лес, куда спускались на парашютах разведчики, и мысли мои были о них: что их ждет? Как они там устроятся? Как будут работать?.. И на дворе уже конец октября... Хорошо еще, что лес тут разросся на многие десятки километров вокруг.

А тем временем под нами снова проплыло озеро Родиловское. Мне нужно было выполнять свои штурманские обязанности, вести самолет на аэродром.

В следующую ночь летали еще дальше, так что один полет занял более пяти часов. Еще слетали два раза. На третью ночь погода испортилась, из-за нее полк просидел без дела двое суток. Однако в любую минуту мы готовы были вылететь, куда прикажут.

...В один из тех ненастных дней, я сел писать письмо родителям в Чермоз. А когда оно было готово, пошел с воздушным стрелком нашего экипажа Александром Лукиным обедать. Письмо прихватил с собой, потому что почта находилась рядом со столовой.

Мы подходили к почте, когда из нее вышел молодой человек высокого роста, в черном кожаном реглане. На голове темно-синяя фуражка с «крабом», какие до войны носили военные летчики, на воротнике реглана и на гимнастерке голубые петлицы с черным кантом, на каждой по три «шпалы», на рукавах красные звезды политработника. Мы посмотрели ему вслед, и Лукин сказал с восхищением:

— Такой молодой и уже старший батальонный комиссар!..

Нам было ясно одно: этот комиссар — новичок в нашем гарнизоне, а кто такой, откуда — не имели никакого представления.

После обеда в комнату гостиницы, где мы жили, прибежал Махнев:

— Собирайся быстрее, нас ждут!

— Куда собираться? — не понял я.

— В штаб. Командир вызывает.

Я подумал, что, наверное, придется куда-то лететь, но оказалось, что командир полка майор Берсон вызывает нас по какой-то другой причине. Ну, коли вызывает командир части, значит, есть важная причина. И мы помчались в штаб полка.

У штаба стояла легковая автомашинa М-1 — «эмка», как ее называли. В штабе, кроме командира, были комиссар полка и незнакомый капитан пехотинец. Когда мы вошли, комиссар Береговой сказал:

— Вот и они. Ну, поехали?..

Мы кое-как втиснулись в машину, шофер газанул, и «эмка» помчалась куда-то. Выехали из гарнизона, поехали в село Выползово, которому А. Н. Радищев посвятил целую главу в своей знаменитой книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Село это находится недалеко от города Валдая. Оно растянулось вдоль Ленинградского шоссе не менее чем на километр. «Эмка» свернула на одну из улиц, остановилась. Все вышли из машины и направились в какой-то дом.

Посреди просторной комнаты стоял большой стол со всевозможными закусками. Значит, все было приготовлено заранее. Тут были и винегрет, и разделанная селедка, и соленая капуста, и рыбные консервы, и консервированная колбаса, и жареная картошка. А в центре стола — бутылки.

В комнате сидел пожилой полковник. Как потом я понял, это был начальник разведки штаба фронта. Тут же находились майор Столпник и майор Куликов.

Полковник встретил нас очень приветливо.

— Проходите, садитесь к столу! — говорил он, пожимая нам руки. Он внимательно посмотрел на Махнева, на его новенький орден Ленина, потом так же внимательно — на меня, прямо в глаза, и, видимо, остался доволен, потому что сказал:

— Молодцы! Я такими и представлял вас.

Затем опять посмотрел на меня и спросил:

— Сколько же вам лет?

Я смутился.

— Двадцать два.

— Да-а... — протянул полковник. — Вам бы сейчас с девушками гулять, а приходится воевать. Но ничего не поделаешь: война! Нужно выполнять свой солдатский долг. И вы его выполняете хорошо. Молодцы!

И замолчал.

А потом все сели за стол, разлили водку. Полковник поднял стакан и сказал:

— Я предлагаю тост за человека, которому скажут: лети вот сюда, здесь выбрось десант. И он приводит самолет точно в заданное место. Я предлагаю тост за здоровье штурмана!

Раздался звон стаканов, а я готов был провалиться сквозь землю: было как-то стыдно, что ли, — до этого дня никто не предлагал за меня тостов. А полковник, видя мое смущение, чокаясь со мной, спросил:

— Кстати, вы знаете, как выполнили те задания?

— Нет, не знаю, — ответил я.

Тогда он посмотрел на майора Столпника и спросил его:

— Товарищ Столпник, разве вы им не говорили?

— Нет, товарищ полковник, — ответил тот.

— Почему же? — удивился полковник. — Им ведь, наверное, интересно знать результаты своей работы.

— Конечно, интересно! — воскликнул комиссар Береговой. — Тем более, что мы ведем боевой счет полка!

— Так вот, товарищи, — начал полковник после небольшой паузы. — Три группы сообщили, что у них все в порядке, и они приступили к выполнению заданий...

Мне приятно было услышать это от такого большого для меня начальника... Но почему только три? Ведь мы переправили уже четыре группы! Где же еще одна?

Полковник будто прочитал мои мысли.

— Да, три группы. А о четвертой мы пока, к сожалению, ничего не знаем...

Он опять замолчал, потупился. Молчали и мы. Наконец он сказал:

— Но мы надеемся, что скоро найдется и четвертая группа... Давайте-ка выпьем еще по одной, — вдруг предложил он.

И тогда заговорил комиссар Береговой:

— Был тост за штурмана, а теперь я предлагаю выпить за Махнева. Это наш лучший летчик, товарищ полковник. Он у нас имеет больше всех боевых вылетов, летает без каких-либо происшествий, без аварий. Да и вообще экипаж Махнева хороший, поэтому и назначили его выполнять ваши особые задания...

На следующий день с утра потянул прохладный северный ветер, и к вечеру небо прояснилось. Солнце еще не успело скатиться за горизонт, а на чистом небосклоне появилась уже полная луна.

С наступлением темноты мы пришли на стоянку, где техники готовили самолет к полету. Здесь же была и очередная группа разведчиков-парашютистов.

Мы уже собрались занимать свои места, как вдруг подкатила «эмка» командира дивизии полковника Токарева. В спутнике командира дивизии я узнал того старшего батальонного комиссара, которого накануне встретил у почты. Он подошел к нам, спросил:

— Товарищ Махнев?

— Да, я, — ответил летчик.

— Здравствуйте! — поздоровался комиссар, и, пожимая руку Махнева, спросил: — А где ваш штурман?

Я стоял рядом. Комиссар протянул мне руку и представился совсем не по-военному:

— Сергей Михалков.

— Младший лейтенант Попов, — представился я в свою очередь. — «Так вот кто это!» — подумал я. А он понял, что дал промашку, и представился, слегка заикаясь:

— Старший батальонный комиссар Михалков!..

Мне было непонятно, откуда он знает Махнева? Оказалось, что, пока я был в лазарете, в штабе дивизии состоялась конференция летного состава по обмену боевым опытом. От нашей эскадрильи выступал Махнев, тогда-то Михалков и узнал о нем. На этот раз они встретились вновь: боевой летчик с корреспондентом газеты «Сталинский сокол».

...Нам объявили, что наш 816-й ночной дальнебомбардировочный авиаполк расформируется. Все экипажи полка, имевшие самолеты, передавались в другой полк. В том числе экипаж старшего лейтенанта Махнева.

В новом полку мы выполняли прежние задания. Хотя он базировался на другом аэродроме, куда перелетели все экипажи бывшего 816-го полка, мы остались на прежнем месте: ближе к штабу фронта. Задания и разведчиков привозил все тот же майор Столпник, а инструктором-парашютистом летал с нами все тот же майор Куликов. И жили мы в той же гостинице, что и раньше.

Напротив нашей комнаты жил корреспондент газеты Северо-Западного фронта по фамилии Матусовский — ныне известный поэт Михаил Мату-

совский. Каждый вечер он, наверное, видел, как четверо молодых людей, одевшись в летное обмундирование, уходили куда-то. Если бы он как корреспондент знал, куда мы уходили, чем занимались! Но наша работа была строго засекречена.

Шел декабрь 42-го года. Наши войска громили армию Паулюса между Волгой и Доном. Войска Калининского фронта освободили Великие Луки, вели упорные бои за Ржев. Успешное наступление на юге страны и на Калининском фронте воодушевляло всех советских людей и в тылу, и в действующей армии. Мы рвались в бой: хотелось бить фашистов бомбами, нанести врагу больший урон.

Об этом я и сказал однажды майору Столпнику.

— А эти полеты... Что это за боевые вылеты? То ли дело — с бомбами!

Майор удивился, а потом обиделся. Прищурил глаза и с жаром, пожалуй даже с возмущением, сказал:

— Да знаешь ли ты, что один такой вылет стоит десяти твоих вылетов с бомбами!

Потом уже более спокойно добавил:

— Запомни раз и навсегда: эти ваши полеты дают нашему командованию так много, что ты даже представить себе не можешь. Так что летай, как летал, и ни о чем не думай: вы здесь так же бьете немцев, как и солдаты под Сталинградом, как рядом, на Калининском фронте, понял? Так-то вот, товарищ Попов...

«Один такой вылет стоит десяти твоих вылетов с бомбами»... Эти слова майора Столпника заставили меня посмотреть на нашу работу другими глазами.

А погода между тем нас не баловала — часто шел снег. Иногда летали и при снегопаде, но толку от тех полетов не было. Например, полетели однажды с группой. До Ильменя шли, как всегда, на высоте трехсот метров, под самыми облаками. Я уж думал, что так и слетаем, вполне благополучно, тем более, что высота обеспечивала безопасный прыжок с парашютом. Но перед озером попали в снегопад. Вот наконец и Ильмень. Он, конечно, скован льдом и покрыт снегом, угадывается только по тому, что кончилась суша с темными пятнами лесов и деревень, впереди — белая мутная равнина.

Над озером внезапно попали в облака. Летчик вынужден был снижаться. Стрелки высотомера быстро побежали к нулю, потом пробежали его, а вокруг нас, ниже и выше, — сплошное месиво из снега и облаков.

Затем стрелки показали высоту пятьдесят метров ниже нуля шкалы, а вскоре и сто. Это означало, что мы летим на высоте, которая ниже уровня нашего аэродрома на сто метров. Нависла угроза столкновения со льдом или с землей. А на борту у нас три военных разведчика, которых мы должны доставить в заданный район целыми и невредимыми. Мы повернули обратно...

Та группа вообще оказалась невезучей: почти целую неделю стояла плохая погода, и мы никак не могли отправить ребят. Наконец низкие облака пронесло, небо прояснилось, метель, бушевавшая почти неделю, утихла.

Под вечер к нам в гостиницу пришли майор Куликов и командир группы Михаил Анисимов (так он назвался). Ему было лет двадцать пять,

смуглый, чернобровый, очень похожий на цыгана, среднего роста, худощавый. На нем было гражданское пальто с меховым воротником, гражданский костюм, на ногах — серые валенки.

Мы стали собираться на аэродром, и Анисимов сказал:

— Ну, ребята, как хотите, а сегодня нас обязательно увезите.

Махнев глянул на него и сказал, улыбаясь:

— Тебе что здесь плохо, что ли? Гуляй себе, сколько хочешь!

— Какое тут гуляние! — в тон ему воскликнул Анисимов. — Вон, начальство над душой стоит, шагу сделать не дает! А там я сам себе хозяин. Там меня даже гитлеровцы боятся.

Меня взяло любопытство, и я спросил:

— Как это тебя гитлеровцы боятся? Неужели они такие пугливые?

Анисимов посмотрел на меня с задором, с огоньком в глазах, но его опередил майор Куликов:

— Он там здорово фашистам насолил, так что они прозвали его Черной Головой и дают за него тридцать тысяч марок.

И тут я узнал, что Анисимов — лейтенант, на оккупированной территории находится с первого дня, как фашисты заняли тот район. Однажды выходил на Большую землю по вызову командования фронта, потом ушел туда снова и находился там почти полтора года. Теперь вот снова вышел по вызову. А там, в тылу противника, у него целый отряд — более семидесяти человек, все — боевые хлопцы, и нет от них немцам покоя ни днем, ни ночью. Взять хотя бы его заместителя, Захара: сержант, боевой парень! За смелость и отвагу гитлеровцы прозвали его Рыжим Дьяво-

лом и обещают за него — живого или мертвого! — двадцать тысяч марок.

Отвечая на мой вопрос, Анисимов сказал:

— Что мы там сделали?.. А ты приезжай туда, как только наши войска освободят тот район, — сам увидишь, с населением поговоришь...

По дороге на аэродром я задал ему вопрос, который в то время был, так сказать, в моде:

— Сколько же ты убил немцев?

Он ответил тотчас, не задумываясь:

— Фашистов — тысячи полторы, а сколько полицаев — не знаю, мы этих гадов не считаем.

На счет полутора тысяч уничтоженных им гитлеровцев я высказал сомнение, и Анисимов обиженно сказал:

— Не веришь? Я пустил под откос девять эшелонов — иди считай, сколько их там было. А сколько из автомата уложил...

За минувшую неделю выпало много снега, поэтому вместе с грузовыми мешками в самолет положили для группы Анисимова пар двадцать лыж, туго связанных парашютным стропом в одну связку. Получилось что-то похожее на толстое короткое бревно.

Наступала холодная звездная ночь, дул пронизывающий северный ветер.

У самолета хлопотали техники, грея моторы специальными лампами. Тут же, протягивая озябшие руки к горячим трубам ламп, стояли двое членов группы Анисимова. Они были одеты так же, как их командир. Одежда их показалась мне легкой: было не меньше тридцати градусов мороза, даже я в меховом комбинезоне это чувствовал. Чтобы не морозить ребят, мы быстро собрались и полетели: все-таки в кабине самолета было теплее, чем на ветру.

Вскоре после взлета из-за горизонта выплыла большая, полная луна. Она казалась такой яркой, такой чистой, будто ее только что вымыли. Воздух был необыкновенно прозрачен, ориентиры, особенно крупные, виднелись за десятки километров, а световые маяки — как наши, так и немецкие — за целую сотню, не меньше. В такую погоду летать — одно удовольствие.

В моей кабине на полу сидел майор Куликов, как всегда, свесив ноги в люк, ведущий в гондолу парашютистов. На коленях — автомат ППП. За два месяца совместных полетов я уже привык к нему, он, видимо, тоже. Однажды я спросил его насчет автомата:

— Зачем вы его берете?

Он удивленно посмотрел на меня:

— Как зачем? А вдруг нас собьют?..

— Типун вам на язык! — сказал я и рассмеялся: я летал на фронте уже полтора года, за это время в какой-то степени, конечно, привык к опасностям, которые подстерегали нас в каждом боевом полете в тыл врага. Мысли о том, что нас могут сбить, иногда приходили в голову, но я старался не думать об этом, гнал их прочь, потому что жить в постоянном страхе за свою жизнь просто невозможно, да и глупо.

Больше того, я был уверен, что нас не собьют, потому что, во-первых, мы летали ночью, и не с бомбами, а с разведчиками на борту, то есть обходили стороной все опасные для нас места. Во-вторых, истребителей противника мы не очень-то боялись: попробуй-ка ночью в полете увидеть другой самолет. Без локатора — наверняка ничего не получится, а в 1942 году локаторов на самолетах не было ни у нас, ни у немцев.

На подходе к месту назначения группы я тронул майора Куликова за плечо и показал рукой вниз — он тотчас скрылся в гондоле десантников. С первого захода по моему сигналу он сбросил грузовые мешки, за ними прыгнули Анисимов и его товарищи, а затем майор вытолкнул связку лыж и поднялся ко мне.

— Все! — крикнул он.

И в этот момент что-то со страшной силой ударило по хвосту самолета, отчего он клюнул носом вниз. Летчик рванул штурвал на себя, стараясь удержать машину в горизонтальном полете, но второй такой же удар заставил ее клюнуть еще раз, потом еще и еще...

— Что там? — тревожно крикнул летчик.

— Не знаю! — ответил я, оглядываясь по сторонам, но увидел только яркий свет в кабине стрелков. Это надо же! Я закричал:

— Морозов! Ты что, хочешь, чтобы тебя истребитель сбил? Сейчас же выключай свет!

Радист выключил свет, но удары по хвосту нашего ДБ-3Ф от этого не прекратились. Происходило что-то непонятное, такого с нами еще никогда не случалось. Зенитка противника? Но откуда она в этом глухом и заболоченном месте? Тут у немцев нет никаких военных объектов, стало быть, нет и зенитки. Но что же это?

Удары сыпались один за другим, и с прежней силой, через каждые пять-шесть секунд.

Майор Куликов нырнул в гондолу парашютистов, тотчас вылез обратно и крикнул:

— Лыжи!..

— Что лыжи? — не понял я.

— Лыжи зацепились за фал! — пояснил майор, показывая на пальцах, как фал — веревка длиной восемь метров, с помощью которой рас-

крывается парашют, — зажало лыжами и они болтаются на нем. Их крутит под самолетом встречным потоком воздуха и бьет по хвосту машины.

Что, если это бревно из лыж ломает рули высоты? Тогда неминуема гибель и экипажа и самолета. Хорошо, если успеем выбраться и прыгнуть с парашютом. Но на прыжок может не хватить времени. А если машина свалится в пике или в штопор, то из нее вообще не выберешься. Что же делать?

Первым порывом было желание поскорее избавиться от лыж, и я крикнул об этом майору Куликову. Он кинулся в гондолу десантников резать веревку, но я успел поймать его за плечо.

— Зайдем снова! — крикнул я ему в самое ухо, чтобы он правильно понял меня. — Резать по сигналу!..

Майор кивнул головой и скрылся в люке. Летчик услышал мои слова и начал разворачивать самолет на новый заход.

Почему мы пошли на второй заход, рискуя жизнью экипажа и самолетом? Мысль об этом пришла мне внезапно, а Махнев не возражал. Мы рисковали потому, что отлетели от места, где прыгнули Анисимов и его товарищи, уже километров на двенадцать. Обрежь майор веревку на таком расстоянии, и ребята наверняка не нашли бы свои злополучные лыжи. А как им в лесу без них? Тем более, что после метели снег был глубокий.

И мы зашли снова, зашли точно так же, как в первый раз, и точно над тем же местом, где прыгали ребята, я дал сигнал майору, и он обрезал веревку. И тотчас самолет перестало трясти, у нас — как гора с плеч свалилась.

Мы благополучно вернулись домой, подготовились и слетали еще раз, но уже в другой район. И все время меня мучил вопрос: нашли ли ребята свои лыжи? Через два дня майор Столпник сказал, что лыжи нашлись. Значит, не зря мы рисковали.

Как правило, мы увозили группы по три человека, реже по четыре, а несколько раз — одного разведчика. И только однажды выбросили сразу шесть человек.

На какие задания они шли — этого мы не знали. Мне указывали на карте место, куда доставить людей, я прокладывал туда маршрут, готовил бортжурнал, делал предварительный расчет полета, и на этом моя предполетная подготовка заканчивалась. Нас никто не контролировал: полк находился на другом аэродроме, за сорок километров, да и командиры полка и эскадрильи хорошо знали нас, верили нам.

Маршруты я выбирал соответственно полученному заданию, но линию фронта на Северо-Западном всегда перелетали над озером Ильмень, потому что между городом Старая Русса и поселком Шимск — как раз посередине, на шоссе, — находился немецкий световой маяк, которым я пользовался для ориентировки, как своим.

Над оккупированной территорией мы всегда летали на малой высоте: на двухстах — трехстах метрах, а в светлую ночь и того ниже. И это очень помогало нам выполнять задания точно и вовремя. Во-первых, облегчало визуальную ориентировку, во-вторых, давало полную гарантию, что разведчики будут доставлены в заданное место:

с малой высоты парашютиста ветром унесет недалеко.

И еще одно преимущество полета на малой высоте выяснилось совершенно неожиданно.

Однажды мы получили приказ лететь в район между городами Порхов и Остров Псковской области. Ночь была темная и холодная. Наши однопольчане бомбили эшелоны противника на железнодорожном узле Дно, мимо которого нам предстояло лететь.

Когда мы находились над Ильменем, кто-то из наших прилетел на цель и начал бомбить. Зенитная артиллерия открыла огонь сразу же, как только прожекторы схватили самолет в свои лучи-щупальцы. Трассирующие снаряды летели к самолету прямо по лучам прожекторов.

На сердце стало тревожно, тоскливо, будто эти снаряды летели в меня. Я смотрел на огонь, беснующийся вокруг маленькой серебристой птицы, и, переживая за ребят, сказал летчику:

— Смотри, что делается! Как бы нам не выскочить на это Дно!..

Махнев промолчал. Он, конечно, тоже переживал за ребят, но свои эмоции никак не выказывал: уж такой сдержанный характер у него.

Между тем первый бомбардировщик благополучно отбомбился и улетел, а на его место пришел другой. Бомбы рвались на земле, вспыхивая красноватыми сполохами, и вдруг там, на цели, ярко вспыхнуло пламя мощного взрыва, потом еще и еще. При каждом новом взрыве на станции языки пламени выбрасывало высоко вверх. От этого вражеские зенитчики словно взбесились: вокруг самолета бушевал настоящий зенитно-прожекторный ураган.

Недалеко от Дна, у города Сольцы, в небо вдруг взлетела белая ракета. Я подумал, что это условный сигнал: дело в том, что у Сольцов был немецкий аэродром. И я зарядил свой пистолет-ракетницу белой ракетой. Просто так, на всякий случай.

И второй бомбардировщик улетел домой. Над городом и станцией наступило временное затишье: зенитчики противника притаились, прожекторы выключили. Это затишье всегда действовало весьма неприятно: затаившийся враг слышит звук моторов нашего самолета.

Зенитки молчали, и я, глянув на часы, подумал, что мы благополучно миновали опасное место. Как вдруг нас поймал прожектор, за ним — остальные. Это было так неожиданно и досадно: ведь опасались этого — и все-таки не убереглись. Но не успел я что-либо подумать, как моя рука схватила ракетницу. Белая ракета ушла в форточку кабины. И произошло чудо: прожекторы погасли, зенитки ни разу не выстрелили.

Опять хватаю белую ракету, заряжаю ракетницу. И только успел это сделать, как прожекторы снова поймали нас: видно, у фашистов появилось какое-то подозрение. Я снова выстрелил белой ракетой, и прожектора опять погасли. И зенитки молчали.

Все это продолжалось не более полминуты.

Мы ушли целыми, так сказать, постарались поскорее унести ноги подальше от опасного места.

Вероятно, у немцев в ту ночь белая ракета была условным сигналом: «я — свой самолет».

После этого случая я наказал всем членам экипажа, чтобы они предупреждали меня, как

только где-либо появится какая-нибудь ракета. Любого цвета! И эта хитрость помогла еще раз: точно так же в феврале 43-го года я обманул ракетой гитлеровских зенитчиков у поселка Локня Псковской области, где у фашистов были большие армейские склады, охранявшиеся многочисленными зенитными орудиями и прожекторами.

В середине января 1943 года наш экипаж передали в распоряжение другой войсковой части, и мы перелетели в другой город. Эта часть подчинялась непосредственно Москве.

Тот день был очень холодным. Встретил нас сам командир части подполковник Потрясов. Он повез нас в город. Мы оказались в длинном бараке, в котором был адский холод. Бросили вещи в коридоре, прямо на пол, потому что подполковник сказал, что сегодня надо увезти две группы.

Новую полетную карту склеил быстро: этим делом штурману приходится заниматься часто, потому что карты быстро треплются и приходят в негодность.

Над маршрутом пришлось поломать голову: на Калининском фронте мы не знали ни места, где у немцев стояла зенитная артиллерия, ни аэродромов истребителей. Конечно, ночью мы не очень-то боялись «мессершмиттов», но знать их аэродромы базирования никогда не вредно, чтобы не попасть впросак: ведь у нас на борту разведчики, люди особые, за целость и сохранность которых, за точную доставку их в заданное место мы отвечали. А новое наше начальство помочь нам ничем не могло. Пришлось положиться на свой опыт и интуицию: авось над болотистой

местностью и малонаселенными районами пролетим спокойно.

Фронт перелетели между Невелем и Витебском. Его было хорошо видно по вспышкам оружейных выстрелов и трассирующим снарядам, по осветительным ракетам. Над линией фронта шли на высоте полторы тысячи метров, затем снизились до трехсот и направились прямо на цель. Снижались, словно катились с горы, и набрали хорошую скорость, быстро дошли до заданного места, где выбросилась группа.

Из второго вылета вернулись в седьмом часу утра. В воздухе пробыли одиннадцать часов, сильно устали. Но где спать? Оказалось, что подполковник Потрясов позаботился о нас: заранее снял квартиры в центре города и после завтрака нас развезли по ним. После нелегкой ночи я мгновенно уснул, будто провалился в пропасть. Проснулся около двух часов дня. Вскоре приехал подполковник Потрясов, приветливо поздоровался, спросил:

— Ну, как спалось на новом месте?

— Хорошо! — бодро ответил Махнев.

— Ну и прекрасно! — сказал подполковник. — А ну-ка, штурман, давайте вашу карту!..

Я развернул на столе свою полетную карту-миллионку (масштаба 1 : 1 000 000), и подполковник сказал, делая на ней маленькие кружочки красным карандашом:

— Сегодня одну надо сюда... Другую — вот сюда...

Я проложил маршруты, сделал два предварительных расчета полетов, потому что потом, на аэродроме, да еще на морозе, заниматься этим делом и времени не будет, да и не очень-то приятно.

На третью ночь, на пятом вылете из города при перелете линии фронта нас обстреляла зенитка. Правда, снаряды рвались далеко в стороне и не причинили нам никакого вреда. Тем не менее это насторожило: стало быть, немцы обратили внимание на наши ежедневные полеты через линию фронта, к тому же почти в одно и то же время.

На обратном пути из второго полета зенитный огонь стал сильнее, а на следующую ночь там появился даже прожектор.

Мы не имели права рисковать жизнью людей, доверенных нам, и пришлось искать другое, более спокойное, место для прохода фронта. Мы нашли такое севернее Великих Лук.

В мае 1943 года мы получили приказ перелететь на Северо-Западный фронт в распоряжение разведотдела штаба фронта. Район полетов мы здесь хорошо знали, так что сразу же включились в работу. Летали нормально, все задания выполнили благополучно, без каких-либо лётных и иных происшествий.

В августе того же года всех нас наградили вторично: Махнева и меня — орденом Красного Знамени, стрелка-радиста Морозова и воздушного стрелка — орденом Отечественной войны II степени, а техника самолета Якова Бурлаку, механика Анатолия Добряка и моториста Алексея Тумакова — медалью «За отвагу».

После расформирования Северо-Западного фронта меня перевели штурманом звена в 55-й дальнебомбардировочный авиаполк, который входил в состав 242-й бомбардировочной авиадивизии.

РИСКОВАННАЯ ПОСАДКА

Часов в семь утра взлетела красная ракета. Это означало, что летный состав собирают на командный пункт полка. Когда все собрались, командир дал боевое задание и время на подготовку к вылету. При этом он сказал, что вылетать будем по сигналу с КП.

Подготовка заняла немного времени. Потом все разошлись по своим самолетам, стали ждать сигнал. А такое ожидание действует на нервы весьма неприятно: недаром говорится, что ждать да догонять — хуже всего на свете.

Так просидели весь день и уже думали, что вылетов сегодня не будет. Вдруг с КП — снова красная ракета, означавшая сбор летного состава. Побежали туда. Командир полка сказал, что получен новый приказ: дали новую цель и, соответственно, — другую бомбовую нагрузку.

— Пока вы готовитесь, — сказал командир, — технический состав экипажа снимет эти бомбы и повесит другие. Вылет сразу же, так что поспешите...

Началась спешка. Быстро сделал все бумажные дела (прокладка маршрута, подготовка боржурнала, расчет полета) и побежал к самолету. Наружные бомбы, три «ФАБ-250», уже висели под фюзеляжем, а бомболюки были уже закрыты. Летчик Николай Шарашкин сидел в пилотской кабине и нетерпеливо крикнул мне:

— Давай скорей! Артемов уже выруливает!..

Я бегло оглядел наружные бомбы, прыгнул на крыло и забрался в штурманскую кабину. В спешке я, конечно, ничего не заметил. А тут порулили командир полка, за ним командир нашей эскадрильи капитан Михаил Гуляев...

Короче говоря, взлетели, построились в колонну дивизии, пошли на цель, отбомбились, повернули домой. Как будто все было нормально: все живы-здоровы, задание выполнено, и за это командир дивизии генерал Щербаков объявил благодарность (прямо над целью, по радио) всему летному составу.

Настроение у всех было отличное: день на исходе, прилетим, поужинаем — и отдыхать до утра.

И вдруг стрелок-радист кричит:

— Штурман! Бомбы в люках остались!..

А под нами — город Гатчина. Что если бомбы сорвутся и упадут на город? Но какие это бомбы? Я же все бросил! Кричу радисту:

— Какие бомбы? Где?

— Вон тут, хвосты торчат!..

Хватаю бомбардировочный прицел, разворачиваю его на заднее визирование и вижу самолет снизу. Действительно, на правой полуоткрытой створке бомболюка видны стабилизаторы осколочных бомб. Кроме того, на правом наружном замке висит фугасная бомба «ФАБ-250». Но самое страшное — у головного взрывателя нет предохранительной ветрянки, и голый ударник его злоеще торчит впереди бомбы. А взрыватель этот — мгновенного действия: при малейшем ударе он взорвется. У меня по спине побежали мурашки. Что делать? Кричу радисту:

— Передай командиру эскадрильи, что зависли бомбы, идем на полигон! — и добавил летчику: — Коля, выходи из строя!

Шарашкин в ответ — ни звука. Хоть бы выругался, что ли. Уж такой молчун уродился: в воздухе беспрекословно выполняет все, что я скажу, никогда не спорит. В этом отношении с таким летчиком летать хорошо. Зато на земле, при слу-

чае, скажет что-нибудь такое, что от смеха все животы надрывают. А он даже не улыбнется.

Летчик он был не просто способный — талантливый. Однажды ночью над целью в его кабину залетел осколок зенитного снаряда и разбил приборную доску. Короче говоря, Шарашкин остался без приборов пилотирования. И, несмотря на это, он сумел прилететь домой и благополучно посадил самолет. Ночью, без приборов пролетел триста километров, то есть летел более часа!

Итак, радист сообщил командиру эскадрильи о зависших бомбах, мы пришли на полигон, и только я открыл люки, как посыпались осколочные бомбы. Жалко было их: пропали ни за что, ни про что.

Я опять посмотрел через прицел на «живот» самолета — фугаска «ФАБ-250» не упала, висит на своем месте. Заходим снова, я пытаюсь сбросить ее электрическим сбрасывателем — не упала. Что за чудеса? На следующем заходе бросаю аварийным сбрасывателем — снова не падает. Никак не могу сбросить! Изо всей силы двигаю рукояткой аварийного сбрасывателя, а толку никакого. Чуть не вырвал из борта кабины этот злополучный сбрасыватель, а бомба все висит. Кричу радисту:

— Передай на землю: бомба висит, сбросить не могу!

Радист передал, ему ответили: бомбу надо сбросить. А как? Снова кричу:

— Ты передал, что я сказал?

— Передал, товарищ старший лейтенант! — отвечает радист.

— Они что там, маленькие, что ли? Не понимают?

— Не знаю, так ответили, — доложил радист спокойно, будто его это дело совсем не касается.

Что только мы не делали, чтобы избавиться от проклятой бомбы, и толку никакого. А с земли твердят одно: надо сбросить бомбу. Как будто я не пытался это сделать. Летчик создавал перегрузку на бомбу (то есть направлял машину вниз, затем резко брал штурвал на себя, а ей хоть бы что: висит! Что же делать? Надо что-то придумать: ведь не летать же век с этой фугаской. Горючее кончится — и упадем вместе с ней. Если бы ветрянка стояла на месте — давно бы сели, а без нее — гроб, бомба обязательно взорвется, если упадет на посадке. Вдруг меня осенило.

— Пусть Клименко пролезет в бомболюки и вывернет взрыватель! — крикнул я радисту. — Только осторожно, чтобы не трогал голый ударник, понял?

Затем стал смотреть на бомбу, ожидая, когда появится рука Федора Клименко. А ее все нет и нет... Потом радист крикнул:

— Он не может туда пролезть, ему парашют мешает!..

— Пусть снимет парашют! — сказал я, совсем не подумав о том, что Клименко может сорваться и выпасть из люка. Сейчас, спустя более тридцати пяти лет, как вспомню об этом, — жутко становится. А тогда я был злой как черт из-за этой проклятой бомбы.

И Федя не струсил, хотя, я думаю, ему было страшно висеть без парашюта над открытыми бомболюками на высоте четырехсот метров. Он пролез в люки, встал на колени и потянулся рукой через створку к бомбе, по корпусу ее добрался до взрывателя, начал выкручивать его, но вывернуть не смог: на земле, перед вылетом, взры-

ватели в бомбы закручивают специальным ключом.

Я видел, как рука Клименко исчезла в люке, а взрыватель с голым ударником остался на месте. Что же теперь делать? Остается либо идти на посадку с бомбой, либо всем прыгать с парашютом. Что же выбрать? Если садиться с бомбой, то нас может спасти только чудо. Прыгать с парашютом? Самолет жалко: такая замечательная машина пропадет. Летчик, как всегда, молчит, словно воды в рот набрал. Кстати замечу: я летал с ним до осени сорок шестого года и в воздухе от него не слышал ни одного слова, хотя бывало, что мы летали часов по пять и более. Но об этой его особенности я узнал позже, а тогда недоумевал: чего он молчит? Ведь он командир экипажа и даже звена! Я принял решение идти на посадку: я виноват в случившемся, из-за меня погибли люди и самолет, так разве я имею право жить после этого? Нет, конечно. И я крикнул радисту:

— Передай на землю: идем на посадку с бомбой!..

Летчик — опять ни звука. Взял курс на аэродром. У меня мелькнула мысль дать команду стрелкам прыгать с парашютом. Зачем им-то рисковать своей жизнью? Но такую команду может дать командир экипажа, а он молчит, мне же, штурману, такого права не дано. И я тоже промолчал. Еще и потому, что оба стрелка были старше меня на два года, сами должны соображать. И если бы они прыгнули по собственной инициативе, их за это никто бы не осудил, наоборот, — похвалили бы. Положение у нас было критическое, безвыходное. Но они прыгать не захотели.

На старте обычно стояла стартовая автомашина, у посадочного знака «Т» — солдат-стартер. На этот раз там не было ни души. Все знали о нашей беде, о том, что при посадке можем взорваться.

Шарашкин сделал последний разворот и перевел самолет на планирование. Я сказал ему:

— Коля! Постарайся посадить машину на три точки!..

Догадался же в такой ответственный момент, когда у летчика нервы напряжены до предела, когда он сам прекрасно понимал всю серьезность нашего положения, бухнуть такое!

Посадочная полоса неслась навстречу. А так хотелось быть от нее подальше, оттянуть момент приземления...

Промелькнуло посадочное «Т». Летчик взял штурвал на себя, выводя самолет из угла планирования, нос машины, то есть моя кабина, задирается кверху, самолет теряет скорость, падает на бетонную полосу и ударяется о нее так, что подскакивает метров на пять-шесть, пролетает метров сто пятьдесят, снова падает и опять подскакивает, снова летит... Я замер, жду взрыва...

Но чудо все-таки произошло: бомба не сорвалась, не упала на бетонку, мы были спасены. Летчик тотчас выключил моторы, и, как только самолет остановился, мы выскочили из кабин и кинулись к бомбе, стоим, смотрим на нее, как на какую-нибудь невидаль, и молчим...

К нам подкатила автомашина, в ней были командир дивизии генерал-лейтенант авиации Щербаков, командир нашего полка подполковник Артемов и инженер дивизии по вооружению. Инженер сразу же подошел к головке бомбы и

ключом вывернул опасный взрыватель, затем вывернул и другой — в хвосте бомбы, сказал:

— А ну-ка, подойдите к голове бомбы. Так. Беритесь за нее и поднимайте кверху. Ну? Раз, два, взяли!..

Мы рывком подняли головную часть бомбы, и тотчас раздался щелчок — такой звук бывает при выстреле из детского пистолета. И мне сразу стало понятно, почему бомба не упала ни на цель, ни на полигоне. При подвеске ее подняли не до конца, и потому замок бомбы не встал на свое место.

ДОЛГОЖДАННАЯ ПОБЕДА

Весной 45-го наш полк стоял в городе Шрода близ Познани. Сюда мы прилетели накануне наступления наших войск на Берлин. Наши самолеты стояли за городом. Отсюда в день начала Берлинской операции, рано утром, полетели бомбить сильно укрепленные фашистами Зееловские высоты, расположенные на западном берегу Одера. За них разгорелась жаркая битва и на земле, и в воздухе. Так, в первый день операции наши летчики совершили тысячи боевых вылетов, обрушив на голову врага смертоносный удар. Это только авиация. А сколько там было артиллерии, минометов, танков...

Дым и пыль от взрывов и громадных пожаров относило далеко на восток, километров на полтора-два. Бывало, летишь на высоте пятьсот — шестьсот метров, а сквозь дым земля еле видна. Запах гари чувствовался в кабинах самолетов.

Мощным ударом наши войска выбили противника с высот, заняли город Зеелов и стали быстро наступать. Уже в двадцатых числах апреля

завязались бои на окраинах Берлина, а вскоре он был взят.

В течение всего этого времени наш полк совершал по два-три вылета в день. Мы бомбили аэродромы противника, его железнодорожные станции, фашистские войска, спешившие на фронт, но чаще всего — передний край обороны гитлеровцев. И за все это время мы не потеряли ни одного самолета.

Седьмого мая нам дали отбой раньше обычного, и мы уехали в город, где жили в общежитии местной гимназии. Вечером мы с приятелем зашли в клуб, который находился рядом со столовой, в том же здании. В зале, около сцены, сидел наш полковой баянист старшина Василий Седун и играл на баяне. Это был замечательный баянист. Баян он взял с собой из дома, уходя на службу в армию, и никогда с ним не расставался, даже брал в полет. Летчик Иван Левин рассказывал мне случай, происшедший с Седуном и его баяном.

То было летом 1941 года, когда гитлеровцы наступали. Однажды экипаж младшего лейтенанта Левина получил боевое задание: бомбить танки противника. Над целью самолет Левина загорелся. Летчик приказал экипажу прыгать с парашютом. Василий Седун (он был стрелком-радистом Левина) схватил свой баян и выпрыгнул с ним из горящего самолета.

И вот теперь Седун играл на своем баяне, а рядом с ним сидел стрелок-радист нашего экипажа старшина Василий Градобоев и растягивал меха другого баяна — подарка рабочих Мотовилихинского завода.

Под звуки вальса кружились пары. Были тут наши офицеры и сержанты, была и польская мо-

лодежь. В вихре танца все перемешалось: летчики танцевали с польскими девушками, а поляки — с нашими военными девчатами.

Людей в зале становилось все больше, музыка не утихала ни на минуту, и танцы были в разгаре. Вдруг на улице поднялась оглушительная стрельба из винтовок, пистолетов и даже слышалась трескотня автоматных очередей. В чем дело?

Все бросились на улицу.

Когда я выбежал, увидел группу наших летчиков. Они стояли и о чем-то спокойно разговаривали, поглядывая по сторонам.

— Что случилось? — спросил я, подбежав к ним.

— Война кончилась! — ответил летчик Николай Ильин.

— Как кончилась? Кто сказал? — не поверил я, хотя такое сообщение мы ждали с минуты на минуту.

— Польское радио передало. Объявило, что Германия капитулировала...

— Правда?!

— А вон, смотри...

Вокруг творилось что-то невероятное: во многих домах, в окнах, появлялись какие-то люди с оружием в руках и стреляли в воздух. Выстрелы слышались во всех концах города. Стояла такая сильная стрельба, что можно было подумать, будто в городе идет ожесточенный бой.

На другой день нас на аэродром не повезли. По приказанию командира полка весь личный состав был собран во дворе нашего общежития. Заместитель командира по политчасти, выступая перед строем, сказал:

— Товарищи! Вчера вечером польское радио сообщило, что якобы гитлеровская Германия капитулировала. Но наше командование нам ничего не передавало, поэтому не нужно поддаваться благодушным настроениям, надо быть в постоянной боевой готовности: приказ на вылет может поступить в любой момент...

Весь день восьмого мая прошел в напряженном ожидании каких-то важных сообщений. Но в тот день мы так ничего и не дождались. Вечером, после ужина, в клубе опять были танцы, но у всех было какое-то не располагающее к веселью настроение, поэтому танцы кончились скоро, и все разошлись по своим местам.

В те дни стояла теплая погода, и мы, ложась спать, окна не закрывали. И вот в ночь на девятое мая 1945 года я сквозь сон услышал опять выстрелы, раздававшиеся где-то недалеко от нашего общежития, слышались чьи-то крики. Я подбежал к окну, выглянул на улицу и увидел, как три человека бежали к нашему дому и что-то кричали. Сон мой как рукой сняло.

Вскоре послышались торопливые шаги по лестнице, потом они приблизились к нашей комнате, дверь отворили рывком, щелкнул выключатель. На пороге стоял штурман нашей эскадрильи капитан Михаил Федорович Таран. Он громко крикнул:

— Эй, хлопцы! Довольно спать!

Все мгновенно проснулись.

— Что случилось? — спросил кто-то.

— Война кончилась! — крикнул капитан.

— Так же, как вчера? — спросил летчик Михаил Соколов.

— Честное слово, кончилась! Москва сейчас передавала! Я сам слышал голос Левитана!

Сна как не бывало. Все вскочили со своих коек, начали лихорадочно одеваться, весело и возбужденно переговариваясь, а голос капитана раздавался уже в соседней комнате. Вскоре прибежал посыльный и сказал, чтобы все шли в штаб полка.

В большой комнате штаба, когда я пришел, было уже тесно. Люди стояли и молча слушали знакомый голос московского диктора, читавшего приказ Верховного главнокомандующего о победе советского народа в войне против гитлеровской Германии. С каждым словом приказа радостное возбуждение людей росло: мы победили!.. А когда приказ был прочитан до конца, возбуждение наше вырвалось мощным «ура!». От этого оглушительного «ура» стекла окон дрожали так, что, казалось, они вылетят на улицу и разлетятся на мелкие осколки.

Тут же состоялся короткий митинг. С волнующими речами выступили командир полка подполковник А. Ф. Артемов, его заместитель по политчасти подполковник А. В. Щекочихин и еще несколько товарищей. А потом капитан Таран, стоявший рядом с Артемовым, крикнул:

— Качать командира!

И тотчас десятки рук подхватили Артемова и подкинули под самый потолок, потом еще и еще раз...

На улице было еще темно, но после такого радостного сообщения московского радио спать никто уже не мог: разве уснешь в такое время!

Утром весь личный состав полка был построен перед штабом полка. В ярких лучах весеннего солнца на гимнастерках и кителях летчиков весело блестели боевые ордена и медали.

Раздалась команда, и колонна направилась на центральную площадь города. С развернутым боевым красным знаменем полка шли летчики по залитым солнечным светом улицам, а по сторонам дороги плотной стеной стояли горожане и радостно приветствовали своих освободителей. В колонну то и дело летели букеты весенних цветов.

Глядя на улыбающихся, ликующих поляков, мы знали, что в нашем лице они приветствуют великий советский народ, народ-победитель. Дорогой ценой досталась ему эта победа, но, несмотря ни на что, он победил.

НА ВОСТОК

9 мая 1945 года наша страна, все прогрессивное человечество праздновали День Победы над гитлеровской Германией. А 16 мая Николая Шарашкина и меня вызвал в штаб командир полка подполковник Артемов, и сказал, чтобы мы со своим звеном собирались в Москву получать новые самолеты.

Сборы были недолгими: на другой же день мы получили документы, продукты, деньги и отправились в дорогу. На поезде добрались до Варшавы, на какой-то колымаге доехали до Вильнюсского вокзала. Собственно говоря, вокзала как такового не было: стоял сарай из досок и ничего больше. Здесь под открытым небом нам пришлось провести два дня и две ночи. Хорошо, что погода стояла теплая. Наконец рано утром пришел поезд Москва — Варшава. Это был первый такой поезд, поэтому на вокзале состоялся митинг. Вечером того же дня мы уехали на нем.

Получив самолет, мы хотели лететь в Польшу, в свой полк, но нам сказали, чтобы мы лете-

ли на аэродром под Москвой, потому что по приказу Верховного главнокомандующего на 24 июня назначен Парад Победы на Красной площади, в котором и нам предстоит участвовать.

Целый месяц мы тренировались — учились ходить строем «колонна эскадрилий». Всего же в воздушном параде должно было участвовать восемь авиационных дивизий. Летали мы с утра до обеда, ежедневно, а вечером, после ужина, к нам приезжали московские артисты и давали концерты.

По плану предполагалось, что командующий воздушным парадом и первая эскадрилья колонны должны появиться над Красной площадью ровно в 10 часов утра, когда по Красной площади мимо Мавзолея пойдет сводный полк Карельского фронта. Но погода, как нарочно, испортилась: часов в шесть утра начался дождь и шел часов до пяти вечера. Воздушный парад из-за дождя отменили. Мы помчались в Москву. Парад прошел под сильным дождем, но никто не обращал на него внимания. Вся столица ликовала, еще раз праздновала победу.

После парада нам дали три дня отдыха, затем раздали новые карты... востока страны. Штурман полка, в котором мы летали на тренировках, сказал:

— Ваш пятьдесят пятый уже вылетел.

Для нас это было полной неожиданностью. А 10 июля мы были уже на Забайкальском фронте.

Примерно 4 августа командир полка Артемов снова вызвал Николая Шарашкина и меня в штаб полка.

— Командир дивизии приказал послать вас на аэродром около озера, который находится

где-то далеко на востоке. Что вам там придется делать — никто не знает. Если вас пошлют на разведку, просите истребители сопровождения.

Далее командир полка сказал, чтобы мы взяли с собой все свои личные вещи: вполне возможно, что обратно мы можем не вернуться. Проводить нас пришли все летчики и штурманы эскадрильи.

Когда прилетели на указанный нам аэродром, дежурный по аэродрому сказал, что не получал насчет нас никаких указаний. После ужина устроились на ночлег под самолетом, благо было тепло, сухо и у нас были новые чистые моторные и самолетные чехлы. На них мы отлично выспались.

На другой день после завтрака прибежал дежурный по аэродрому и сказал, что нас вызывает к себе генерал-майор авиации Галунов. На вопрос — кто это такой? — ответил, что это заместитель командующего 12-й воздушной армией. Мы поняли, что нам и впрямь предстоит что-то серьезное.

Генерал-майор Галунов собрал таких же, как мы, ребят, прилетевших по вызову из разных частей. Он сказал, что командующий армией маршал авиации Худяков приказал нам пролететь над нашими сухопутными войсками на высоте не более двухсот метров для того, чтобы все солдаты и офицеры могли хорошо разглядеть силуэты самолетов, которые будут участвовать в боях с вероятным противником. А кто будет этим вероятным противником, мы, конечно, догадались: японская Квантунская армия.

ГРАЧЕВАЯ
БАЛКА

II оправившись после ранения, я стал проситься снова на фронт и в июле 1942 года оказался в 252-й стрелковой дивизии, которая в то время была на переформировании в Пермской области. Меня назначили командиром санитарного взвода 3-го стрелкового батальона 924-го полка.

В октябре 1942 года наша дивизия прибыла под Сталинград. Я уже побывал в боях, был, как говорится, обстрелянный, но здесь, в приволжских степях, было значительно труднее, чем на Северо-Западном фронте, в лесистой местности. Да и бои шли ожесточеннее, непрерывно действовала авиация противника, а в степи от самолета не спрячешься!

Я не берусь рассказывать о боях под Сталинградом, другие расскажут лучше меня. Мне же особенно памятен первый период боев нашей дивизии в районе Грачевой балки.

В середине месяца, а точнее 17 октября 1942 года, полки нашей дивизии в районе Грачевой балки сменили ранее действовавшую здесь дивизию и после короткой, слабой артиллерийской подготовки пошли в наступление. Я со своим санвзводом (две одноконные повозки, два ездовых, два санитары, санинструктор Ефремов) вышел из отрога балки и направился за боевыми порядками одной из рот. Противник открыл по наступающим сильный ружейно-пулеметный, минометный и артиллерийский огонь. Наши подразделения залегли, и тогда повозки пришлось развернуть и отправить в отрог балки. С повозками я направил санинструктора Ефремова, а сам с санитарями остался в роте.

Появились раненые, их было много. Я уже писал, что дивизия прибыла под Сталинград после переформирования на Урале. Подразделения были укомплектованы почти до полной штатной численности. Личный состав был здоровый, крепкий, в основном сибиряки и уральцы. Поле боя было заполнено нашими войсками довольно плотно, местность — открытая степь, для бойцов непривычная и неосвоенная, окопчики мелкие, укрытий нет. Пользовались неровностями местности — овражками да еще подбитыми танками. Противник вел сильный огонь, всюду рвались мины и снаряды. Большинство раненых было поражено осколками — от них в окопчиках и овражках не укроешься.

Мы с санитарями расползлись в разные стороны. Встать нельзя, передвигались только полз-

ком. Стали оказывать помощь раненым: делать перевязки, направлять в укрытия — в овраги, за подбитые танки, в отрог балки к повозкам. Многих выносили, вернее вытаскивали, — кого за ворот гимнастерки или шинели, кого за ремень. Одним словом, как придется, только бы спасти.

Огонь противника не прекращался, а только менял направления. Наше наступление не удалось. Раненых много. Большинство из них вело себя очень мужественно. Страдания переносили без лишних стонов, многие выходили, выползали с поля боя самостоятельно, что называется сгоряча. Среди таких были и с ранениями в грудь, в голову, в живот, с переломами рук. Труднее было с ранеными в ноги. Таких приходилось выносить. Перевязки раненым делали и другие бойцы. Они же помогали им выползти в укрытие. Сколько пришлось перевязать и вынести раненых, я не считал, но по расходу перевязочного материала из сансумки и индивидуальных пакетов полагаю, что не один десяток. Сумку перед боем я наполнил до предела, но вскоре она опустела. Перевязал еще одного бойца, указал ему, куда пойти, вернее ползти, а сам двинулся где ползком, где бегом в направлении КП командира батальона. Здесь-то и нашел меня санитар, посланный санинструктором Ефремовым. Он доложил, что в отроге балки, где были наши повозки, скопилось много раненых, которым надо делать перевязки, отправлять их в тыл. Я сообщил об этом командиру батальона и попросил его связаться с полком и вызвать подводы в отрог балки. Комбат тут же доложил обстановку, попросил подводы, а мне приказал отправиться к балке и организовать эвакуацию раненых. Я добрался до отрога балки. Это было недалеко —

двести-триста метров напрямик, а по овражкам побольше.

Раненых там собралось много. Им надо было поправлять повязки, а у некоторых вообще не было повязок. Хорошо, быстро действовал санитаринструктор Ефремов, но один не успевал, раненых прибывало больше, чем он мог перевязать. Вдвоем у нас дело пошло быстрее. Перевязочный материал пока был, но и он кончался.

Возвратились наши повозки, а через некоторое время стали подходить повозки из полка. Это было как нельзя кстати. Мы загружали их до предела: кого укладывали, кого усаживали, а тех, кто мог ходить, направляли с повозками под наблюдением ездового. Ездовые знали скрытый путь до пункта медицинской помощи. Эвакуация пошла быстро.

Одному из своих ездовых я поручил, чтобы он после передачи раненых в медицинский пункт раздобыл в санроте или на кухне батальона два-три термоса с водой. Я понимал, как нужен раненому глоток воды. Ездовой Никитин, человек лет пятидесяти, был на первой мировой войне, на гражданской, сам был ранен и к раненым относился с большой осторожностью и теплотой. Он-то и привез два термоса, а на другой день — железную бочку с водой.

В первый день боев поток раненых не прекращался до темноты. С наступлением темноты обстрел немного уменьшился, но раненые продолжали поступать. Все-таки я выбрал момент и с одним санитаром побывал на НП комбата, доложил обстановку. Комбат и комиссар были довольны действиями санвзвода. Комбат просил передать благодарность личному составу. На обратном пути побывал у командира роты С. С. Гро-

мова. Взял с собой санинструктора роты, чтобы он смог пополнить свою сумку перевязочным материалом. По моей записке его прислали с нашими повозками.

Мы возвратились в отрог балки. Раненые продолжали поступать и ночью, но реже. Это были в основном те, кто не мог выйти днем, но были и раненные недавно. Мы с Ефремовым перевязывали и эвакуировали их. Нервное напряжение на пределе, отдыхать некогда, есть не хотелось. Санитары и ездовые в относительно свободное время копали щели и срезали скат балки — готовили укрытие. Следующий день ожидался не из легких.

На другой день все началось с новой силой: к минометному и артиллерийскому обстрелу добавилась еще и бомбежка. Немецкие самолеты с небольшими интервалами постоянно обрабатывали нашу передовую. Поток раненых снова усилился, но их все же было меньше, чем в первый день, так как за ночь бойцы смогли углубить окопы и стали лучше использовать местность. Тяжелораненых перевязываем и эвакуируем. Дело шло быстрее, чем в первый день.

Приходили корреспонденты из газеты, а также кто-то из политотдела дивизии. Разговаривать с ними не было времени, и я сказал: «Смотрите сами, что и как делаем». А все потому, что в это время после очередной бомбежки появились тяжелораненные. У одного бойца осколком разворотило всю нижнюю часть лица. Трудно было что-либо придумать с перевязкой, но Ефремов сумел. Потом этого раненого положили на повозку на живот, голову приподняли. Он был в полном сознании. Так мы его отправили на медицинский пункт. Наш ездовой сдал его в сознании.

Днем я выбрал момент в перерывах между бомбежками и побывал на НП батальона. С местностью уже освоился, использовал овражки. На обратном пути снова бомбежка, забрался к бойцам в окоп под подбитым танком. Там же перевязал нескольких раненых и забрал их с собой.

А между тем раненые поступали непрерывно и не только из нашего батальона, но и из соседних. Видимо, потому, что наш отрог балки оказался очень удобным: по нему хороший спуск с передовой и хороший подъем из глубокой балки, по которой отвозим раненых на пункт медицинской помощи.

Эвакуацию наладили хорошо. Подводы подходили нормально. Сделано было так, что одна подходит к пункту, а другие ожидают в глубокой балке. У нас, на пункте, более четырех-пяти раненых не скапливалось, а некоторых тяжелораненых немедленно отправляли на повозке. Старший врач полка военврач Петр Иванович Татаринев через ездовых высказал удовлетворение работой нашего батальонного медпункта.

Бои не утихали и в последующие дни. Они по-прежнему были ожесточенными, кровопролитными. Авиация противника почти непрерывно кружила над нами. Сыпались разные бомбы и даже пустые бочки: они летели с душераздирающим свистом — немцы хотели нагнать на нас страху. Очень возмутился по этому поводу наш ездовой Никитин: «Это не война, а хулиганство!» — чем в какой-то мере развеселил окружающих.

Мы уже притерпелись. Для укрытия нарыли щелей, бойцы глубже зарылись в землю. Обстановка оставалась напряженной, тяжелой, продвигаться нам не удалось, но действия нашей дивизии и соседних частей сковали значительные си-

лы противника, в том числе и авиацию, и в какой-то мере облегчили положение наших войск в самом Сталинграде.

Потери мы понесли большие. Только через наш батальонный медпункт прошло несколько сот человек раненых. Я и мои товарищи по взводу делали все, чтобы облегчить их страдания, и на нашем пункте, и при эвакуации не было ни одного смертельного случая. Я уверен, что многие из тех воинов, которым мы оказывали первую медицинскую помощь в Грачевой балке под Сталинградом, потом вернулись в строй и громили врага с еще большей силой и большим умением.

В конце октября 1942 года нас в районе Грачевой балки сменила другая дивизия. Работа нашего санвзвода получила высокую оценку командования. Санинструктор Ефремов был повышен в должности, ездové и санитары отмечены благодарностями командования, а я награжден орденом Красной Звезды. Это была моя первая боевая награда.

Я был первым из медицинских работников нашей дивизии, удостоенных высокой правительственной награды.

Орден мне вручили в ноябре 1942 года в перерыве между боями. Прикололи его не к гимнастерке, а к телогрейке и велели так носить, чтобы другие видели, что у нас оказание помощи раненым, борьба за спасение их жизни приравниваются к боевым подвигам. Хотя я сам не находил в этом какого-то особого подвига, выполнял свой долг, но конечно был рад этой награде, и теперь я горжусь этим первым орденом, полученным при обороне Сталинграда.

Весь последующий период Сталинградской битвы я носил этот орден на телогрейке. Был и такой случай. Шел бой. Раненых много. От сильного минометного обстрела и бомбежек крепко досталось и нашему медпункту. Жужжали осколки, и сыпались комья земли. А потом, когда утих обстрел и улетели самолеты, мои товарищи указали на мой орден. У него на двух углах звезды была отбита эмаль. Мне предлагали подремонтировать его, но я не стал этого делать, а так и ношу этот «раненый» орден, полученный под Сталинградом и «раненный» под Сталинградом.

В своих заметках я упомянул некоторых товарищей. Например, командира роты Громова. Этот молодой кадровый офицер участвовал в боях на границе, в Молдавии, был ранен и после излечения направлен в нашу дивизию. В районе Грачевой балки он тоже был ранен, но остался в строю. Это был веселого нрава человек и патриот нашей Родины. В Грачевой балке командовал ротой, хорошо руководил боем и проявил большую заботу о раненых. Погиб Степан Степанович Громов при наступлении наших войск под Сталинградом в районе Верхне-Бузиновки.

Петр Иванович Татаринев, старший врач 924-го стрелкового полка, в то время молодой энергичный военврач, спокойный, уравновешенный, хороший организатор. До конца войны прошел он с нашей дивизией. Теперь Петр Иванович Татаринев работает в больнице города Зеленограда.

Я долго разыскивал его, и вот в 1973 году поиск увенчался успехом — Петр Иванович прибыл на встречу ветеранов нашей дивизии.

О боях в Грачевой балке правдивые, проникновенные стихи написал участник этих боев поэт Сергей Алексеевич Тельканов.

ГРАЧЕВАЯ БАЛКА

Грачевая балка — овраг неприметный,
Осенние ночи, промозглые ветры,
Огонь шестиствольных и грохот железа,
Бурьян, как косой, пулеметами срезан.

Дрожат, осыпаясь, отвесные скаты.
Опять на заре захлебнулась атака.
Оружие чистят сурово солдаты,
Мерцают сигарки на склонах оврага.

Война здесь тогда обошлась с нами круто,
Швыряла в нас тонны свинца и тротила.
Почти полдивизии за трое суток
Она, как траву, беспощадно скосила.

Мы, зубы сжимая, друзей хоронили,
Грачевую балку ни в чем не винили,
Но после, когда мы ее вспоминали,
То балкою смерти всегда называли.

ПОЛГОДА
ПОД САХАРНОЙ
ГОЛОВОЙ

Я никогда не решился бы выступить перед широкой читательской аудиторией, если бы не был обязан отдать дань памяти тем, кто сражался рядом со мной в тяжкие годы войны. Многие из них сложили головы, отстаивая свободу и независимость нашей Родины. Оставшиеся в живых фронтовые товарищи просили меня написать о бойцах того вида артиллерийской инструментальной разведки, о котором мало что известно массовому читателю, — о звуковой разведке. Ее назначение — по звуку выстрелов определять местоположение вражеских артиллерийских батарей, корректировать огонь нашей артиллерии по звуку разрывов снарядов. При крупных прорывах ли-

нии фронта звуковая разведка вскрывает глубину огневой артиллерийской системы обороны противника и во многом обеспечивает ее уничтожение. Часто возникают условия, при которых координаты батарей врага невозможно установить ни визуальными, ни оптическими наблюдениями, ни другими видами разведки. В этом случае роль звуковой разведки исключительно велика. При других обстоятельствах она определяет координаты батарей противника наравне со световой, воздушной и иными видами разведки.

Эти краткие воспоминания я посвящаю товарищам по оружию.

* * *

Давно отзвучала победная сентябрьская канонада на Даче Шесхарис — в предместье города-героя Новороссийска. Сравнялись глубокие воронки в щелях, спускающихся от Маркхотского перевала к самому берегу Черного моря. Не торчат из воды мачты затонувших кораблей. По серпентину нового шоссе, пересекающего перевал, машина в считанные минуты доставит вас на просторы нагорных лугов. Чуть поодаль от шоссе Маркхот опоясывает черная нить нового нефтепровода. Вдали, за Цемесской бухтой, на некогда огненной Малой земле, цветут и плодоносят виноградники. В память о минувших боях навечно застыли на пьедесталах орудия береговой батареи, катер, танк.

У солдата прошедшей войны, оставившего здесь частицу своей жизни, окружающее вызывает двойное чувство. С одной стороны, кажется, что все вокруг до боли близко и знакомо, с другой — многое изменилось до неузнаваемости. Со-

всем иным стал город, возрожденный из руин и пепла. Он поднялся ввысь многоэтажными зданиями, раздался вширь до самых гор, далеко шагнул вдоль берега моря. На улицах и площадях в честь освободителей города воздвигнуты памятники и обелиски. Их больше всего на северном берегу Цемесской бухты, где проходили главные сражения. Здесь в летние дни утопает в зелени сквер Героев, в котором зажжен Вечный огонь и каждый час звучит, повторяясь, тихая проникновенная музыка. Она воскрешает в памяти ушедшие в историю далекие времена, напоминает о павших фронтовых друзьях, о затерявшейся на полях сражений боевой молодости...

В дни войны на южной окраине города, с сентября 1942 по сентябрь 1943 года, вела оборону 318-я стрелковая дивизия 18-й армии, противостоявшая частям 17-й армии врага.

Наш 10-й Гвардейский отдельный армейский разведывательный артиллерийский дивизион был переброшен сюда в середине февраля 1943 года с Туапсинского направления, из района Михайловского перевала. Командовал дивизионом гвардии майор Николай Михайлович Балыко. Его заместителем по политчасти был гвардии майор Владимир Сергеевич Волгин. Начальником штаба — гвардии капитан Борис Иванович Иванцев.

Боевой рубеж разведдивизиона простирался от Дачи Шесхарис — на юге до станции Неберджаевской — на севере. Между Дачей Шесхарис и местом, где ныне стоит исторический вагон-памятник, тогда располагался левый пост взвода оптической разведки. Это был южный рубеж боевого порядка дивизиона и почти самая южная точка

левого фланга всей линии фронта, растянувшегося на тысячи километров. Здесь, у моря, начинался правый фланг «Голубой линии» немцев. Новороссийск являлся здесь главным укрепленным районом в нашей оборонительной системе.

Первая звукобатарея гвардии капитана Г. Н. Меняйло была развернута по дуге: перевал Маркхот на северо-востоке — дорога Новороссийск, Дача Шесхарис на юго-западе.

Наблюдательный пункт батареи, или пост предупреждения, был выдвинут к подножию горы Сахарная Голова. Это сильно ограничивало сектор наблюдения. Но для наших разведчиков самое главное состояло не в том, чтобы видеть местность, а в том, чтобы слышать звуки выстрелов вражеской артиллерии и вовремя включать прибор, регистрирующий расстояние до батареи.

Сахарная Голова, у подножия которой проходил передний край в южной части города, представляла для немцев отличное место наблюдения. Ее чуть сглаженная пирамидальная вершина и склоны, отливающие в солнечные дни сахарной белизной известняков, возвышаются над другими высотами и позволяют обозревать местность на многие километры. Только за отрогами гор, в глубоких щелях, или за перевалом можно было скрыться днем от неотступно следивших за тобой немецких наблюдателей.

Рубеж под Новороссийском топографически и по звуковой ситуации был самым сложным из всех, какие мы занимали на длинной дороге войны. Особая метеорологическая обстановка горно-морского рельефа вызывает зимой такое явление, как новороссийский бора, а летом сильные нисходящие и восходящие воздушные потоки.

Глубокие щели и крутосклонные горы, спускающиеся к морю, вызывали помехи в виде звуковых теней, эха, инверсии температуры воздуха, неодинаковой скорости распространения звука на разных высотных отметках. Звуки выстрелов орудий, стоявших в северо-западной части города, проходили над водной гладью Цемесской бухты. При стрельбе из Мефодиевского или со стороны Волчьих Ворот на пути звука оказывались высокие горы, создававшие звуковую тень. Невольно думалось, что в гористом амфитеатре, обрамляющем с востока Цемесскую бухту, собрались сразу все звуковые искажения. Надо добавить, что метеоданные, без которых не могли обойтись вычислители, не всегда одинаково годились для звукопостов, располагавшихся на разных высотах. На перевале Маркхот, где находился один из звукопостов, ветер во время сильных норд-остов достигал скорости 25—60 метров в секунду и позволял ходить только пригнувшись. При порывах он мог подхватить полы шинели и оторвать разом все пуговицы, а то и свалить с ног. В залесенных низинах, где стояли звукопосты левой базы, скорость его резко падала.

В штормовую погоду и в полуденную жару работа у нас часто не клеилась. Надежные результаты удавалось получить лишь в благоприятных условиях: при штиле на море, при моросящем дожде и ранним утром до восхода солнца. Но противник погоды не выбирал, а бил и бил днем и ночью, на суше и на море. И мы, несмотря ни на что, обязаны были ловить звуки его выстрелов и выдавать координаты местоположения батарей.

При плохих звукометрических условиях вычислители получали на своем рабочем планшете

не точку нахождения орудия, как обычно, а треугольник с площадью в добрую четверть квадратного километра. В пределах этого треугольника погрешности где-то находилась цель. Передача координатов в разведотдел артиллерии в таких случаях исключалась. И нередко дело доходило до парадокса: немецкая артиллерия была не переставая, мы ее прекрасно слышали, фиксировали приборами, а сообщить координаты в штаб не могли. Но штаб требовал координаты. Положение капитана Меняйло и мое, как командира измерительно-вычислительного взвода, оказывалось далеко не завидным. Наши объяснения безусловно никого не устраивали. Без вины виноватые, мы лихорадочно работали, дважды и трижды проверяли себя, пытаясь сделать все возможное, чтоб не упустить цели. Через регистрирующий прибор проходили сотни метров бумажной звуколенты. Дешифровщики и вычислители многократно повторяли обработку лент с записью выстрелов одних и тех же батарей. Но не было нашей «звукометрической» погоды — не было и координатов.

Непреложными правилами в работе звукоразведчиков были глубокая правдивость и объективность, высокая ответственность за сообщаемые координаты. Точность цифр для нас была выше всего, поскольку точные координаты определяли качество работы батареи. Да и разведотдел артиллерии армии, возглавляемый опытным артиллеристом майором Михайловым, иногда располагал координатами тех же самых батарей, которые мы засекали. Они выявлялись с помощью других видов разведки. И в случае сообщения неточных данных мы рисковали своим престижем. Но не в престиже была суть дела. Главное заключалось в том, что за каждую нашу ошибку перво-

му эшелону пришлось бы расплачиваться кровью... Ведь наши данные использовались штабом артиллерийской армии для планирования огня во время прорыва.

И, конечно, никому из нас не хотелось опорочить боевые традиции дивизиона, уронить честь и добрую славу гвардейцев, завоеванную в Донбассе на рубежах под Славянском, Краснодоном, Красным Лучом и Барвенково. В то время наш дивизион артиллерийской инструментальной разведки (АИР) еще не имел артиллерийского подчинения, а действовал в составе 437-го корпусного артиллерийского, позднее 68-го Гвардейского, полка резерва главного командования. В этом полку он и был сформирован. Командовал полком грамотнейший артиллерист, беззаветно преданный своему делу, подполковник Константин Александрович Дольст. Под его руководством было достигнуто полное взаимодействие огневищков-артиллеристов и аировцев. Контрбатареиную борьбу полк вел только при участии инструментальной разведки. Ее действенность и эффективность признавали даже враги.

Зимой 1942 года, под Барвенково, в полосе обороны полка, армейской разведкой был захвачен язык, оказавшийся артиллеристом. На вопрос переводчика: «Метко ли стреляют русские пушки?» — он ответил:

— Мы боимся трех русских снарядов. Если они взорвутся недалеко от батареи, то батарея каплет.

Такое признание для артиллеристов было лучшей похвалой их работы. Действительно, на пристрелку цели по звуку мы тратили всего три снаряда — почти в три раза меньше нормы. Дальше следовал огневой налет, и немецкие орудия замол-

кали навсегда. Но такая слаженность и боевое мастерство пришли к звукометристам и артиллеристам не сразу. За ними стояли годы учебы в мирное время, горький опыт первых схваток с врагом и последующие тяжелые оборонительные бои.

Первый же бой с врагом обнаружил пробелы в военной подготовке звукометристов. Оказалось, что звуковые ситуации, которые искусственно создавали на учениях, далеки от реальных, что уметь хорошо играть в войну совсем не означает уметь хорошо воевать.

Первый бой, первая схватка... Произошло это на старой государственной границе, на Днестре. Всем, кто остался в живых, этот бой памятен и сейчас...

437-й артиллерийский полк 3-го стрелкового корпуса 6-й армии, которым командовал генерал-лейтенант Черняк, начиная с 18 июня, скрыто, только ночами, передвигался своим ходом от Винницы на запад. Войну он встретил не доходя до границы — под Дунаевцами. Здесь полк подвергся первой атаке вражеских самолетов. Командование корпуса, резко изменив маршрут следования полка, перебросило его в Могилев-Подольский, за сотню километров на юго-восток от Дунаевцев. На этом ключевом участке враг, глубоко вклинившись в нашу оборону, вплотную подошел к Днестру.

Испытывая на себе действие немецкой артиллерии, полк с марша занял боевой порядок на левом берегу реки, недалеко от железнодорожного моста. Ближе к берегу, между селами Серебряя и Бронинцы, был размещен боевой порядок дивизиона АИР, несколько дальше от реки рассредоточились огневые дивизионы.

Первый звуковзвод лейтенанта Меняйло командир звукобатареи капитан Степанцев развернул западнее Бронинцев, вдоль линии дотов, которые трассировали границу с Бессарабией. Эта старая граница, существовавшая до 1940 года, технически была укреплена недостаточно надежно. На дотах было снято вооружение, и линия не представляла особого препятствия для наступающих немецких армий. Более существенной преградой был Днестр. Однако большим достоинством старой линии укрепления являлась надежно действующая связь. Проложенная между дотами под землей, она работала безотказно. И не раз дот № 55, находившийся в 50 метрах от центральной станции взвода Меняйло, выручал звукометристов при обрыве кабеля, соединявшего станцию со звукопостами и предупредителем.

Взвод Меняйло был придан первой огневой батарее старшего лейтенанта Григорьева, на которую, как и на весь первый дивизион капитана А. П. Сулова, возлагалась главная задача — вести контрбатарейную борьбу с немецкой дальнебойной артиллерией. Уже в момент развертывания полка воздух содрогался от грохота залпов тяжелых батарей противника. Фашисты приближались к правому берегу, готовясь с ходу форсировать Днестр. Надо было, не теряя ни минуты, сковать действия батарей противника, а для этого как можно быстрее определять их координаты.

Начальник центрального регистрирующего прибора сержант Приладышев через несколько минут после развертывания боевого порядка представил командиру измерительно-вычислительного взвода лейтенанту Кривопищенко первые ленты со звукозаписями. Лейтенант внимательно просмотрел их и... схватился за голову. На звуколен-

тах была видна невероятно сложная и непонятная запись, которая ранее никогда не встречалась. Приборы зафиксировали какое-то нагромождение разной силы звуков, разобраться в которых ни он, ни его дешифровщики не могли.

Как могло такое случиться? Ведь на учениях они всегда без промедления выдавали точные координаты «вражеских орудий»!

Причина была предельно ясна. Виноваты были те безобидные подрывные шашки, взрывами которых обычно имитировали выстрелы «вражеских пушек». Одиночный взрыв комплекта шашек в тишине засечь было элементарно просто. На войне все усложнилось: во время боя громыхали десятки минометных и артиллерийских батарей, и в их слитном гуле, не располагая опытом, трудно было выделить на ленте запись какого-то одного орудия или батареи. Причем сделать это быстро и точно. Иначе звукоразведка не отвечает своему назначению. А если это так, то честнее взять в руки винтовки и идти в первую траншею.

Комбат Степанцев — главный организатор и воспитатель разведчиков-звукометристов, любимец солдат и командиров, оказался перед фактом небоеспособности своего подопечного — первого звуковзвода.

Совсем недавно, весной, оба взвода батареи получили новые модернизированные регистрирующие приборы (СЧЗМ) и к ним новую аппаратуру. Казалось, организованный, связанный в единое целое механизм взвода должен работать четко и безотказно. Тем более, что личный состав его почти два года занимался отработкой всех элементов, из которых слагается метод ведения звуковой разведки. Люди во взводе были

спаяны общим делом, солдатской дружбой, хорошо знали свою военную специальность. У многих, особенно среди вычислителей, за плечами средняя школа, институт или университет.

Не предполагал капитан Степанцев, что имитация выстрелов орудий взрывом на земле толковых шашек приведет к ЧП в первом же бою.

...Стремясь как можно быстрее поправить положение, Степанцев позвонил на предупредитель лейтенанту Меняйло, а также на НП капитану Григорьеву, который уже ждал от звукометристов координаты вражеских батарей. Он предложил им найти у немцев, наблюдая в бинокль, какое-либо легкое орудие, которое можно было бы заранее нанести на карту с точностью хотя бы до одного-двух квадратов.

Такое орудие, а точнее совсем не замаскированная, нахально действующая батарея на противоположном берегу вскоре нашлась. О ее залпах, видимых по белым клубкам дыма, Григорьев и Меняйло одновременно сообщали на центральную станцию. Дешифровщикам это помогло найти начало записи на движущейся звуколенте регистрирующего прибора, от которой они теперь не отрывали глаз. Наконец им удалось заметить на ленте сложную зубчатую запись, которая повторялась при каждом залпе батареи и по рисунку отличалась от других зафиксированных звуков.

Вычислители, обработав ленту, получили координаты, близкие к квадрату, который заранее указал капитан Григорьев. Так была засечена самая первая фашистская батарея. Появилась некоторая уверенность в работе. Однако решать звукометрические задачи таким способом не устраивало ни звукометристов, ни огневиков-ар-

тиллеристов. Нужно было научиться оперативно распутывать сложные записи, быстрее накапливать опыт. Предстояло постигать тонкости военной науки в ходе битвы с врагом. Но вскоре все смешалось. Началось отступление. События менялись как в калейдоскопе, и главной задачей разведчиков стала не контрбатарейная борьба, не ведение артиллерийских дуэлей, а самооборона и действие за пехоту.

Артиллерия противника непрерывно обрабатывала левый берег. Земля стонала от разрывов тяжелых снарядов. Связь центрального разведывательного пункта со звукопостами все чаще и чаще рвалась.

От затяжных дождей грунтовые дороги раскисли и стали труднопроходимыми. Прекратился всякий подвоз. У артиллеристов катастрофически таяли боеприпасы, кончилось продовольствие.

Фашисты днем и ночью рвались на левый берег, предпринимая одну за другой попытки форсировать Днестр. Но каждый раз его пехота и танки встречали сокрушительный огонь наших артиллеристов.

Полк Дольста стоял насмерть. Не имея пехотного прикрытия, он не пропустил в своей полосе обороны ни одного танка, ни одного фашиста. И только в июле, после более чем двухнедельного сопротивления, артиллеристы оставили свой рубеж, получив приказ об отступлении. Это было вызвано прорывом линии обороны на Днестре южнее Каменец-Подольского. Дальнейшая задержка на рубеже грозила окружением.

Получив приказ из штаба корпуса, командир полка спешно свернул все четыре дивизиона.

Комбат Степанцев вместе с другими командирами выехал на рекогносцировку местности для выбора нового боевого рубежа. Свертывание линейного взвода, которым командовал лейтенант Меняйло, было возложено на помощника командира батареи лейтенанта Карабанова. Основная часть техники и людей была отправлена с лейтенантом Кривопищенко в район нового расположения. Оставалось лишь погрузить технику с дальнего звукопоста. Это были катушки с кабелем, звукоприемник, аккумулятор, телефонный аппарат и другое имущество, весившее в целом несколько десятков килограммов.

По-осеннему моросил дождь, сгущались сумерки. Лейтенанта Карабанова явно лихорадило: он то и дело посматривал на часы и суетливо высовывался из кабины, наблюдая за подбегавшими с грузом последними звукометристами.

Вдруг из дота № 5 к машине Карабанова подбежал связист и сообщил:

— Товарищ лейтенант! С юга, со стороны города, по дороге на Бронинцы идут немецкие танки!

И тут лейтенант потерял всякое самообладание. Он мгновенно нажал на стартер, и машина исчезла в темноте наступавшей ночи. В нее не успел вскочить даже начальник звукостанции помкомвзвода сержант Приладышев, находившийся рядом.

Двадцать семь разведчиков-звукометристов остались у села Бронинцы, не имея карты, не зная ни пути следования, ни нового места сосредоточения. Нитка, связывавшая их с полком, оборвалась.

...Шла война, и никто из солдат ничего не мог бы сказать о своем будущем. Ничего не мог ска-

зять о своей судьбе и лейтенант Карабанов. Не знал он, что в скором времени попадет в такое же, даже худшее, положение. Его ранит, он не сможет идти. И те самые солдаты, которых он в панике бросил, подберут его и не оставят в беде...

Голодные, продрогшие, подгоняемые ощущением смертельной опасности, разведчики двигались в полной темноте вслед пропавшей машине. Шли и слушали, как где-то впереди с надрывом работают моторы. Сокращая путь, пошли прямо через раскисшие поля на шум машин. Там, им казалось, проходила магистральная дорога.

Неожиданно раздался гортанный окрик: «Хальт!». Залегли, открыли огонь из винтовок по тому месту, откуда донеслась чужая речь. Немцы отвечали очередями из автоматов. Силы противника были неизвестны, и разведчики отошли, продолжая путь к главной дороге.

Перед рассветом подошли к неизвестному селу. На окраине увидели колхозный скотный двор. В конюшне, на разостланной соломе лежали раненые. За ними ухаживали местные жители. Занести солдат в хаты они боялись: знали, чем это грозит. В селе уже побывали немцы...

Трое суток разведчики бродили по дорогам в поисках своего полка, но следы его исчезли. Они шли на север и на юг, на восток и обратно на запад. Видели, как в непролазной грязи дорог, запруженных в два-три ряда повозками, людьми и машинами, отступали остатки разрозненных частей, спасалось от врага гражданское население.

Потеря двадцати семи человек в первом звуковом взводе всполошила весь дивизион. На розыски людей отправился замполит звукобатарей старшина Арарат Арутюнов. Он расставил посты к

северу и к югу от главной магистрали Могилев-Подольский — Джурия. К концу четвертых суток разведчики вышли на пост и приехали со старшиной в батарею.

В тяжелейших условиях полк вел бои. Огневые дивизионы, лишенные пехотного прикрытия, отбивались от лавины танков, мотопехоты и артиллерии противника, выкатывая тяжелые орудия на прямую наводку и расстреливая фашистов в упор.

27 июля огневики, обеспечивавшиекрытие для отхода второго эшелона, переправились через Буг Южный. Днем раньше реку в районе Гайворона, в Хоцевато пересекли машины разведдивизиона. Весь полк сосредоточился в лесу, в районе Гайворона.

За месяц боев авиация и артиллерия противника вывели из строя в разведдивизионе несколько машин. Их отремонтировали, но для восстановления ходовой части требовалась вулканизация камер. По приказу капитана Степанцева лейтенант Кривопищенко со своим взводом, а также помкомвзвода сержант Приладышев и помощник воентехника (фамилия утрачена) выехали на двух машинах в Ладыженскую МТС, под Умань, для ремонта камер.

Проехать на грузовиках полсотни километров, на первый взгляд, не представляло особой сложности. В то же время это была нелегкая задача. Боевые порядки войск в районе следования были смяты, многие воинские части разбиты, отсутствовали взаимодействие и связь между крупными войсковыми соединениями. Остатки расплеченных, разрозненных подразделений откатыва-

лись на восток, не в силах оказать сопротивление врагу. В результате линия фронта была крайне нестабильна. Это угрожало внезапной встречей с врагом в любое время и в любом месте.

Как ни оперативно работала разведка в полку Дольста, она не успевала следить за происходящими событиями. Дивизионы вынуждены были уточнять разведанные своими силами и средствами и действовать по обстановке.

Поздно вечером машины Кривопищенко были в лес, который был указан в приказе в качестве промежуточной остановки на пути в Ладыженку. Здесь их ждали солдаты из полка. Сели ужинать, но еда не шла, хотя были голодны. Не было сна, хотя день был утомительным. Какая-то подсознательная тревога отбивала аппетит и сон. Тяжелые думы давили грудь, и было душно и тесно на чистом воздухе.

В лесу, кроме разведчиков-артиллеристов, находились солдаты, отставшие и потерявшие свои части. Они присоединились к звукометристам и также не спали, обсуждая общие нелегкие дела.

Чуть забрезжил рассвет, помощник воентехника с тремя солдатами отправился на машине в Ладыженку. Их возвращение с готовыми после ремонта камерами назначили на 19 часов.

Прошли день и вечер, наступила глубокая ночь, а машины все не было. Разведчиков охватила тревога. Больше всех волновался лейтенант, хотя старался выглядеть спокойным. Вместе с сержантом Приладышевым Кривопищенко вышел на опушку леса. Присели на обочине, внимательно прислушиваясь к далеким и близким шумам, доносившимся из темноты. Неотступно терзала мысль о затерявшейся где-то машине. Вместе с ней пропали камеры, а это грозило зву-

кобатарее потерей людей и техники. Ведь там, под Гайвороном, стоят на приколе машины и вместе с ними лишенная подвижности центральная станция.

Во что бы то ни стало надо найти исчезнувшую машину.

На рассвете 29 июля Кривопищенко и Приладышев с шофером Голубевым выехали в Ладыженку на розыски. Большую часть пути за ними гонялся самолет, а между селами Рыжовка и Ладыженка их обстреляли танки. Водитель Андрей Голубев сумел развернуться в неудобном месте и ушел от обстрела. Но немцы уже взяли машину на прицел. Единственным спасением для разведчиков было поле, поросшее густыми высокими подсолнухами. Полуторка неслась по полевой дороге, стремясь обойти место, откуда немцы вели огонь. Неожиданно из леса подсолнухов выскочил танк. Он появился примерно в 150 метрах и встал на пути, направив ствол на машину. Федор Приладышев, сидевший в кузове грузовика, первым увидел на его башне крест и крикнул:

— Танк!

Обе дверки кабины сейчас же распахнулись, и Кривопищенко и Голубев хотели выпрыгнуть... Разрыв снаряда опередил их. Они остались лежать в кабине. Приладышева оглушило. Очнувшись, увидел подходивших к машине автоматчиков. Он начал отбиваться гранатами. Разрывом второго снаряда Приладышева выбросило за борт в подсолнухи. Все было кончено: машина горела.

Но жизнь еще теплилась в сержанте Приладышеве. Страшные боли в ногах, заскорузлая от крови одежда напомнили ему о случившемся.

Слепой, преодолевая мучительную боль, Приладышев пополз сам не зная куда...

Где-то в поле он неожиданно свалился в глубокую жомовую свекловичную яму, которая чуть не послужила ему последним пристанищем. Каким-то чудом выбрался из нее, пересек шоссе, дополз до окраины села Колодесте. Здесь силы оставили его.

На тяжело раненного сержанта случайно наткнулся семилетний пастушок Коля (Николай Нестерович Починок). Он позвал сельского фельдшера. Два месяца медсестра Дарья Ивановна Поджидаева тайно от немцев, рискуя жизнью, выхаживала Приладышева и других раненых солдат. Эта героическая женщина вернула в строй многих бойцов.

Останки лейтенанта Александра Кривопищенко и шофера Андрея Голубева были захоронены жителями села Колодесте на том месте, где сгорела машина. Имена их и сейчас помнят в селе. Они стали известны из полусожженных солдатских медальонов. Много лет спустя разыскал могилу своего брата полковник пограничных войск Александр Федорович Голубев.

Однополчане Александра Кривопищенко и Андрея Голубева узнали историю их гибели только тридцать пять лет спустя. Ее поведал нам бывший звукоразведчик Федор Сергеевич Приладышев, который после ухода из Колодесте попал в плен, пережил ужасы фашистских концентрационных лагерей.

Отступая вместе с полком, радиодивизион с боями прошел всю Украину. Особенно тяжелым был бой под разъездом Сырово, в правобережье

реки Кодыма, юго-западнее Первомайска, где разведчики дивизиона сражались один на один с отборным румынским полком, прикрывая отход штаба 18-й армии. Не раз доходило до рукопашных схваток. Вооруженные только винтовками и гранатами, разведчики разбили превосходившего по численности врага. Особенно отличился политрук Поляков. В решительные моменты боя он водил солдат в контратаки. Родина высоко оценила его бесстрашие и патриотизм, наградив посмертно орденом Ленина. Мужественно бились в рукопашной схватке старшина звукобатареи Колончук, звукометрист Епископян, ефрейтор топоватареи Пакеев, командир топоватареи Н. М. Балыко. Все они удостоены орденов Красного Знамени. Николай Михайлович Балыко командовал одним из двух отрядов, на которые был разделен разведдивизион. Раненый, он не оставил поле боя и до конца продолжал руководить действиями бойцов.

Разведдивизион под командованием капитана Пономарева, несмотря на тяжелейшие условия отступления и окружение в Запорожской области, сумел сохранить свою боевую технику.

В Донбассе враг был остановлен. В полк и дивизион влилось новое пополнение офицеров и солдат. Под Славянском за успешные боевые действия на Изюм-Барвенковском направлении полку присвоили звание 68-го Гвардейского. Весной 1942 года разведдивизион был выведен из состава полка и передан в непосредственное подчинение 18-й армии. Он стал именоваться 840-м отдельным армейским разведывательным артиллерийским дивизионом резерва Главного командования, а весной 1943 года — 10-м Гвардейским отдельным разведывательным артиллерийским дивизионом.

На прощальном митинге, проходившем под городом Ровеньки, командир 68-го Гвардейского артиллерийского полка подполковник К. А. Дольст сказал:

— Разведдивизион был моей правой рукой в управлении полком. Львиная доля боевых заслуг, за которые полк получил высокое звание Гвардейского, принадлежит разведчикам-аировцам. Их оперативная работа по обеспечению артиллерии разведанными не только охватывала полосу действия нашего полка, но и в целом 18-й армии.

Сейчас, на Кавказе, разведчики с особой теплотой вспоминали свой полк, с которым было связано четыре года мирной и военной жизни. Попав в сложную обстановку Новороссийской обороны, солдаты и офицеры стремились возродить то лучшее, чего они достигли в Донбассе, предпринимали все возможное для уничтожения артиллерии врага на правом фланге «Голубой линии».

В балке Дачи Шесхарис начиналось обычное фронтовое утро. Шла внешне не заметная, но напряженная, непрерывная, опасная работа.

— Быков! Ты своей прогонкой мотора такую копоть развел — нам в машине дышать нечем. А мы без продыху сидим за лентами. Слышишь, немец всю ночь и утро молотит, — недовольно сказал старший дешифровщик гвардии ефрейтор Ларчиков.

— Так я же обязан проверять мотор хоть изредка, чтоб машина была в ажуре.

— Знаем мы твой ажур. Коснется серьезного, так опять будем тебя всем взводом толкать. Как тогда, в Минске на параде.

Этого достаточно, чтоб вспыльчивый Быков «завелся» — с пол-оборота, быстрее, чем его спецмашина.

— Так я же тогда, черт возьми, только-только за руль сел!

— А под Туапсе, — продолжал с подковыркой Ларчиков, — ты уже не первый день сидел за рулем. А чуть нас в пропасть не свалил!

— Так там не я сидел за рулем, а капитан Курьеров. А кто машину остановил? Еле успел у него тормоз вырвать!

Быков прав. Я сидел третьим в кабине, и все произошло на моих глазах. Действительно, гвардии капитан Курьеров на разбитой извилистой дороге не справился с рулевым управлением, и только благодаря молниеносной реакции Быкова машина не свалилась в пропасть.

Невысокого роста, белокурый, одетый по случаю прогонки мотора в ветхую гимнастерку, ефрейтор Быков вылез из кабины и присел на чурбачок из вяза. Мы определили координаты немецкой батареи, которая в нашем журнале целей оказалась 64-й, и тоже вышли из машины. Ларчиков быстро отнес координаты на центральную станцию, откуда их сообщат в военно-полевое управление штаба армии. Лент для обработки пока не было, и мы разместились под тенью деревьев на двух длинных ящиках с колесными гусеницами, как на скамейках.

— Машина наша специальная, — не унимался Быков, — а конструкция до конца не продумана. Взять те же стекла. Вылетели от первого снаряда еще на Днестре. Вот я и вожу вас за фанерой, как кота в мешке. Или опять же эти гусеницы в ящиках. Таскаем с собой эту тяжесть, присесть как следует в машине нельзя. Говорят, на

случай повышения проходимости. А ведь еще ни разу не надевали их на колеса и не наденем. Зачем они? Я на десяти-то колесах и по снегу и по грязи проеду. Вот фашист, так тот, гад, все для войны приспособил. Даже бачки с бензином у него особые. В машинах гнезда для лопат не забыл.

— Так ты скоро скажешь, что у них и звуковая разведка есть и нам у него поучиться стоит, — уже на полном серьезе сказал Ларчиков.

— А что, конечно, есть. Он ее и изобрел и засекает теперь нашу артиллерию почем зря.

Я почувствовал, что в пылу спора оба начали завираться, и вмешался в разговор.

— Звуковая разведка у них есть, это верно. Но применяют ли они ее здесь, под Сахарной Головой, — сомневаюсь. Фашисты любят воевать по уставу, а в таких условиях, как здесь, применение звуковой разведки противоречит всем наставлениям. Так что вряд ли на той стороне у нас есть прямые противники — «звучаки». Впрочем, уточнить это можно и нам самим, если заняться этим делом. А насчет того, кто изобрел звукометрический метод артиллерийской разведки, так это твой, Быков, тезка — Николай, только с французской фамилией Бенуа.

Пользуясь передышкой, я решил рассказать товарищам то, что знал из истории звукометрии. Впервые в 1909 году офицер русской армии Н. А. Бенуа высказал основную идею и дал математическое обоснование, на котором базируется звукометрия. Благодаря этому мы теперь можем определять местоположение артиллерийского орудия по звуку выстрела. Созданная Бенуа аппаратура прошла первые испытания еще в 1912 году. Позднее, во время первой мировой войны, его звукометрическая станция испытывалась в бое-

вых условиях и была принята на вооружение. Все, конечно, держалось в большом секрете, но иностранная военная разведка не дремала. В 1916 году звукостанции уже были взяты на вооружение в немецкой, французской и английской армиях, а через два года в армии США.

Никакой литературы по звукометрии в батарее, конечно, не было, и я рылся в памяти, припоминая все, что рассказывал нам в училище на эту тему капитан Мухин. Попал он к нам прямо с фронта. Его лекции слушали с особым вниманием. Он давал нам самый свежий материал, прямо с поля боя, подчас отсутствовавший в наставлении. Хотелось вникнуть в звукометрическую науку сразу, потому что учились мы не три года, как обычно, а только шесть месяцев. Для повторения времени не было. Тех, кто не хотел или не мог запомнить материал, выпускали сержантами и даже рядовыми. Запомнилось лицо капитана. Оно часто подергивалось от нервного тика. То был след перенесенной контузии. Он учил нас работать на планшете с исключительной точностью, применяя вместо карандаша иглу или булавку. Доброжелательность и учтивость, стремление передать нам все свои знания были отличительными чертами этого человека.

— В Красной Армии, — продолжал я, — звукометрический метод был возрожден в тридцатых годах. Уже использовались более современная звукозаписывающая аппаратура и станции новых конструкций. Во время войны с белофиннами звуковая разведка приобрела популярность, а сейчас она стала незаменимой. Ведь мы можем с большой точностью определять координаты стреляющих орудий или разрывы снарядов, корректировать огонь наших артиллерийских и миномет-

ных батарей по невидимым или закрытым целям, вскрывать артиллерийскую огневую систему противника на больших участках фронта. А это важно при подготовке крупных наступлений, при прорывах фронта. Без звуковой разведки затруднена, а в некоторых случаях даже невозможна, контрбатарейная борьба. Недаром количество дивизионов артиллерийской инструментальной разведки все растет*.

— Почему же мы незаменимы? — недоверчиво спросил Быков. — Ведь даже в нашем дивизионе есть взвод оптической разведки или светоразведки. Есть и фотограмметристы. Применяются аэростаты наблюдения. А армейская воздушная разведка легко может сфотографировать орудия на огневых позициях.

— Да, Быков, эти виды разведки сбрасывать со счета нельзя, каждый из них вносит свое дополнение в разведданные. Но что делать в том случае, если вражеские пушки прекрасно замаскированы и не просматриваются с воздуха, находятся на расстоянии 10—15 километров от передовой и стреляют только ночью с пламегасительной солью? А немцы часто здесь так и стреляют. Тогда как прикажешь засекать фашистские батареи? Вот тут-то мы и становимся единственными и незаменимыми разведчиками.

— Товарищ лейтенант, есть еще один надежный вид разведки, — загадочно сказал командир отделения дешифровщиков гвардии сержант Айрапетян.

— Вы имеете в виду передачу разведданных из вражеского тыла? Но это не всегда оправдан-

* С января 1942 по ноябрь 1944 года количество дивизионов АИР увеличилось в 3,4 раза. (Примеч. авт.)

ный риск ради получения единичных сведений. При этом надо хорошо владеть приемопередаточной радиоаппаратурой, таскать ее с собой, знать топографию, чтобы после заброски в немецкий тыл определять и радировать координаты батарей, а в случае вызова огня на себя корректировать его. Кроме того, не мешает знать немецкий. Иначе первый фашист скомандует тебе: «Хенде хох!» — и ваших нет. Этот вид разведки применяется лишь в редких случаях. Его целесообразно применять в момент прорыва, когда в воздухе царит хаос звуков и мы вынуждены бездействовать.

Зачем наш командующий артиллерией генерал Кариофилли будет применять такой вид разведки сейчас, когда проще засечь батарею по звуку? Нам для этого потребуется каких-нибудь десять минут, если, конечно, не будет особых звуковых помех. К сожалению, на этом сложном рубеже помехи здорово путают нам карты. Поэтому и точность засечки страдает, особенно, как вы сами знаете, в жаркое время. И это происходит несмотря на то, что не раз выводилась систематическая ошибка, то есть приводились в соответствие звуковые и топографические координаты. Теоретически точность засечки должна составлять около одного процента расстояния от звукоприемников до цели. Ну, а мы, как показывает контроль взвода оптической разведки, здесь не всегда укладываемся в этот предел. Однако даже в таких исключительно неблагоприятных условиях засечка батарей по звуку остается одним из главных видов артиллерийской разведки.

— Мне непонятно, товарищ лейтенант, — спросил вычислитель Подзин, — как же могут нас контролировать светоразведчики, когда мы с

ними привязаны топографами к одной системе координатов и вычисления у нас и у них основаны на аналитической геометрии? Ведь геометрия одна и точность работы также должна быть одинаковой.

Вопрос гвардии ефрейтора Анатолия Подзина был не такой уж простой, а ответить ему надо было просто и, главное, убедительно. Начитанность и любознательность этого рослого сибиряка из Нижнеудинска, а также его привычка смотреть в корень всякого дела требовали к нему особого подхода. Воспитывался он без отца, погибшего в гражданскую. Любил докапываться до всего сам. В средней школе увлекался литературой, особенно Сергеевым-Ценским. Да и сейчас был не прочь что-либо почитать, но пронырливые курильщики из батареи втихую листочек по листочку искурили все книги.

— Так вот, Подзин, если ответить на твой вопрос в двух словах, то светоразведчики работают точнее нас потому, что углы и расстояния, которые они определяют, не зависят от погоды, а у нас зависят. Для получения точных координатов здесь нам нужна особая погода. Вот и получается, что в жаркое время дня мы, как в поговорке, сидим у моря и ждем погоды. На равнине такое бывает редко.

Я достал из кармана карандаш и кусочек ленты и постарался с помощью рисунка объяснить вдумчивому Подзину разницу в методах вычисления координатов светоразведчиками и нами.

— Девчата, забирайте звуколенты! — крикнул из машины центральной станции дежурный телефонист гвардии ефрейтор Бровко.

Вычислители — светловолосая миниатюрная Аннушка, учительница математики из Кондоля, и кареглазая, с пышными каштановыми волосами Майя, вчерашняя выпускница десятого класса из Кривого Рога, — вскочили и поспешили к открытой двери машины. Оттуда доносилось глухое жужжание небольшого мотора и монотонный звук камертона регистрирующего прибора. Запись звуков велась на ленте пятью стеклянными перышками-капиллярами с самоподсосом чернил. На равномерно движущейся ленте перья оставляли пять параллельных линий с резкими всплесками на каждой. Всплеск или отклонение перышка в сторону означал момент прихода звука выстрела вражеского орудия к тому или иному звукоприемнику. Стрелявшая сейчас четырехорудийная батарея записывалась на каждой линии в виде четырех следующих один за другим зубцов. Амплитуда их не превышала 1—1,5 сантиметра. Запись выстрелов для надежности повторяли не менее двух-трех раз.

Отметив на лентах время — 10.45 и передав их вычислителям — гвардии ефрейторам Анне Осиповой и Маисе Мовчан, Бровка записал в разведжурнале: «20.7.43. Время 10.45. 4-орудийная батарея 105-миллиметрового калибра вела беглый огонь по переднему краю в районе цементного завода «Октябрь». Выпустила 56 снарядов».

Сведения о калибре батареи и ее действиях он получал от разведчиков поста предупреждения или нашего НП, где постоянно находился командир линейного взвода гвардии лейтенант Борис Иванович Волчков. Точная информация предупредителя о вражеских орудиях нужна была для ведения звукобатареей особого журнала — «паспорта целей». В нем я записывал все сведения о

батареях противника и производил анализ их действий. Пожалуй, больше всего подробностей содержалось в «досье» 75-миллиметровой батареи, установленной немцами в железобетонном подвале городской электростанции. Эта цель действовала как часы с кукушкой, только работали эти «часы» не в зависимости от времени, а как попало. В бинокль или стереотрубу можно было наблюдать работу орудийных расчетов, выкатывавших пушки из подвала и без пристрелки открывавших беглый огонь по району медсанбата. Выпустив наскоро десяток снарядов, они поспешно закатывали орудия обратно. Внезапное «кукование» кончалось существенными жертвами. Зловредную батарею десятки раз засекали по звуку и оптически. Артиллеристы стреляли по ней из орудий самого разного калибра, вплоть до мощных 203-миллиметровых гаубиц. Но добротный железобетон, изготовленный из первоклассного новороссийского цемента, выдерживал любые снаряды. Батарея врага жила, продолжая делать внезапные налеты, до тех пор, пока не была сметена общим сентябрьским наступлением.

Штурмовали электростанцию с засевшими там гитлеровцами бойцы 1339-го стрелкового полка под командой замполита полка подполковника В. Э. Гассиева. Пушки в упор расстреливали штурмовавших солдат, но это не сломило их наступательного порыва. Солдаты роты М. Н. Кириченко, неся потери, первыми ворвались в этот бастион и водрузили на нем свое знамя.

«Кобра», приготовиться!» — прозвучал в наушниках голос гвардии ефрейтора Анисимова, разведчика с «Сокола» — нашего предупредителя. Бровко подал команду: «Всем приготовиться!» Звукопосты доложили о готовности. Анисимов,

услышав очередной выстрел, нажал пусковую кнопку предупредителя и регистрирующий прибор центральной станции сработал, опередив приход звука к звукопостам.

Хотя батарея была издалека, со стороны Волчьих Ворот, запись вышла отчетливой. Чувствительность звукоприемников была высокой. Кубической формы ящики с находившимися в них большими угольными микрофонами и мембранами размером больше столовой тарелки могли фиксировать даже обычный хлопок руками. Рисунки записи хлопка, разрыва снаряда и выстрела резко отличались на ленте друг от друга. При достаточном опыте по такому рисунку можно было установить калибр стрелявшего орудия.

Начиналось жаркое время дня. Солнце палило нещадно. Лишь камни белого мергеля оставались прохладными. Вычислители вели обработку только что полученных звуколент. В руках — неизменные логарифмические и звукометрические таблицы, масштабная линейка, циркуль, хордоугломер, отточенные, как иглы, карандаши.

— Опять, товарищ лейтенант, большой треугольник получился, — тихо произнес Анатолий Подзин.

Я взял несколько лент, сопоставил запись и предложил иной вариант снятия отсчетов: в самом начале записей отбросить мелкие сотрясения перьев.

— Сержант Айрапетян, запросите у сержанта Бучнева новые метеоданные и повторите вычисления в этом варианте, — предложил я.

Вычисления повторили. Прочертили на планшете по новым значениям углов несколько иные направления на цель, но три линии так и не пересеклись в одной точке. На планшете снова вы-

тянулся недопустимой величины треугольник. Раздосадованный неудачей, немногословный, с жестковатым характером сержант Айрапетян, резко махнув рукой, выдавил с сильным кавказским акцентом известную всей батарее русско-армянскую фразу:

— Чшорт, это не цел, — и далее по-армянски. Это означало, что засекать батареи в такой звуковой ситуации — мартышкин труд. Но противник не унимался, продолжал обстрел Малой земли и дороги в Кабардинку. Поступали все новые и новые звуколеты. Мы продолжали их обработку.

Вдруг на огневой позиции соседей-артиллеристов протяжно прокричали: «Воз-дух!». Нас из вычислительской как ветром сдуло. Выскочили и, задрвав головы вверх, стали глядеть в безоблачное небо. С юга, со стороны солнца, приближались «юнкерсы». Высоко над нами они начали входить в пике. Положение их в этот момент исключало попадание бомб в нашу балку. Действительно, через несколько секунд послышались взрывы на передовой в районе нашего предупредителя.

Гул и завывание пикировщиков, свист бомб и грохот взрывов вызывали в нас бессильную злобу. Пушки наших зенитчиков хотя и работали беспрерывно, но «козлы», выйдя из пике, безнаказанно уходили за конус Сахарной Головы.

Понаблюдав за пикировщиками и успокоившись, Аннушка и Майя пошли в свою землянку, а мы вчетвером направились в машину продолжать работу.

Внезапный грохот рядом за кустами был настолько неожиданным, что при падении я не успел коснуться земли — меня подхватило взрыв-

ной волной и швырнуло на камни. Оказалось, что два или три самолета из самого последнего эшелона спикировали раньше и бомбы легли в нашу балку. Я лежал и ругал себя за ротозейство, прислушиваясь теперь с особым вниманием к гудению в воздухе. Осколки скосили несколько мелких деревьев и врезались в каменно-деревянное ограждение наших машин.

— Санинструктора сюда! — кричал кто-то у наших соседей-артиллеристов...

Я бросился к землянке военврача, но она уже бежала на крик с медицинской сумкой. Группа солдат окружала лежащего на земле раненого старшину-артиллериста. Осколком бомбы ему распорол живот... Военврач наспех начала бинтовать зияющую рану. Раненый не стонал. Он еще не чувствовал той мучительной боли, которая ожидала его впереди. Не боль, а угроза смерти беспокоила его, и он умоляюще спрашивал:

— Буду я жить, сестрица? Буду жить?

— Будешь, будешь, миленький... Только потерпи...

Подъехала бортовая машина. Раненого подняли на плащ-палатке и уложили в кузов. Объезжая воронки, машина двинулась вниз, к устью нашей щели. Недлинный путь до медсанбата стал последним в жизни молодого старшины.

Сразу после бомбежки дежурный телефонист центральной станции ефрейтор Бровка запросил предупредителя и все звукопосты и доложил находившемуся у регистрирующего прибора комбату Меняйло:

— Товарищ гвардии капитан, связь с постами исправна. Потерь нет.

— Добре, — ответил комбат. — А где Колесников?

— Не знаю, товарищ гвардии капитан, где он сейчас, но из машины старший сержант выскочил в самую бомбежку.

О постоянных исчезновениях начальника центральной станции старшего сержанта Колесникова во время бомбежек в батарее знали все.

Алексей Колесников находился в дивизионе со дня его основания. Во время отступления участвовал в рукопашных схватках с румынской и немецкой пехотой. И вот этот мужественный, обстрелянный в боях человек совершенно не переносил бомбежек: все бросал и бежал куда глаза глядят, навлекая на себя этим еще большую опасность. И на этот раз он убежал в горы. После бомбежки возвратился тихо, незаметно, ни на кого не поднимая глаз, принялся за обычную работу.

Так повторялось много раз. Но однажды, уже в 1945 году, на Шпрее, во время бомбежки Колесников, как всегда, побежал и больше не вернулся. Его настиг осколок. По иронии судьбы это случилось в самый последний воздушный налет на батарею.

...Бомбежка закончилась для нашей батареи благополучно. Никто не пострадал. И, как всегда, когда опасность миновала, солдат словно подменили. Послышались смех, шутки, веселые разговоры.

Но мне было не по себе. Я отошел и присел на гусеничный ящик. Я все еще видел перед собой раненого старшину, его окровавленный живот, слышал его голос: «Буду я жить, сестрица? Буду жить?»

Свист и грохот снарядов, разорвавшихся на склоне балки, чуть выше того места, где была

вкопана машина центральной станции, вернули меня в действительность. Я вскочил и поспешил к машине вычислителей. Вслед за мной туда вошел командир отделения вычислителей сержант Саркисян. В руках он держал ленту с записью звуков уже следующей очереди выстрелов. Была четырехорудийная 105-миллиметрового калибра батарея, стоявшая в Мефодиевском. Время от времени она обстреливала нас, но накрыть не могла — мешал гребень укрытия. Координаты ее мы знали, и сейчас при вычислении они вновь подтвердились, хотя из-за жары приходилось их снимать по центру треугольника погрешности. Будь соседи-артиллеристы более сговорчивыми, мы бы давно с ней расправились, корректируя огонь по звуку. Но действовал строгий приказ экономить снаряды. Даже на пристрелку батарей требовалось особое разрешение на снаряды.

В Новороссийской обороне враг был силен своей артиллерией. Она играла важную роль в создании мифа о «неприступности» «Голубой линии». Фашисты держали под прицелом все главные объекты, обнаруженные воздушной и наземной разведками. Поэтому задача звукометристов заключалась в выявлении максимального количества огневых артиллерийских средств противника и вскрытии всей его артиллерийской системы. В будущем, при прорыве линии обороны, в боях за город эти данные послужат штабу армии исходным началом для общего планирования артиллерийского огня.

Контрбатарейная борьба в летний период с нашей стороны преимущественно ограничивалась видимыми целями — минометными и артиллерийскими батареями, расположенными на переднем крае. Стрельба по удаленным закрытым це-

лям, с корректировкой огня по звуку, проводилась редко.

В условиях гор контрбатарейная борьба отличалась особой сложностью как для нас, так и для противника. Точное установление координатов цели еще не означало возможности ее уничтожения даже в том случае, если применялись мощные огневые средства. Многое зависело от конкретных условий нахождения этой цели на местности и правильного выбора средств для ее уничтожения.

Гитлеровская пушечная артиллерия 105-миллиметрового калибра, очень маневренная и практичная на равнине, оказалась непригодной для борьбы с той частью нашей гаубичной артиллерии, которая располагалась в глубоких щелях, за высокими гребнями укрытий. В то же время надо признать большую эффективность многоярусного огня этих пушек при настильной стрельбе как по видимым, так и по закрытым целям.

Случай, о которых далее пойдет рассказ, позволят читателю в какой-то степени оценить качественную сторону немецкой артиллерии при стрельбе по закрытым и открытым целям, подвижным и неподвижным, близким и удаленным. Пушечная артиллерия была нашим главным врагом, против которого велась контрбатарейная борьба.

После провалившегося на правом фланге «Голубой линии» апрельского наступления гитлеровцев, когда в течение многих дней не смолкал гром артиллерии и авиации противника, наступило относительное затишье. Это не значит, что наступила тишина. Просто артиллерийский огонь был менее яростным, а самолеты прилетали реже.

Четырехорудийная 150-миллиметрового калибра батарея 81-го гаубичного полка, которым командовал в то время полковник Ахтырченко, однажды подверглась очередному обстрелу. Батарея располагалась в глубокой щели и для противника представляла закрытую цель. Во время обстрела мы с командиром линейного взвода гвардии лейтенантом Волчковым случайно оказались на узеньком гребне, за которым стояли замаскированные орудия. Лавина снарядов летела низко, у самой поверхности гребня. В ушах стояло сплошное шипение и шуршание. Минуя гребень и за ним мертвое пространство, где стояли орудия, снаряды достигали противоположного борта щели и взрывались, перелетая цель. Среди массы летящих снарядов некоторые, по закону рассеивания, ложились прямо на гребень, на нашей тропе. Некоторые вообще не долетали до гребня и взрывались на скате, обращенном к противнику. По батарее стрелял, видимо, дивизион. Он выпустил сотни 105-миллиметровых снарядов, а цель осталась непораженной.

По правилам внешней баллистики, в случае настильной стрельбы так и должно было закончиться. Для поражения целей, находившихся в глубоких щелях, нужны были гаубицы или мортиры со свойственной им навесной стрельбой. Минометы не доставали далеко отстоящие цели, мортирами немцы под Новороссийском не располагали, но гаубицы у них были.

Вспоминаю минуты, проведенные на узком гребне, шипение снарядов над головой, и в памяти оживает то странное ощущение, которое мы тогда испытывали: ноги как будто налились свинцом, а земля притягивала к себе так, как будто увеличивалась вдруг сила притяжения.

Превозмогая чувство боязни, мы с Волчковым, пригнувшись, продвигались вперед, хотя вполне могли бы сбежать по тропе под гребень и переждать огонь. Что это было — бравада, мальчишество? Не только. Проверялись и солдатская сила воли, выдержка, без которых трудно устоять в опасные моменты. Здесь, на гребне, я получил опыт распознавать снаряды, которые «летят в тебя», а которые — мимо.

Если закрытые цели, находившиеся в мертвом пространстве, оставались недосыгаемыми для немецкой пушечной артиллерии, то такие же цели, расположенные на пологих обратных скатах, не имели этого преимущества. Такое положение занимал внешне безобидный пункт обработки данных оптической разведки. Его землянка стояла в полутора километрах от берега моря, на обратном пологом скате одного из южных отрогов Маркхотского перевала. Артиллерийских огневых позиций поблизости не было, и это исключало случайный обстрел разведчиков «за компанию» с артиллеристами. Кроны деревьев скрывали землянку от воздушного шпиона — «Фокке-Вульфа-189», или «рамы». Ночью разведчики работали с электрической лампочкой, питавшейся от аккумуляторной батареи. Вероятно, яркий свет, проникавший через вход землянки, громкие команды целеуказания, дублируемые на посты «Дуб» и «Орел», привлекли внимание вражеской агентурной разведки. Так или иначе, только однажды майским утром на головы разведчиков посыпались снаряды 105-миллиметрового калибра. Первый из них угодил в раскидистый вяз, под которым готовил завтрак гвардии ефрейтор Курылех, и тяжело ранил его. Едва успели затащить Курылеха в землянку, как забушевало пла-

мя разрывов. Ударяясь о деревья, снаряды действовали, как шрапнель. Связь сразу прервалась, нарушилось взаимодействие постов наблюдения. Обстрел, казалось, тянулся целую вечность. Более 250 снарядов разорвалось рядом с землянкой, однако прямых попаданий не было. Оправдалось непреложное правило: не каждая пуля в сердце, не всякий осколок солдату в лоб. Впрочем, один снаряд упал прямо у входа в землянку, но не взорвался. Только это и спасло разведчиков от верной гибели.

Вообще случаи с невзорвавшимися снарядами были не единичны. Брак взрывателей в фашистских снарядах спас многих солдат, в том числе и автора этих строк. В этой связи вспоминается удивительный случай, который произошел во второй звукобатарее под Неберджаевской. Во время обстрела один из тяжелых снарядов при падении срезал, как соломинку, высоченный ствол дикой груши, пробил три наката блиндажа и свалился на колени гвардии ефрейтору Ковалеву. Дикая боль и страх охватили Ковалева. Прошла секунда, другая, прошла минута — и, к величайшему счастью, снаряд не взорвался. Ковалев получил тяжелую травму, но после лечения в госпитале вновь возвратился на фронт.

В ходе наступления на запад невзорвавшихся снарядов становилось все больше. Под Львовом из пяти-шести снарядов один какой-нибудь оказывался холостым. Нельзя было не проникнуться чувством благодарности к тем неизвестным людям, которые, рискуя жизнью в фашистском тылу, помогали нам на фронте. Впрочем, не трудно было догадаться, кто эти люди.

В студеную зиму 1941 года в Москве на Большой Грузинской упала фугасная бомба рядом с

домом, в котором в прошлом веке жил великий русский лексикограф, писатель и этнограф Владимир Иванович Даль. Фугаска замедленного действия могла в любой момент поднять дом на воздух. Но бомба не взорвалась. Прибывшая команда саперов к великому удивлению обнаружила в бомбе вместо детонатора... чешско-русский словарь.

Обстрел пункта обработки больше не повторялся, хотя случайные снаряды прилетали не раз. Вероятно, противник решил, что цель уничтожена. Между тем вычислители по-прежнему трудились на том же месте. И продолжала жить по-соседству с ними неумолчная горlinkа, гнездившаяся на невысоком густом дереве. У этого единственного оставшегося здесь пернатого существа инстинкт привязанности к родному месту был не подвластен войне.

Проверить эффективность своей стрельбы по закрытым целям гитлеровцам не всегда удавалось, тем более, если эти цели после обстрела не подавали каких-либо признаков жизни. Такие объекты при тщательной маскировке с воздуха оставались нетронутыми. Зато видимые цели враг уничтожал беспощадно. Об этом знал каждый.

Артиллерийская стрельба по видимым целям открывалась быстро и велась эффективно. Запомнился необычный случай с нашим штурмовиком, оказавшимся в положении видимой наземной цели.

Ранним майским утром мы с гвардии старшим лейтенантом Александром Ивановичем Поляковым поднялись на одну из высот Маркхота, где неподалеку находился пост наблюдения «Орел». Нашему взору открывалась красота не-

обыкновенная: под ногами расстелился ковер из цветущих нагорных лугов, вдаль на юго-восток уходила цепь гор Центрального Кавказа, а вниз до самого горизонта простиралось спокойное синее море. Но война не давала забыть о ней даже на короткие минуты: высоко в небе кружили самолеты. Там шел воздушный бой.

В те дни под Новороссийском еще не чувствовалось превосходства наших истребителей, хотя уже существовал и был пущен в серийное производство первоклассный истребитель Ла-5ФН с двигателем выдающегося авиаконструктора Героя Социалистического Труда Аркадия Дмитриевича Швецова. Его «двухрядная звезда», изготовлявшаяся в Перми, стояла на многих типах самолетов. На машине с мотором Швецова И. Н. Кожедуб, впоследствии трижды Герой Советского Союза, впервые сбил немецкий реактивный истребитель. Успехи советской авиации неразрывно связаны с именем Швецова.

Неожиданно внизу, у кромки берега, на фоне сверкающего моря, мы увидели ИЛ-2. Он шел на юго-восток со стороны города, возвращаясь с боевого задания. Вдруг сзади него появился «мессершмитт». Зайдя штурмовику в хвост, фашист начал его расстреливать. Штурмовик не отвечал. Это, видимо, была первая модель ИЛ-2 с деревянными бензобаками, без стрелка-радиста. Самолет задымился. Пилот, развернувшись над морем, повел машину низко над гористым побережьем, подыскивая место для посадки. Повреждение, очевидно, было настолько серьезным, что он не рассчитывал дотянуть до базы. Штурмовик прошел над передовой и сел «на брюхо» на поросшей кустарником высоте 104,5, расположенной несколько южнее теперешнего вагона-памятника.

Посадить самолет в таком месте было очень трудно. Наблюдая издали приземление самолета, мы радовались спасению летчика. Но радость оказалась напрасной. Спустившись с горы, мы узнали, что после приземления машину мгновенно охватило пламя. Раненый летчик оттянул назад фонарь и, с трудом приподнявшись в кабине, крикнул подбегавшим к самолету солдатам: «Братцы, вытащите меня!» Но солдаты замешкались, не рискуя броситься в горящий костер из дюрала. И тут раздался взрыв...

Фашисты на наблюдательных пунктах Сахарной Головы заметили место, где приземлился самолет. Этого было достаточно, чтобы через несколько минут открыть прицельный артиллерийский огонь по догоравшему «железному Густаву» — так они называли наши грозные ИЛ-2 — и разметать его остатки. Кто был тот летчик? Никто не знал. Огонь уничтожил все следы...

Незадолго до этого за Маркхотским перевалом такая же трагическая участь постигла моего соученика, танкиста Алексея Сбитнева. Во время разведки боем танк Сбитнева подбили. Раненный в ноги, он не мог выбраться из горевшей машины. Немцы подползали все ближе и ближе. Сбитнев продолжал вести огонь из пулемета.

Пламя перекинулось внутрь танка и стало лизать одежду...

Пехотинцы ринулись в контратаку и отбили этот клочок земли, но было уже слишком поздно.

О мужестве и героической гибели офицера-гвардейца Алексея Геннадьевича Сбитнева я прочел в нашей фронтовой газете. Я не сомневался, что это наш пермяк Сбитнев, хотя там и не было сказано, откуда он родом. Да, это был он.

Студентами мы часто сидели рядом на лекциях. Он отличался деловитостью и серьезностью, был инициативен и общителен. В кругу наших ребят он считался авторитетом. На третьем курсе университета он уже был членом партии. А годов-то в то время этому рыжеватому энергичному парню из Суксуна было всего двадцать два...

Если рассматривать действия артиллерии противника на Новороссийском участке фронта в целом, то, конечно же, самый большой урон нашей живой силе и технике при стрельбе по открытым целям противник наносил, обстреливая Малую землю и особенно ее причал.

Говоря о действиях артиллерии противника, нельзя обойти также стрельбу по движущимся целям. Вести такую стрельбу с закрытых позиций, в отличие от стрельбы прямой наводкой, довольно сложно. Движущимися целями для фашистов были наши люди, военная техника и автомашины, доставлявшие на передовую по дороге Кабардинка — Новороссийск боеприпасы и продовольствие. Эта дорога во многих местах просматривалась и обстреливалась. Не случайно солдаты предпочитали, обливаясь потом, преодолевать щели и гребни, нежели ходить по ровной дороге побережья.

Однажды в роли движущейся мишени на этой дороге оказался грузовик взвода оптической разведки. Парторг старшина Арарат Арутюнов вез на нем продукты из Марьиной Рощи, где временно располагались тылы дивизиона.

Проезжая с шофером, ефрейтором Коржом, по разрушенной до основания Кабардинке, старшина случайно взглянул на развалины дома, около которого валялись остатки сорванной железной крыши. Хотя в голубом небе ярко сияло солнце,

Арарат, глядя на железные листы, мысленно ощутил проливной дождь и сбегаящие за шиворот холодные струи воды, как это бывало во время дождя в землянке пункта обработки, где жил вместе со всеми старшина. Землянка была покрыта кривыми стволами деревьев в несколько рядов и хворостом, а сверху засыпана дресвой. Приличный лес поблизости не рос. От дождя такая крыша не спасала.

Черные склепанные листы железа тут же погрузили в машину. Но в кузов полуторки они не вместились и выступали над кабиной. Издали машина стала походить на «катюшу».

Фашистский оберст, сидевший на Сахарной Голове (а там действительно на одном из постов наблюдение за дорогой вел полковник), усмотрел в безобидной машине реактивную минометную установку. Упустить такую важную цель, катившую по дороге среди бела дня, было непростительно. Тем более, что открытые места на серпентине дороги он заранее пристрелял. Ему было известно также время полета снарядов от огневых позиций до каждого открытого места дороги. Знал полковник и среднее время, на которое исчезали из видимости машины. И как только скрывалась за поворотом очередная машина, на Сахарной Голове раздавалась команда: «Фойер!» — и в воздух со свистом неслись снаряды. В тот момент, когда машина выскакивала из-за скал, на нее сыпался град снарядов.

Полуторка Арутюнова была единственной на дороге, однако после первого опасного поворота она вызвала на себя шквальный огонь. Арарат и Корж вначале не придали этому значения, но после второго захода поняли всю серьезность своего положения. Арарат Карапетович избрал план

движения с различными задержками в укрытиях и максимально быстрой ездой на открытых местах. Началась опасная игра. Получасовые, десятиминутные и пятиминутные остановки за полосатыми глинисто-карбонатными скалами сменялись бешеными скачками по ухабам разбитой дороги. И так до самой Дачи Шесхарис. Арарат выиграл. В азартной охоте фашист не сумел поразить прыгающую «катюшу». Осколки в бортах машины в расчет не шли. В верховьях щели Дачи Шесхарис мы слышали грохот разрывов на побережье, но чем он был вызван, не знали. Появление в балке продовольственной «катюши» и рассказ Арарата о езде с «роздыхами», поданный им, как всегда, с юмором, объяснили причину большой, но напрасной тревоги немцев.

Немецкая артиллерия, кроме батарей 75-, 105-, 155-миллиметрового калибра и различных минометов, располагала под Новороссийском дальнебойными пушками 211-миллиметрового калибра, стрелявшими почти на тридцать, а точнее — за 27 километров. Их снаряды достигали причалов Геленджика. Позднее, на Тамани, под станицей Гостагаевской, огонь этих пушек вычислители испытали на себе. Тяжелые фугасные снаряды, как бомбы, летели к нам за 18 километров и рвались в расположении пункта обработки в течение целой ночи. Батарея вела огонь на изнурение, выпуская снаряды через неравные промежутки времени от одной до пятнадцати минут. Переносить такой огонь было исключительно тяжело. В ожидании разрыва очередного снаряда всех пробирали дрожь. В то же время надо было засекаать другие батареи, которые стреляли не переставая. Свободные от дежурства вычислители не спали, а сидели в ровиках, сухие стенки которых при

разрыве очередного снаряда разрушались и засыпали их землей. Конечно, они могли оставить это злополучное место и уйти из зоны обстрела, но никто из расположения взвода не ушел. И вообще никто из вычислителей никогда не искал в одиночку места, где было легче.

Наши девчата, Аннушка и Майя, вместе со всеми переносили все невзгоды и никогда не показывали своей слабости, хотя им было во много раз труднее, чем нам. И сейчас они были с нами.

Русский солдат твердо знал, что только ценою невероятных усилий, ценою многих жизней можно избавить Родину от фашизма. Потому-то и спорил со смертью, стиснув зубы, капитан-сапер, когда обучал своих солдат под Новороссийском обращению с немецкими прыгающими минами. Подползая к настроенной на взрыв мине, капитан задевал одну из натянутых нитей. Мина взлетала вверх на высоту примерно полутора метров. В тот же миг он рывком бросал свое тело в центр, откуда только что выпрыгнула мина, и над его головой раздавался взрыв. Сотни осколков разлетались по радиусам. Свободным от поражения оставалось лишь небольшое пространство внизу, в котором мог поместиться человек. Наблюдать со стороны это занятие на близком расстоянии было опасно из-за осколков. Но истинную цену опасности знал лишь капитан, находившийся под рвущейся над головой миной.

Пушечная и минометная артиллерия врага была сильна, но, кроме нее, существовали и использовались против нас многие другие средства, начиная от авиации и кончая минами-«сюрпризами».

В ночное время фашисты сбрасывали с самолетов на большой высоте столбовидные само-

раскрывающиеся контейнеры, из которых рассеивалась масса ярко раскрашенных, как мухоморы, двухкрылых гранат — «хлопушек». Сила взрыва «хлопушки» была такова, что он оставлял вмятину на станине орудия. Бесшумное падение с полуночного неба этих «тихих ангелов», крутящихся, как еловые семечки, представляло опасность для всех находившихся вне укрытия. Любителя расстрелять из винтовки или пистолета на земле невзорвавшуюся «хлопушку» в лучшем случае ожидало ранение. Медики в то время говорили, что одну треть всех ранений причиняли эти красно-желто-белые «игрушки».

Иногда вместе с «хлопушками» с неба сыпались стальные веретена. В этом отношении фашисты еще тогда опередили Пентагон, который также, как известно, использовал стальные иглы для ведения варварской войны во Вьетнаме.

Не оставляла в покое нашу оборону бомбардировочная авиация. Прочесывая щели, самолеты бомбили и поливали из пулеметов все, что попадало в прицел. В один из налетов очередь из пулемета была прошита машина центральной станции. Находившийся в ней командир дивизиона гвардии майор Н. М. Балыко, услышав шум снижающегося самолета, пригнулся, и это спасло его от смерти. Пуля попала не в голову, а в шею.

Неточные сведения нашей разведки, а возможно, предпринятая врагом дезинформация о подвозке гитлеровцами в Новороссийск химических снарядов, были причиной изнурительных противохимических тренировок. В летнюю жару мы по приказу штаба от трех до восьми часов ежедневно находились в противогазах. Конечно, это было всего лишь большое неудобство, но из

таких малых и больших неудобств слагалась в конечном счете вся жизнь солдата.

Привязанный к своему месту солдат жил и работал в постоянном напряжении, как сжатая пружина. Пружина не разжималась — не имела права, потому что не было выходных на войне. И вся война длилась как один нескончаемый трудный и опасный рабочий день.

Каждую неделю поутру с высоты Маркхота к нам в балку спускался с метеорологического поста наблюдения гвардии сержант Бучнев. Приходил за очередным запасом продуктов. До войны Петр Михайлович Бучнев учительствовал в Челябинске. Был он большой юморист и мастер петь под гитару. В то время особых развлечений у нас не было. Только раз за все время к нам в балку приезжала с концертом фронтовая бригада. Вокруг Бучнева всегда собирался узкий круг свободных от работы связистов и вычислителей. Песен он знал много. В его репертуаре были и только что рожденные фронтовые, переданные из уст в уста, и популярные предвоенные, и русские народные. Были и совсем незнакомые нам. Особенно трогательно напевал он матросскую песню о гибели трех эсминцев, отрывок из которой помнится и сейчас.

Был дан приказ решительный и строгий:

Идти на вест, с собою мины взяв.

Там в море бродит хитрый англичанин,
Назад нельзя идти, не выполнив приказ.

И шли на вест, неся врагу гостинец,
Но враг не спал — оборонял свой стан.

Взлетели вверх послушных три эсминца
На минах хитроумных англичан.

Большинство песен мы услышали от него много позднее, находясь на Украине, в Польше и

Германии, когда наши дела складывались все лучше, а война докатила до тех мест, откуда пришла.

Как-то по линии политотдела армии в дивизион и батарею попала тонкая книжица Я. Гашека «Похождения храброго солдата Швейка». Это было не полное произведение, а отдельно изданные главы. Читали, как на уроке литературы, — вслух. После чтения в солдатском лексиконе появились и сохранились на всю войну меткие выражения Швейка.

Часто к нам для зарядки аккумуляторов из тылов дивизиона приезжал старший техник-лейтенант Василий Петрович Аненков. Это был добрейший, честнейший человек, прекрасно знавший свое дело и в первую очередь центральный регистрирующий прибор. В дивизионе Аненков находился со дня его основания и за годы войны прошел путь от солдата до офицера. У нас он появлялся всегда с рацией, и мы могли слушать не только радостные в то время сводки Совинформбюро, но и близкий, окружавший нас эфир. Иногда до нас доносились разговоры наших летчиков.

В июле активность вражеской и нашей артиллерии была невысокой. Наши батареи вели обычную свою работу — уничтожали пулеметные точки, дзоты, вражеские артиллерийские минометные батареи, а также пристреливали цели одиночными орудиями. За этой повседневной работой артиллеристов шло скрытое подтягивание под Новороссийск новых резервных сил артиллерии для нанесения в ближайшем будущем решительного удара.

Стрельба с корректировкой огня по звуку производилась редко, так как не было смысла распугивать раньше времени удаленные невидимые

цели. Основная их масса оставалась нетронутой до момента общего наступления.

Как-то в конце июля я получил распоряжение из штаба дивизиона провести инвентаризацию имущества во взводе оптической разведки старшего лейтенанта А. И. Полякова. Распоряжение показалось мне нелепым: вся одежда солдата находилась на нем самом, а приборы, на которых он работал, в его руках. Берегли все это, особенно технику, больше самого себя. Исчезни случайно то или иное — сразу бы стало известно нашему всезнающему старшине дивизиона Селиванову. Но приказы не обсуждают.

Назавтра, задолго до полуденного зноя, я успел проверить имущество солдат левого поста наблюдения и пункта обработки. На правый пост «Орел» мы взбирались вместе с Поляковым. Этот пост на Маркхоте был удобен для общего обозрения панорамы Новороссийской обороны. Закончив свои дела, мы рассматривали в бинокль и стереотрубу несколько залесенный южный склон Сахарной Головы, порядком облысевшей от наших артиллерийских обстрелов и от строительства на ней немцами блиндажей и наблюдательных пунктов. Западнее горы, сразу за Цемесской бухтой, виднелась гладкая береговая полоска Малой земли, самая южная, выступающая в море, часть которой на карте обозначалась мысом Хако, а весь прилегающий к ней участок назывался Мысхако.

— Как-то там, на Мысхако, наши топографы воют? — нарушив молчание, спросил Поляков. Его вопрос был для меня неожиданностью.

— А разве там есть кто-то из наших?

— Как же, там сейчас взвод лейтенанта Петра Степанова. Их одиннадцать человек. Было

тринадцать, да при высадке сразу же ранило самого Степанова. И тем же снарядом накрыло ефрейтора Диденко. Так и зарыли в воронке у причала, не сумели ему даже могилу выкопать. Лейтенант пока еще в госпитале. Его замещает старший сержант Моисеев. Народ там старательный и грамотный. Вычисления делают с точностью до сотых метра, что, пожалуй, излишне.

— А кто там еще? — поинтересовался я.

— Старший сержант Василий Смоленцев, Селянский, Штонда, Иванов... Да всех не упомяну.

— Под чьим же началом они работают?

— Направлены они в помощь заместителю командующего артиллерией 18-й армии полковнику Рупасову. В его распоряжении и находятся. Задача у них, на первый взгляд, обычная: они привязывают огневые позиции нашей артиллерии, засекают цели, уточняют линию переднего края и помогают в обработке разведывательной и оперативной карт. Но в тех условиях не просто возиться с теодолитами — на самом виду у фрицев. Пока расставишь треногу и проверишь уровень, тебя могут десять раз подстрелить из простой винтовки.

Вот какой случай рассказал мне при встрече командир топовзвода гвардии лейтенант Степан Сушко. Его взводу приказали привязать три батареи пушек 122-миллиметрового калибра, установленных на прямую наводку на танкоопасном направлении. Место это находится под станцией Неберджаевской, километрах в пятнадцати отсюда. Весь этот участок покрыт лесом. Свободной остается лишь одна лощина, по которой проходит дорога в сторону огневых дивизиона. Ничего не подозревавший лейтенант Сушко решил

тянуть по ней артсеть. Но, как потом оказалось, лощина прекрасно просматривалась противником и была хорошо пристреляна.

Перебросив с гор в ту лощину опорную точку, топографы установили в ней для большей видимости здоровенную вежу и оставили у нее двух разведчиков, Уткина и Смирнова. А сами повели от этой вежи ход в направлении огневых позиций. Вражеские артиллеристы, конечно, с любопытством и ехидством наблюдали за всем этим. И как только они дотянули ход до пристрелянного немцем места, по ним был открыт беглый огонь четырехорудийной батареей. Бежать куда-то уже было поздно, и Сушко скомандовал: «Ложись в воронки!» Воронка оказалось достаточно.

Пересидев артналет, им пришлось бросить начальный ход и тянуть новый ус от той же самой вежи по другой стороне лощины. Но все равно скрыться от немца не удалось. Лощина у него была как на ладони. Как только они вернулись к исходной веже и повели новый теодолитный ход, фашисты начали бить из трех шестиствольных минометов. Снова бросились спасаться в воронки. Хорошо, что земля там мягкая и воронки глубокие. Мины точно накрыли это место. Казалось, от группы ничего не осталось. Но дым рассеялся, солдаты встали и продолжили работу. Огневые позиции удалось привязать только поздно вечером. Все были живы, хотя и еле держались на ногах от усталости и голода. Задание выполнили в срок.

Соблюдая маскировку, мы вышли из блиндажа, где располагался пост наблюдения.

— Гляди, гляди! Опять тридцатка гадов летит из Крыма! — воскликнул старший лейтенант.

Я взглянул туда, куда указывал Поляков, и увидел в небе над Абрау-Дюрсо много черных точек. В ту же секунду над Мысхако стали рождаться белые клубочки — разрывы зенитных снарядов. Их количество неимоверно быстро росло, образуя громадный белый купол. Он постепенно становился сплошным, как зонтик, и скрывал под собой всю Малую землю. Удивительно четко и слаженно работали зенитчики. Каждая батарея была только в свой сектор и на определенную высоту, независимо от того, были там самолеты или их не было.

Каждому гитлеровцу приходилось дырявить этот белый купол, прежде чем сбросить бомбы в цель. Те, что боялись пробить его, разгружались рядом в море. Тактика «белого купола» была настолько эффективна, что почти каждый раз два или три самолета из тридцатки, не выходя из пике, врезались в землю или море.

На этот раз гробанулись три. Два упали на землю, один с сильным всплеском врезался в воду.

Немцы с подбитых самолетов редко оставались в живых: горы и море — плохое место приземления.

Поляков спросил:

— Я слышал, лейтенант, что ты тоже бывал на Мысхако?

Дела больше не задерживали нас на «Орле», и мы стали спускаться в наши щели.

О своей поездке на Мысхако я никому не рассказывал. Считаю, что по сравнению с дерзким десантом моряков-черноморцев это обычные военные будни. Полякову же я отказать не мог. С этим простодушным рязанским парнем мы бы-

стро сошлись. Он всегда был со мною до предела откровенен, и я отвечал ему тем же.

На Мысхако добрался я, можно сказать, с большим комфортом. В самом деле, попробуй добейся у летчиков спецрейса куда-нибудь. Ничего не выйдет. Уйму причин найдут для отказа и не полетят. А тут в первую же ночь доставили. Видно, название — Мысхако — действует магически.

Попал я туда спустя две недели после высадки десанта. К тому времени из первой горсточки героев-моряков, совершивших дерзкую выброску, в живых остались немногие. Погиб и сам командир отряда майор Цезарь Кунников. В исключительно сложных условиях Малая земля наращивала силы для отпора врагу, рвавшемуся с суши, моря и воздуха.

Командование Черноморского флота и 18-й армии непрерывно посылало малоземельцам подкрепление, но часть вооружения, боеприпасов и людского пополнения, отправлявшихся из Геленджика, не достигала цели, гибла на подступах к Мысхако. А то, что попадало на Малую землю, несло большие потери в жарких боях, кипевших на этом вырванном у немцев пятачке земли. Армейское командование не располагало точными сведениями о силах и средствах артиллерии, находившейся на Мысхако. Штаб армии обязан был срочно уточнить эти данные и представить командующему артиллерией армии генерал-майору Г. С. Кариофилли.

Для получения необходимых сведений начальник штаба артиллерии армии подполковник Шевченко приказал вызвать офицера из разведдивизиона. В то время я только что прибыл в дивизион и временно находился не у дел. Моя кандидатура оказалась, вероятно, наиболее подходя-

щей, и начальник штаба дивизиона гвардии капитан Иванцев приказал мне незамедлительно явиться в штаб артиллерии армии, в Солнцедар.

— Лейтенант, — сказал мне подполковник Шевченко, — вам надлежит доставить эти пакеты на Мысхако и вручить их двум командирам на КП. Должности их указаны на конвертах. Поедете из Геленджика на первом попутном транспорте.

В голосе подполковника не было обычного приказного командирского тона, какая-то непосредственность и мягкость.

Два заклеенных пакета, изготовленных из тонкой папиросной бумаги, без каких-либо печатей, я тут же положил за пазуху, так как в карман они не входили, а о планшете я пока только мечтал.

Конечно, подполковник знал, что добраться до Мысхако не просто. Гитлеровцы с самого начала решили блокировать все подступы к Малой земле, изолировать десант. Для этого они набросали в фарватеры блуждающие гальвано-ударного типа мины, пустили в ход бомбардировочную авиацию, торпедные катера, подводные лодки и, главным образом, артиллерию, которая держала под прицелом наскоро сооруженный причал у крутого берега Мысхако. Почти каждую ночь, пренебрегая опасностью, из Геленджика на Мысхако выходили с подкреплением катера-охотники, мотоботы, тральщики, сейнеры и, реже, караваны более крупных транспортных судов, но далеко не все они достигали цели, а многие и вообще не возвращались обратно.

В ту ночь, дождливую и ветреную, в Геленджикском порту в рейс на Мысхако готовился тральщик. Шла погрузка вооружения, боеприпа-

сов, продовольствия. С наступлением темноты над портом повисли, как всегда, вражеские ночные бомбардировщики. Сверху, из черноты южной ночи, с воем и свистом то там, то здесь падали бомбы, взрываясь на берегу или в воде. Было такое ощущение, будто каждая очередная бомба летит прямо в тебя.

После погрузки мы вышли из бухты в открытое море. В непроглядной темноте на нас сразу же обрушился одиннадцатибалльный шторм, который мало ощущался в бухте. Громадные волны захлестывали палубу, окатывая брызгами надстройки на судне. Море и ветер шумели и бесновались. В трюме на полу сидели минометчики, крепко обхватив короткие стволы ротных минометов. Вместе с ними располагались автоматчики. От сильной бортовой и килевой качки почти у всех началась морская болезнь. Для многих из нас это было первое плавание по морю.

Просидев в трюме около часа, я выбрался наверх. Палубу то и дело заливала вода, и летящие брызги окатывали меня с головы до ног. Сырой, пронизывающий ветер забирался под непригнанную, мешковатую шинель. Вокруг не было видно ни зги. Как вел лоцман судно в такую погоду по заминированному фарватеру, было известно только ему одному.

Холод заставил меня вернуться обратно в трюм. При тусклом свете лампы на полу лежали и мучились солдаты. Нескончаемо долго тянулось время. Наконец, судя по начавшейся суете и крику матросов, мы приплыли. Однако подойти близко к причалу в такую погоду было невозможно. С берега к нам подошел катер, но волны мешали ему приблизиться к борту судна. Некоторое время мы стояли, болтаясь на волнах в какой-то сот-

не метров от нашей цели. Остаться здесь дольше не имело смысла. К великой досаде, пришлось повернуть обратно в Геленджик.

Рано утром я поспешил в Солнцедар. Не хотелось докладывать, что не выполнил задание, но пришлось. Подполковник был уже в курсе дела. Он сказал только:

— Постарайтесь в эту ночь доставить пакеты тем же путем.

В порту под бомбежкой прошла вторая ночь. В темноте я обшаривал берег, всматриваясь и прислушиваясь, не готовится ли какое-либо судно к отправке на Мысхако. Выспрашивал моряков. Но все напрасно. По-прежнему бушевала непогода. Ни одно суденышко из «тюлькиного флота» в эту ночь на Малую землю идти не рискнуло. Я строил разные планы, как попасть к малоземельцам. Будь штилевая погода, не представило бы труда пройти от Кабардинки до Мысхако на одновесельной лодке. Но погоды не было, лодки тоже. Да едва ли в то время в разбитой до основания Кабардинке нашлось бы хоть одно обычное весло.

Утром мне предстоял неприятный разговор со старшим лейтенантом — офицером из оперативного отдела штаба, который первым принимал мой доклад. Еще вчера после неудачного рейса он долго и нудно выговаривал мне за то, что я не выполнил приказ, хотя прекрасно знал, что дело не во мне. На этот раз все повторилось снова, только в более грубой форме. Подполковник Шевченко, внимательно выслушав меня, сказал:

— Если невозможно морем, попытайтесь добраться по воздуху. Свяжитесь с летчиками и попросите, чтоб вас доставили на Мысхако самолете-

том. Только придется прыгать с парашютом — там самолеты посадку не делают.

Аэродром находился недалеко от Солнцедара, на Тонком Мысе. Близость его для меня была существенна. Мои выдавшие виды сапоги после ежедневных двадцатикилометровых переходов по раскисшим дорогам совсем развалились.

На Тонком Мысе базировалось несколько авиаполков: полк легких ночных бомбардировщиков, истребительный полк, эскадрилья связи и прославленный 46-й Гвардейский женский полк легких ночных бомбардировщиков, которым командовала майор Е. Д. Бершанская. Это был тот самый женский полк, позднее названный Таманским, бесстрашных летчиц которого немцы прозвали ночными ведьмами. Двадцать три из них впоследствии были удостоены звания Героя Советского Союза.

В низком здании, типа барака, находилось человек пятнадцать молодых летчиков. Они что-то горячо обсуждали. Я подошел к трем стоявшим ближе ко мне офицерам и спросил, как мне пройти к командиру эскадрильи.

— А что у вас? — спросил один из них.

— Я из штаба артиллерии 18-й армии. Мне приказано доставить на Мысхако пакет. Возможно ли попасть туда самолетом? Я слышал, что самолеты там не приземляются, но готов прыгнуть с парашютом.

Все сразу обратили на меня внимание. Один из офицеров спросил:

— Вы что, лейтенант, парашютист, ас? Сколько у вас на счету прыжков?

Надо признаться, что кроме как с парашютной вышки я вообще никогда не прыгал. Я ответил: ни одного. И тут раздался дружный хохот.

Сразу стало ясно, что я сморозил какую-то нелепость. Наконец смех и шутки смолкли. Ко мне подошел старший лейтенант и по-дружески сказал:

— Прыгать с парашютом днем на Малую землю можно только на бреющем полете. Для этого надо иметь на счету не менее сорока—пятидесяти прыжков. Если ты прыгнешь с высоты одного километра, тебя расстреляют в воздухе. И сам пропадешь и задание не выполнишь. Приходи сегодня ночью на наш КП. Если будет луна, то я отвезу тебя на Малую землю. Там я уже приземлялся однажды.

К вечеру погода заметно улучшилась. Я стоял на краю взлетной полосы и наблюдал, как в сумраке наступающей ночи поднимались и уходили на задание наши героические, защищенные одной лишь ночной темнотой, У-2.

Это было 22 февраля 1943 года, в канун празднования Дня Красной Армии. Вскоре из-за горных вершин Михайловского перевала показался краешек долгожданной луны. Мне пора было на КП, который помещался в специальной машине. Через некоторое время сюда же подошел мой знакомый старший лейтенант. После минутного оформления нашего вылета, записанного боевым, мы поспешили к самолету и поднялись в воздух. В открытой кабине было холодно. Пронизывал ветер. Я постоянно придержививал фуражку, чтоб не сорвало.

Мы шли низко над побережьем, подавая нашим зенитчикам световые сигналы. Вот показались Цемесская бухта и справа, на берегу, силуэты заводов «Октябрь» и «Пролетарий». Внизу под нами на черном фоне бухты выделялись мол и маяк.

В будущем, при освобождении Новороссийска, они сослужат нашим морякам недобрую службу. На рассвете памятного сентябрьского утра фашисты неожиданно открыли из башни маяка пулеметный огонь по катерам, пробивавшимся по кипящему от разрывов морю к заминированным пристаням порта. Кинжальный пулеметный огонь сверху косил незащищенных десантников до тех пор, пока катер под командованием лейтенанта Крылова не зашел с тыла и не погасил его.

Минуты через три вновь появилась земля с выделявшимися белесоватыми полосами. Над одной из них самолет круто нырнул вниз и приземлился. Отстегнув привязные ремни, я выпрыгнул из кабины и с благодарностью пожал руку старшему лейтенанту. В ту же минуту он прибавил газ и взмыл в воздух. Медлить было нельзя: неподалеку на поле рвались снаряды. Сориентировавшись, я побежал в сторону моря. Первый встретившийся моряк указал мне, где находится КП. Я увидел подорванное длинноствольное орудие береговой батареи, находившееся, примерно, на 150 метров восточнее причала. Рядом было подземное сооружение, где располагался КП. В сотне метров севернее, как я узнал днем, находился командный пункт 255-й морской стрелковой бригады. К нашему КП вела глубокая траншея, упиравшаяся в толстую железную дверь. Узкие потерны внутри соединяли три маленьких отсека со сводчатыми потолками. Левый — дальний — занимал заместитель командующего артиллерией армии полковник Иван Михайлович Рупасов, которому предназначался один из пакетов. Я представился и отдал пакет. Прочитав при свете гильзовой коптилки текст, он с горячностью и отчаянием воскликнул:

— Штаба у меня нет! Я здесь остался один! Сведения, которые требуют в штабе армии, к указанному сроку собрать не могу!

Конечно, всего этого он мог мне не говорить, ведь я был всего-навсего посыльным. Но, видимо, в душе его происходило что-то такое, от чего он не мог больше сдерживаться. Его исхудалое потемневшее лицо и воспаленные глаза красноречивее слов говорили о всей сложности положения. Штормовая погода, длившаяся несколько суток, еще больше усугубила обстановку, оставив малоземельцев почти без запасов продовольствия, боеприпасов, пресной воды.

Второй пакет я вручил полковнику — заместителю начальника оперативного отдела штаба 18-й армии, занимавшему правый отсек. Отрекомендовавшись и подав пакет, я тут же услышал ошеломляющий вопрос:

— Лейтенант! Почему вскрыт пакет?

Я растерялся.

— Не знаю, я пакета не вскрывал.

Мой невразумительный ответ ровно ничего не объяснил. Заподозрив, вероятно, криминал, полковник грозно воскликнул:

— Вы лжете, лейтенант! Радист! Передайте на Большую землю: двадцать второго в двадцать три ноль-ноль получен пакет. Пакет вручен вскрытым.

Все произошло в течение одной минуты. Я был подавлен оскорбительными словами, павшим на меня подозрением. Ради пакетов я мог пожертвовать всем. Но теперь доказывать свою невиновность было поздно: радия уже сработала и мне оставалось только одно — просить разрешения уйти. Я вышел из подземелья наверх. Острое чувство досады за минутную растерянность

охватило меня, заслонив главное: задание выполнено. Думал я также и о том, что ждет меня в штабе армии за «вскрытый» пакет.

Я конечно понимал полковника. Он исходил из очевидного факта и не знал, что пакеты трое суток лежали у меня за пазухой. Конверт из папиросной бумаги, вероятно, порвался, но я об этом и не подозревал.

Глубокой ночью я возвратился в левый отсек, чтоб уточнить, где мне находиться. Полковник Рупасов все еще работал. Сейчас я мог лучше разглядеть его крошечное помещение. Стол, табурет и железная койка — все, чем он располагал для работы и отдыха. Ординарец помещался под койкой. Полковник приказал ему дать мне поужинать, угостил плиткой шоколада. Устроиться велел в соседнем отсеке, у радистов. Здесь было настолько тесно, что на деревянном настиле все лежали вплотную друг к другу и поворачивались по команде. Но после бессонных ночей и тревог и такой приют показался мне роскошным.

Днем, если враг не тревожил, Малая земля не подавала признаков жизни. Вся ее прибрежная полоса от мыса Хако до горы Колдун казалась вымершей. Между тем в эти февральские дни, как потом стало известно, здесь находилось семнадцать тысяч бойцов, которые жили и вели смертельно опасную работу в тридцатидвухкилометровом лабиринте окопов, ходов сообщения и других земляных сооружений. Истерзанная и израненная, опаленная огнем и металлом, земля защищала солдат, на долю каждого из которых за всю двухсотдвадцатипятидневную оборону пришлось по пять одних только крупных снарядов. Металлом, сброшенным на этот клочок зем-

ли, его можно было бы покрыть слоем в полтора сантиметра. Снаряды считали артиллерийские разведчики, ни на минуту не отходившие от стереотруб. На этой земле впоследствии несколько лет не росла трава.

Нескольких тысяч солдатских жизней стоила оборона этой узенькой полоски земли, площадью 28 квадратных километров. В те грозные годы журналист Герой Советского Союза Сергей Борзенко писал во фронтовой газете о Малой земле: «Кто ступал на нее — тот становился героем. Трус умирал на этой земле от разрыва сердца или сходил с ума».

В системе обороны 18-й армии Малой земле отводилась особая роль. Она сковывала все попытки врага ринуться через Новороссийск на Черноморское побережье и сокрушить 18-ю армию.

Мое пребывание на Мысхако кончалось. За это время удалось провести наблюдение за расположением некоторых артиллерийских позиций врага. Отсюда, с фланга, они просматривались даже в бинокль. До них было в два-три раза ближе, чем с нашего рубежа разведывания под Сахарной Головой.

В одну из ночей к Малой земле подошла самоходная баржа. Ее разгружали до рассвета, перетаскивая на плечах снаряды, мины, продовольствие, однако полностью разгрузить не удалось. Около шести часов утра, погрузив раненых и больных, находившихся на берегу под нависшими скалами, мы взяли курс на Геленджик. Сопровождение самоходной баржи состояло из восьми катеров-охотников, которые охраняли судно со всех сторон. Утренняя дымка уже рассеивалась, и могла заговорить вражеская артиллерия. Для

маскировки один из катеров поставил со стороны Цемесской бухты дымовую завесу.

Рейс прошел спокойно: противник не преследовал нас ни с моря, ни с воздуха, не наскочили мы и на блуждающую мину.

По возвращении в Солнцедар я доложил подполковнику Шевченко о выполнении задания, рассказав и о злополучном «вскрытом» пакете. Выслушав меня, он спокойно произнес:

— Если бы вы доставили пакеты вообще без конвертов, то и это было бы хорошо. Когда мы отправляли вас на Мысхако, то полностью доверяли вам. Нам нужны были сведения о силах и средствах артиллерии малоземельцев и некоторые другие данные. Ну, а сейчас ступайте и отсыпайтесь, лейтенант!

Наступил сентябрь, а вместе с ним пришел долгожданный приказ о наступлении наших войск на Новороссийск. 10-го, в 2 часа 44 минуты, раздался оглушительный голос нашей артиллерии — 800 орудий. В эту ночь фашистская пушечная артиллерия была в основном сметена. В ее разгром вложили свой труд и бойцы артиллерийской инструментальной разведки — добытчики координатов. Более 250 фашистских орудий засекла первая звукобатарея гвардии капитана Г. Н. Меняйло в Новороссийске и его окрестностях.

Оставшиеся после артналета очаги артиллерийского сопротивления немцев в городе были уничтожены нашей артиллерией, которую представляли не только специальные арtpолки резерва главного командования, но и пушки танковых башен, башенные орудия кораблей, реактивные минометные установки — знаменитые «катюши», скоростная зенитная артиллерия и приданные

пехотным подразделениям минометная артиллерия, артиллерия 76-миллиметрового калибра и легкие «сорокапятки».

В хаосе звуков, шедших с обеих сторон во время шестидневных боев за город, нам трудно было оказывать действенную помощь войскам. Более надежны в тот момент были координаты оптической разведки и разведданные артиллеристов-десантников, которые направляли огонь по орудиям врага, используя рацию.

Прорыв «Голубой линии» и освобождение города-героя Новороссийска были осуществлены благодаря применению мощного и совершенного технического оснащения сухопутных войск, воздушного и морского флота, благодаря массовому героизму воинов всех родов войск и особенно морской пехоты. Картина высадки морского десанта в предрассветной темноте на берег Цемесской бухты, охваченной заревом пожара, и сейчас остается в памяти.

После удара 18-й и 56-й армий по «Голубой линии» началось бегство вражеских войск по равнинам Тамани. Гитлеровский план «Эдельвейс» полностью провалился.

М. Заплатин

ТОГДА
МЫ БЫЛИ
ЛЕТЧИКАМИ...

Я ехал из Ленинграда в Пушкинские горы. Дорога шла через село Никольское под Гатчиной, где в Великую Отечественную войну был наш полевой аэродром. Летом 1944 года здесь стояли наши боевые самолеты — бомбардировщики ИЛ-4.

А прошло с того времени около сорока лет.

Автобус мчался дальше, на Псков. Знакомые места вскоре остались позади и потонули в вечерних сумерках.

Нахлынувшие воспоминания невольно унесли меня в далекие фронтовые годы минувшей войны.

Весной 1944 года наш авиационный полк прилетел в район Гатчины для боевых действий на Карельском перешейке. Летный состав разместили в корпусах бывшего имения, принадлежавшего когда-то горнопромышленникам Демидовым. Перед войной здесь помещалась больница имени П. П. Кащенко.

Фашисты, захватив село Никольское, расстреляли в лечебнице всех больных. При недавнем отступлении они разрушили главный корпус больницы. В парке устроили кладбище — строгими рядами тянулись над могилами характерные немецкие кресты.

Но природа залечивает свои раны. Гром пушек откатился на запад, к Нарве. Еще гремели они у Сестрорецка. Весной на поломанных липах пробилась листва. Старинный парк оживал.

Через открытое окно полкового дома в комнату врвался утренний свежий воздух. Солнце заливало аллею перед окном. Из соседнего леса долетал едва уловимый аромат цветущей черемухи.

Для многих парней нашего полка это была двадцать четвертая весна. Пожалуй, самая памятная. Готовилась серьезная боевая работа.

В это утро мы проснулись поздно. В день вылетов нас обычно поднимали в три часа утра. На этот раз летчики решили, что вылеты не состоятся. Поэтому некоторые еще валялись в постели и переговаривались между собой.

Молодой пилот Андрей Саржевский выбрался из-под одеяла и дернул меня за ногу:

— Подъем!..

Он прибыл в наш полк недавно, сразу из училища. Темноволосым, курчавым, чернобровым

парнем. Одного со мной роста. Даже внешне мы походили друг на друга — так решили в нашей эскадрилье. Андрей отличался веселым нравом и добродушием.

Меня считали уже опытным штурманом. За плечами были: авиаучилище, высшая школа штурманов и летчиков авиации дальнего действия и стаж службы в армии. Назначили штурманом в экипаж к Андрею, еще малоопытному пилоту. Мы с ним подружились. В нашем экипаже радистом был Фатеев, стрелком — Галямов. Помню только их фамилии. Хорошие, скромные парни.

Андрей достал из чемодана единственную в нем вещь — полотенце и пошел умываться. В комнате уже никто не спал. У окна примостился брить свою рыжую бороду пилот Юрий Горохов.

Он на самом деле был рыжим — единственным в нашем полку. Невысок ростом, приземистый, широкоплечий. Кто-то из лежавших крикнул ему:

— Юрий Иванович, что ты делаешь? Собиют!..

— Сегодня не полетим, — спокойно ответил он, продолжая намыливать подбородок.

Среди нас по шутливой авиационной традиции жило поверье, что бриться перед боевым вылетом нельзя.

— Позвольте, Юрий Иванович, — церемонно обратился к нему пилот Володя Якунин. — Зачем рисковать жизнью? Вы молоды, красивы...

По комнате прокатился смех. Парень не блистал особой красотой. Но он педантично следил за своей внешностью, любил принять позу поинтересней.

Юрий очень гордился тем, что он ленинградец и защищает свой родной город. И в нас это вызывало к нему уважение. Ему нравилось, что мы называли его почтительно: Юрий Иванович. Любили мы этого рыжего, забавного и безобидного парня.

Окончательно поверив, что вылетов сегодня не будет, начали строить план похода на лесную речку Оредеж — ловить раков. Этим мирным занятием мы развлекались каждый свободный от вылетов день. Отдыхать подобным образом нас даже заставляли в приказном порядке.

Такой режим был нужен для разрядки после тяжелой боевой работы. Мы были ударной авиационной группой на Ленинградском фронте Карело-Финского направления. Совершали дневные массированные налеты на особо укрепленные районы и скопления войск противника. В каждом таком вылете участвовало не менее сотни самолетов. Эскадрильями, эшелонированно они шли на одну цель.

Легко представить, что происходило с целью, например, обычной железнодорожной станцией, когда сто самолетов сбрасывали на нее по полторы тонны бомб.

После наших бомбовых ударов развивали наступление наземные войска. Скопления войск в тылу противника оказывались парализованными. Поэтому после одного-двух вылетов нас не беспокоили несколько дней. Мы накапливали силы для следующего массированного налета.

Вот и сегодня все настроились на лесную речку.

Юрий Иванович, надолго растянувший бритье, наконец смачивал лицо одеколоном, обмахивал полотенцем.

За окном неожиданно загудели автомашины. Три грузовика вынырнули из аллеи и остановились у подъезда. Этого никто не ожидал. Многие взглянули на утиравшегося полотенцем Юрия Горохова. Он с беспокойством глядел в окно. В комнату вошел командир эскадрильи капитан Бугров и негромко сказал:

— Пилоты! Штурманы! На аэродром!

Каждый потянулся за своим планшетом и шлемофоном.

Володя Якунин не забыл мимоходом бросить:

— Ну, прощай, Юрий Иванович, хороший ты был человек...

Через десять минут мы были на аэродроме. Автомашины развезли летный состав к самолетам. У моторов уже копошились техники, вооруженцы готовили подвеску бомб. Весь летный состав был собран под машиной командира эскадрильи Бугрова.

Это был высокий, худощавый мужчина с темной густой шевелюрой. Лицо серьезное, строгое, с красивыми чертами. Мы гордились нашим командиром.

Совсем по-другому выглядел его штурман, наш главный наставник, капитан Киакука. Низкорослый, полноватый, лысеющий, веселый и остроумный человек. Где шутки и смех — там надо искать Киакуку. Он был очень прост со всеми нами.

Командирскую пару объединяло одно превосходное качество — это были два очень хороших человека. Мы их искренне любили. И нам приятно было воевать с такими командирами.

Штурман эскадрильи объяснил цель и потребовал подготовить карты. Мы должны бомбить пункт Мятсякюля на Карельском перешейке.

В нем, по данным разведки, сосредоточились двигавшиеся к фронту резервы противника.

Экипажи разошлись по самолетам. У машин появился запыхавшийся врач полка Яков Попелянский. Небольшого роста, в очках, которые чрезмерно увеличивали его глаза, Яков Юрьевич мало походил на военного. Он был опытным врачом, но в среде военных летчиков ему явно не хватало медицинской практики. Летчики на фронте погибают как птицы — сразу. Или невредимыми возвращаются на аэродром. А ранеными прилетают на свою базу редко.

Врач подбежал к одному из самолетов, забабанил по обшивке. Из кабин показались головы пилота и штурмана.

— По три штуки за один прием! — крикнул врач, бросил им по коробочке драже «кола» и направился к другому самолету.

Штурман и пилот залпом высыпали в рот все содержимое коробочки.

В других машинах сделали то же самое: растягивать процедуру не было времени.

С командного пункта дали сигнал на вылет — зеленую ракету. Машины одна за другой стали выруливать со стоянок. По взмаху флажка стартера устремлялись на взлет. Тяжело груженые самолеты долго мчались по аэродрому и медленно отрывались от земли.

День был теплый, солнечный, с хорошей видимостью. В воздухе не болтало. Под нами проплыл Ленинград. Слева открывалась широкая гладь Финского залива. Мы все дальше шли над Карельским перешейком, за линию фронта.

У береговой черты залива мое внимание привлекла яркая огненная точка. Сквозь пламя виднелся каркас высокого строения. Горел дом в Ку-

оккала. Было отчетливо видно, как полыхало высокое пламя и как временами обваливались горящие бревна.

Ровно через десять лет я узнал — именно в этот день горели «Пенаты» Репина, подожженные отступающими гитлеровцами. Это был один из актов варварской фашистской программы уничтожения культуры русской нации.

Территория противника просматривалась до самого горизонта. Ближе к цели стала бить вражеская высотная зенитка. Черные, со зловещей вспышкой разрывы ложились далеко в стороне от самолетов. Над нами и внизу баражировали сопровождавшие нас истребители Яки, которые базировались с нами на одном аэродроме.

Над целью благополучно отбомбились. Ушли от нее с принижением в сторону Финского залива. Ближе к берегу шли на высоте около тысячи метров. Истребители летели под нами почти над самой водой курсом на Петергоф.

Я ждал приближения этого некогда замечательного места под Ленинградом. За несколько секунд промелькнул берег, парк с поломанными деревьями и совершенно разрушенным дворцом. Едва успел проводить эти руины глазами: «Что сделали сволочи!»

После посадки на заруливание пилоты и штурманы искали взглядом «четверку» Юрия Ивановича. Ее не было. Неужели сбита? Но один экипаж заверял, что машина Горохова летела от цели на нашу территорию. Над Финским заливом почему-то отстала и повернула в сторону Ленинграда.

Вскоре узнали, что Юрий Иванович сел в Парголово — вынужденная посадка из-за технических неполадок.

И на другой день с утра — обычная боевая работа. Новая площадная цель. Теперь в районе пункта Мустамяки. Предупредили, что бомбить будем с большой высоты: район сильно укреплен зенитной артиллерией. Но нас, как всегда, будут сопровождать истребители. Боевая нагрузка нашего самолета постоянная: десять бомб по 100 килограммов — в люках, три бомбы по 250 килограммов — под фюзеляжем.

Над целью было солнечно и ясно. Подошли к ней на высоте пяти тысяч метров. Барашки зенитных разрывов далеко внизу. Истребители спокойно шли по сторонам с некоторым принижением.

При сбрасывании бомб над целью мы неожиданно обнаружили, что только три наружные «поросенка» ушли к земле, а десять «соток» в люках зависли, не сбрасываются.

— Сбрасывай аварийно! — скомандовал Андрей. Но все попытки освободиться от бомб оказались безрезультатными.

Мы так увлеклись заботой избавиться от опасного груза, что не заметили, как весь полк ушел в неизвестном направлении. Остались совершенно одни над территорией противника. Достаточно было одного паршивенького «фоккера», чтобы сбить нас.

Возвращались не через Финский залив, как обычно, а через Ладожское озеро. Андрей по радиации сообщил на командный пункт о случившемся. Для таких случаев нам было отведено одно лесное болото за Гатчиной. Там мы были обязаны сбросить зависшие бомбы на «не взрыв».

Направили самолет в сторону болота. Долго крутились над ним. Но и там мои старания освободиться от боевого груза были безуспешными.

Стали переговариваться всем экипажем. Я сказал в ларингофон стрелку-радисту Фатееву:

— Пролезь в люки, посмотри в чем дело. Попробуй отверткой, чтобы сработал замок нижней бомбы...

Фатеев знал, что надо делать. Забрался в отсек с бомбами. На очередном заходе на болото я открывал люки, положение рычага ставил на «не взрыв», командовал: «Бросай!»

Стрелок-радист отвечал:

— Не сбрасываются! Шток замка не срабатывает!

Время шло. Горючее в бензобаках кончалось. Нам оставалось или садиться, или, бросив машину, прыгать с парашютами.

С земли поступило приказание надежней закрыть люки, поставить все рычаги на предохранители, зафиксировать положение «не взрыв» и приготовиться к осторожной посадке на аэродром.

В военной авиации этот случай считается исключительно аварийным. Никто не даст гарантии, что посадка с зависшими бомбами завершится благополучно. Она запрещена всеми наставлениями. Легко представить состояние экипажа, отважившегося на такой шаг, состояние каждого сидящего в самолете. При посадке машина может подорваться на собственных же бомбах.

— Садимся, Андрей? — я оглянулся на пилота.

— Будем садиться, — сказал он с горькой усмешкой.

— Постарайся осторожнее...

— Садиться буду без тормозных щитков... Так велят с земли... Была — не была!..

— Отстегни парашют, чтобы быстрее выскочить. Радисты, сделайте то же самое. Разбежаться будет легче. Слышите?

— Слышим! Слышим! — отвечали радист со стрелком.

Заходили на посадку издалека, шли почти на бреющем, чтобы коснуться колесами самого начала посадочной полосы.

Андрей так «пригладил» полосу, что мы не ощутили ни одного резкого толчка. Самолет долго бежал по аэродрому, нехотя погашал скорость. И только в самом конце пробега пилот легонько притормозил.

Какое-то время мы сидели в своих кабинах неподвижно, постепенно приходя в себя и чего-то выжидая. Внезапная усталость приковала к сиденью.

Я медленно поднялся, выглянул в астролук, оглядел летное поле. На аэродроме стояла тишина. Вокруг самолетов не было ни души.

Медленно вылезли из кабин. Спустились на землю. Долго стояли у самолета, поглядывали на злополучные люки. В стороне затарахтел автомобильный мотор, от штаба отъехал «виллис» и на малой скорости направился в нашу сторону. За ним следом, так же медленно, ехала санитарная машина.

Из «виллиса» вышел штурман полка с инженером по вооружению.

— Ну, что там у вас? — спросил главный навигатор.

— Да вот, три большие бомбы сбросились над целью, а «сотки» в люках зависли...

— Открой осторожно люки, — попросил меня штурман. — Посмотрим!

Инженер заглянул внутрь, осмотрел каждый замок, держащий бомбу.

— Так у вас же все замки повешаны наоборот! — почти крикнул он. — В таком положении бомбы никогда не сбросятся!

Он огляделся по сторонам, разыскивая кого-то:

— Кто вооруженец этой машины? Кто готовил к вылету бомбовую загрузку? Сюда его мне!

Мы присутствовали при том, как снимали бомбы. Убедились, что в обратном положении замков они никогда не сбросятся. Но не исключалось, что ушко бомбы, за которое ее держит замок, могло обломиться при резких толчках на посадке. И тогда — взрыв...

Вооруженца с того дня мы больше не видели.

* * *

Однажды весь день провели возле машин, ожидая боевого вылета. Шел уже шестой час вечера. Все были в полной уверенности, что полеты не состоятся.

Но мы заметили, как от стоянок истребителей вырулила пара Яков и пошла на взлет. Нам сказали, что они пошли на разведку. Истребители скрылись в стороне Финского залива, над которым багровело вечернее небо.

Прошел томительный час ожидания. Внезапно над нашими самолетами пронесся ЯК. Оглядывая небо, мы искали второй истребитель. Почему прилетел один, где же другой?

Наконец на северо-западе, низко над землей, появилась точка, которая быстро приближалась к аэродрому. Самолет, теряя высоту, несся прямо на нашу стоянку. В один миг машина с ре-

вом низко прошла над нами и стала беспорядочно садиться поперек старта. Хвостовое оперение истребителя было разрушено: у руля поворота трепался кусок перкаля, в стабилизаторе зияла огромная дыра.

Вскоре штурман эскадрильи Киакука собрал летный состав и приказал провести маршрут у цели. В нескольких километрах перед Выборгом, на станции Сяйние, — большое скопление эшелонов с войсками противника. Мы должны парализовать эту станцию. Сопровождать будет усиленный эскорт истребителей.

С командного пункта взвилась зеленая ракета.

— По самолетам, — негромко, почти одновременно скомандовали Бугров и Киакука.

Мы с Андреем подбежали к своему самолету. Под ним уже висели здоровенные «поросята» — три бомбы по пятьсот килограммов. В люках находилось десять традиционных «соток». На этот раз груз внушительный. Я подергал троса «взрыв — не взрыв», потрогал контровку ветрянок на взрывателях. Проверил правильность положения замков, держащих бомбы. Убедившись в надежности боевого груза, разошлись по кабинам.

Неправда, что перед боевым вылетом не испытываешь чувство страха. Но летчики владеют собой. Сознание долга, ответственности задания заставляет находить в себе силы, заглушить страх.

Мы с Андреем под Ленинградом сделали уже восемь боевых вылетов. Но никогда нами не владело такое беспокойство, как сегодня. В свой первый вылет, над линией Маннергейма, мы неистово орали: «За Родину! Смерть гитлеров-

цам!» К нам с земли неслись светящиеся точки — трассирующие пули и термитные шары. Иногда целый сноп их проносился перед носом самолета — это было даже интересно, страха не вызывало.

Но сегодня настроение было другое.

Еще одна зеленая ракета взвилась над аэродромом. Загудели моторы первой эскадрильи, затем второй, потом третьей — нашей. По всей окружности взлетного поля молотили воздух винты. Почти во всех кабинах Яков уже сидели пилоты.

Над полем поднялась третья ракета. Самолеты начали выруливать на старт.

При взлете машина долго бежала по аэродрому, не желая отрываться от земли. В одном месте она подпрыгнула, но под тяжестью бомб грузно опустилась на колеса. И так неслась к границе летного поля. Андрей взял на себя штурвал, оторвал ее от земли.

Внизу промелькнул капонир со стоявшими возле него техниками. Потом проскочили какие-то рвы и штабеля бревен. Низко прошли над верхушками леса и на развороте стали набирать высоту. Остальные машины были уже выше и дальше. Андрей догнал их только перед Ленинградом.

Под нами в вечерних сумерках проплывала подернутая синеватой дымкой земля. Четкой дугой тянулась береговая черта Финского залива. За ним стояла облачная стена. Один за другим исчезали в ней самолеты. В густой пелене скрылось и наше звено. Темнота сомкнулась вокруг машин. Возникла опасность столкнуться.

— Андрей, держи вправо и с набором высоты, — сказал я в ларингофон.

Пилот кивнул головой.

Скоро над нами стали проноситься просветы. Мы неожиданно вынырнули из облаков и оказались над залитым солнцем облачным морем. Близкие облака проносились мимо машины. Дальняя облачная гряда как будто стояла на месте. Ни одного самолета впереди, ни одного по сторонам.

Я посмотрел на Андрея. Он оглядывался, искал. Вдруг далеко слева, из курчавых барашков, один за другим стали выныривать самолеты.

— Нагоняй, Андрей! Отставать нельзя: скоро цель...

Самолеты шли над облаками, ярко освещенными последними лучами солнца. К цели машины плотнее сжимали строй. Впереди, черными точками в небе, летели девятки других полков. Над ними попарно барражировали истребители. В воздухе было подозрительно спокойно: зенитки не били.

Внезапно облачное море оборвалось. Внизу черной пропастью темнела земля. Там уже сгустились вечерние сумерки.

Поблескивала прямая линия железной дороги на Выборг. Через минуту должна быть цель — станция Сяйние.

Солнце совсем скрылось за горизонт. В его лучах теперь светились только истребители, которые носились над нами. Цель приближалась. Машины легли на боевой курс. В дымке показались контуры станции, забитой эшелонами. Среди них сверкали вспышки рвущихся бомб. Это передние полки сбрасывали свой груз.

Наша девятка плотным строем неслась к цели. Открылись люки у командирской машины.

Открылись они и на остальных самолетах. Рука моя легла на кнопку сбрасывателя.

Секунда, другая, и вот от машины командира эскадрильи отделились наружные бомбы. В ту же секунду они посыпались из соседних машин. Я нажал кнопку, прильнул глазом к прицелу. В поле зрения прибора было видно, как от самолета к земле ушли тринадцать бомб.

Я закрыл люки. Самолеты стали выполнять сложный маневр с резким сбросом высоты и изменением курса. Нырять вниз, командирская машина с креном уходила влево, к Финскому заливу. Вся девятка повторяла эволюции самолета командира: он ринется вниз — машины устремятся за ним, он сделает крен — они повторяют. Как в бушующем море, самолеты метало из стороны в сторону.

Я оглянулся на цель: там все смешалось в облаках пыли и дыма.

Машины легли на обратный курс и теперь летели в сизой вечерней дымке. Наш самолет шел на некотором удалении от своего звена.

— Андрей, опять ты отстал! Подтянись! — сказал я и оглянулся на пилота: сжав обеими руками штурвал, он смотрел в одну точку.

В шлемофоне слышались голоса радиста и стрелка:

— Смотри! Сзади «мессер»!..

— Вижу! Пристраивается в хвост!

— Держи на прицеле!..

Раздалось несколько очередей из пулеметов. Потом до меня долетело непонятное бормотание ребят. И вдруг чем-то сильно ударило по самолету. Огненная молния пронеслась через кабину. Вдребезги разлетелись стекла на приборах.

«Атакует истребитель!» — понял я. Крикнул в шлемофон:

— Радист! Стреляйте! Бейте в упор!..

Но в шлемофоне не было слышно ничего. Радист и стрелок не отвечали. Я еще раз оглянулся на пилота: он все в той же позе крепко держал штурвал.

— Андрей! Пикни немного, чтобы уйти от него!..

Он молчал.

— Отожми к земле!..

И снова ударило по самолету. Сноп огненных шаров пронесся через кабину. Затем последовал мощный удар, от которого машина резко клюнула носом вниз и понеслась к земле. Меня оторвало от сиденья и прижало спиной к астролюку. «Прыгать!» — мелькнула мысль, и я потянулся к нижнему люку. Но руки и ноги беспомощно болтались в воздухе. Не было сил дотянуться до ручки люка. Спина словно приросла к верхней обшивке машины.

Самолет все более входил в отвесное пикирование. Земля приближалась с возрастающей скоростью. Какая-то сила повернула меня. Вниз головой я увидел кабину пилота, всю пылающую в огне. Андрей потонул в ослепительном пламени.

И в тот же миг меня вырвало из кабины. Стало ясно: «Падаю!»

Я нащупал левой рукой кольцо, положил на него правую. Резко дернул в сторону. Послышался глухой хлопок. Я посмотрел вверх — над головой плескался купол парашюта. Над ним прошел «Мессершмитт-109». Вражеский истребитель с обрубленными консолями, с желтыми крестами на плоскостях и свастикой на хвосте.

Пилот истребителя не видел под собой парашюта. Довольный тем, что сбил советский бомбардировщик, он отыскивал себе новую жертву. Чтобы фашистский летчик не заметил парашют и не ударил по нему плоскостью, я намотал на руку пучок строп, стал тянуть купол на себя. Как говорят, скользить, чтобы ускорить спуск к земле. Купол почти совсем складывался вдвое. Но я отпустил стропы, и парашют с громким хлопком снова наполнялся воздухом. Еще несколько резких скольжений — земля приблизилась.

Оглядываясь по сторонам, я больше не видел истребителя. Внимание привлекли звуки с земли: пулеметные очереди, взрывы, характерный стук автоматической зенитки, человеческие голоса. С высоты я разглядел маленькие фигурки солдат, облепивших зенитные орудия и пулеметы. Казалось, они стреляли в мою сторону.

Парашют несло на лес. Еще несколько секунд, и ветви хлестнули по лицу и спине. Резкий толчок — ноги коснулись земли. Я сидел в какой-то воронке. Не теряя ни секунды, отстегнул подвесную систему. За стропы сдернул застрявший на ветвях парашют. И направился по лесу на восток, интуитивно определив направление.

Сзади слышались неясные голоса. Я оглянулся: между деревьями за мной бежала толпа солдат. Ускорил бег. На ходу расстегнул кобуру, приготовил пистолет. «Последнюю пулю оставляю для себя. Живым не сдамся!»

Голоса приближались. Я выскочил на полянку и увидел, что из леса мне наперерез выбежала другая толпа солдат. Рванулся снова в лес. Но до моего слуха донеслись русские слова: «Стой! Куда ты! Свой!»

Продолжая бежать, я оглянулся. В глаза бросилась необычная для лета одежда солдат: шапки-ушанки. Солдаты приближались с двух сторон. И вот уже видны были лица бегущих. Они размахивали руками, кричали и улыбались.

Я остановился. «Кто может быть летом в ушанках — только русские!» Теперь ясно видел их улыбающиеся лица и явно русское обмундирование. Однако напряженно следил за их приближением и сжимал в руке пистолет.

Солдаты приблизились на расстояние тридцати шагов. Не было никакого сомнения, что это наши. С любопытными и веселыми лицами они налетали со всех сторон. Почему-то стали бинтовать мне руку. Только теперь я заметил, что правая кисть в крови. Но не ощущал никакой боли.

— Братцы! Кто-нибудь еще прыгал с самолета? Вы видели?

— Нет, — сказал бинтовавший мне руку солдат. — Только ты один, больше никто не прыгал...

— Где упала машина?..

— Вон там, там... — ответило несколько голосов.

Я посмотрел, куда они показывали. За лесом поднимался столб черного дыма...

Через толпу ко мне пробирался высокий человек с танкистским шлемом на голове. На нем были погоны полковника. Я приложил забинтованную руку к шлему.

— Молчи, — остановил меня полковник. — Мы видели, как вас сбили...

— Подойти бы к машине, к ребятам. Может, живы...

— Где уж там!.. — махнул он рукой.

— А если убиты — похоронить бы надо!..

— Все сделаем. Живым поможем. Мертвых похороним... А пока туда нельзя. Лес заминирован, и «кукушки» засели. Мы сами только что прорвались на танках вперед пехоты, ждем боеприпасов...

Меня повели в лес. Среди сосен стояли танки. Возле них грузовая машина с ранеными.

Полковник пожал мне руку, приказал сесть в грузовик:

— Тебе оставаться с нами нельзя: мы сейчас двинем на прорыв. Забирай свой парашют и укатывай в тыл...

И он ушел, оставив меня, окруженного солдатами. От них я узнал фамилию полковника — Горбань.

Я забрался в кузов к раненым. На лице каждого было написано невыносимое страдание. Было неловко перед ними за свою забинтованную руку, не испытывающую никакой боли.

В кузов бросили скомканный парашют. Я уселся на борт и с горечью смотрел на злоеущий столб черного дыма за лесом.

Группа солдат вокруг машины с любопытством смотрела на меня — человек в летном шлеме, очевидно, редкий гость в их танкистской среде.

— Ну, что вы смотрите?..

Передние солдаты улыбнулись, и один из них сказал:

— Видели мы, как вас «мессер» сбивал. Мы стреляли по нему...

— Так это вы по нему жарили из пулеметов? А я думал, что по мне!..

Все рассмеялись. Солдат продолжал:

— Туговато вам, летчикам. Загорелась машина — тебе же прыгать надо! А куда? В воздух. Опять опасность. А вдруг парашют не раскроется? Да еще стреляют по тебе же с земли!

Другой добавил:

— То ли дело у нас! Загорелся танк, выскочил из него и спрятался куда-нибудь в кочки или за дерево — и жив, глядишь!..

Какой-то солдат пробирался сквозь толпу и громко спрашивал:

— Хлопцы, это наш или фашист?..

Меня всего передернуло.

— Кто? Я?.. Иди-ка ты...

— О! Это наш! — заключил солдат под общий смех.

Заработал мотор, в кабину сел санитар.

Я попросил танкистов:

— Найдите самолет, похороните моих ребят!..

— Не беспокойся, сделаем.

Машина тронулась. Солдаты замахали ушанками.

Потянулась изуродованная недавним боем местность. Машина буксовала, то и дело проваливаясь колесами в ямы. При каждом толчке раненые морщились от боли.

Дорога пошла через редкий выжженный лес. Деревья были надломлены, выворочены, земля изрыта воронками. Валялись трупы вражеских солдат, исковерканные орудия. Огневые точки были вывернуты из земли наизнанку. Обнажились метровые бетонные стенки с толстыми железными прутьями. Местами валил дым из подземелий. И через все это пепелище тянулись машины с боеприпасами. Тягачи тащили орудия. Небольшими группами шли наши солдаты с автоматами, противотанковыми ружьями...

Вскоре среди леса показались палатки медсанбата. Я первым прыгнул с машины и отошел в сторону. Санитары клали раненых на носилки и уносили в палатки.

Я занялся складыванием парашюта. Только теперь заметил, что пять его строп прожжены. Прожжен был и парашютный ранец: крупнокалиберная пуля пробила парашют еще в кабине самолета.

За моей работой наблюдали девушки-санитарки. Они подошли поближе, постояли, потрогали шелк.

— Подари нам его. Он же теперь тебе не нужен.

— Простите, девушки. Он спас мне жизнь, и я должен доставить его в часть — такой порядок...

Одна из санитарок заметила мою забинтованную руку:

— Вы ранены?..

— Да так, царапина. Мне и не больно...

— А ну-ка пойдёмте к врачу, — и она повела меня в палатку.

В большой палатке, при свете маленьких, но ярких электрических лампочек, стояли длинные столы. На них лежали раненые с промокшими от крови бинтами. Над каждым склонялись врачи с засученными рукавами. Руки их по локоть были в крови.

Санитарка попросила подождать. Сама направилась в глубь палатки. Временами там раздавались стоны. Я снова постыдился своей ничтожной раны.

Сделал было шаг, чтобы улизнуть, но кто-то взял меня за руку. Это была санитарка. Рядом стоял пожилой врач.

— Ну, показывайте, что у вас, — сказал он, усаживаясь за стол.

Я протянул руку. Врач снял повязку, посмотрел и подавил пальцем вокруг раны. Только теперь я почувствовал боль. Рану промыли риванолом, обильно засыпали стрептоцидом, снова забинтовали.

После нескольких вопросов врач что-то написал и, подавая мне бумажку, сказал:

— Это вам... Скоро пойдут наши машины с ранеными в Териоки. Поезжайте с ними, а там доберетесь до Ленинграда...

Я вышел из палатки и прочел на бумажке: «Осколочное ранение правой кисти».

Белая ночь была на исходе, когда тронулась колонна автомашин с ранеными. Я сидел с шофером и смотрел в окно, где проплывали живописные озера с каменистыми берегами. В воздухе стоял аромат цветущих рябин и черемух.

Машины въезжали в густой сосновый бор и вдруг опять выскакивали на берег озера.

Я смотрел на эти картины и думал: как хороша земля, как хорошо на ней жить! Не увидят больше эту землю мои, только что погибшие, товарищи. И повинен в этом проклятый гитлеризм, ненавистная война...

Дорога повернула в густой лес. Через некоторое время среди деревьев заблестел Финский залив. Машины выскочили на взморье. Дорога теперь пошла вдоль берега, местами приближалась к самой воде. По заливу, дымя трубами, двигались в сторону Финляндии военные корабли.

Скоро въехали в город Териоки. Колонна автомашин долго шла по длинной улице с финскими особняками. Остановилась у здания, где,

очевидно, был лазарет. Прямо на земле стояли носилки с ранеными. Вокруг ходили солдаты с автоматами. Неподдалеку сидела на земле группа пленных финнов.

Я простился с шофером. Взвалив на плечо парашют, направился к станции. Проходя мимо пленных, обратил внимание на симпатичного с виду финна средних лет. Он печально смотрел в землю. Поднял глаза и, встретившись с моим взглядом, быстро опустил их. Я подумал: «Попался, бедняга, боится, жить хочет и, наверное, думает, что его будут четвертовать. А у самого, должно быть, дети, жена, старые родители в Финляндии. Зачем воюет?»

На станции стоял товарный порожняк с открытыми платформами. На одной я заметил группу военных и направился к ним. Каково же было мое удивление, когда я увидел на плечах у них авиационные погоны! Заметив меня с парашютом, они все повернулись в мою сторону.

Один из них крикнул:

— Здорово, браток! Ты, видно, тоже сиганул оттуда, — и он показал пальцем в небо.

Они приняли на платформу мой парашют, помогли мне забраться. Оказалось, что каждый из них тоже с парашютом. Четверо с забинтованными руками, один обожженный, у одного перевязана голова и забрызгана кровью гимнастерка — таков вид товарищей по несчастью.

С повязкой на голове отрекомендовался истребителем с «аэрокобры», двое с Яков, двое с бомбардировщика ПЕ-2 и один — штурмовик с ИЛ-2. После перенесенных опасностей летчики были возбуждены, каждому хотелось рассказать о своем спасении.

Парень с «аэрокобры» разбил себе голову при посадке машины на лес. Поляна, на которую он направил самолет, оказалась усыпанной каменными валунами. Ударившись о них, машина разлетелась на части. Но кабина пилота, благодаря скрепляющим ее бронеплитам, осталась цела. Описав замысловатые траектории, она застряла между камнями. К немалому удивлению, пилот вышел из нее, как из автомобиля, открыв дверцу. Слушатели хохотали.

— Ну а мне тогда было не до смеха, — сказал рассказчик.

Летчик-штурмовик сажал свою подбитую машину также на лес.

Врезавшись в зеленую гущу, самолет несся между стволов. Сначала сорвало крылья, потом отлетело хвостовое оперение, половина фюзеляжа осталась позади. Кабина с мотором пронеслась среди деревьев еще десятки метров и застряла между толстыми соснами. Когда пилот опомнился и вылез, весь лес позади был усыпан обломками его самолета.

Товарный порожняк медленно тронулся, через минуту-другую набрал скорость и мчался, как курьерский поезд. Карельские сосновые боры скоро сменились открытыми безлесными местами.

За рекой Сестрой зеленела трава, казалось, война не тронула там землю.

Вот уже начались пригороды Ленинграда. Поезд остановился на станции Ленинград-Лесной. Дальше он не шел. Мы пожали друг другу руки, пожелали успеха в предстоящих боях и разошлись в разные стороны. Каждый взвалил на плечо свой парашют.

Мне предстояло пробираться за Гатчину. От прохожих я узнал, что сначала следует попасть на Международный проспект.

В трамвае я держал парашют на плече, чтобы скрыть отсутствие погона: его сорвало еще в воздухе. Какой-то старичок, обратив на меня внимание, встал со своего места:

— Садись, сынок...

Я смутился.

— Что вы! Нет, нет, сидите!

— Садись: я скоро выхожу...

Я недоверчиво посмотрел на него. Когда старичок на самом деле вышел из трамвая, я сел на его место. Сильно стеснялся всех окружающих. Пассажиры смотрели на меня с участием, но никто ни о чем не спрашивал.

Возле Технологического института посоветовали сделать пересадку на другой трамвай. Он повез меня к Международному проспекту, теперь он называется Московским. Я ехал в тамбуре. Рядом стояла женщина. Она поглядывала на мое лицо, на сбитый на затылок шлемофон, капельки крови на гимнастерке, на перевязанную руку, парашют.

Я извинился и спросил:

— Как мне попасть на Гатчинское шоссе?

— Это недалеко. Мне туда же...

— Домой едете?

— Нет, свой дом я уже проехала. Все ленинградцы теперь трудятся еще два часа на восстановлении города. Я еду на такой участок после работы...

— Ну и достается же вам!..

— Вам больше... Мой брат тоже был летчиком. Погиб...

Мы помолчали.

— Вы, наверно, устали и хотите есть? — неожиданно спросила она.

— Что-то не пойму: ни есть, ни спать не хочется...

Кондуктор объявил конечную остановку. Мы вышли.

— У меня еще есть время. Я провожу вас, — сказала попутчица.

И потом добавила:

— У вас усталый вид, вы голодны. У меня с собой только хлеб...

Она потянулась к своей сумке. Я едва успел остановить ее руку.

— Прошу вас, не надо! Я скоро приеду в полк...

Подошли к разрушенному дому. Женщина показала участок, где работает по восстановлению города. Раскрыла сумку, вынула из нее полукилограммовый кусок черного хлеба. Разломала пополам и половину протянула мне. Краска залила мое лицо.

— Не надо. Прошу вас, — тихо твердил я, отстраняя рукой хлеб.

— Возьмите, не стесняйтесь!..

— Нет, нет! Вам самой нужен этот хлеб!

Она с искренним огорчением на лице положила хлеб обратно в сумку.

Я ничем не мог отблагодарить эту женщину. Хотелось поскорее проститься с нею. Я неуклюже поцеловал ее руку, пробормотал что-то на прощанье и, не оглядываясь, поспешно отошел.

И потом, когда ехал в кабине попутного грузовика, до самой Гатчины вспоминал о встречах в трамвае. Какие необыкновенные люди — ленинградцы! Выдержали жестокую блокаду. Испытали столько лишений, утрат, голодовку...

Какую же надо иметь после этого прекрасную душу, чтобы делиться своим последним куском! А тот старик, который уступил место в трамвае? Я всю жизнь буду помнить этих замечательных людей!..

* * *

Село Никольское, где стоял полк, встретило меня необычной тишиной. Единственная улица — шоссе — была безлюдна. Самолеты на поле-вом аэродроме стояли зачехленными.

Показалась одинокая фигура военного. Я узнал врача полка Яшу Попелянского. При виде меня он остолбенел, но быстро пришел в себя, согласился с «явлением».

— Послушайте, вас же считают погибшим! В нашем полку сбито два самолета...

— Кто еще?

— Комэск второй эскадрильи вернулся без экипажа, тоже с парашютом... Я очень рад, что вы спаслись, — доктор, не глядя, схватил мою забинтованную руку, стал трясти.

— Больно!..

— Что? — он подтянул мою руку к своим очкам. — Простите. Завтра же зайдете ко мне на медпункт. А теперь идите, отдыхайте: у вас измученный вид. Воображаю: сколько вытаращенных глаз вы сейчас увидите. До свидания...

В старинном парке было тихо. Никто не ходил по аллеям. И возле полкового дома никого не было. Дневальный вскочил при моем появлении в дверях. Сначала удивление в глазах, потом улыбка во все лицо.

— Привет с того света!..

— Привет! — улыбался он. — По правде говоря, ты не существуешь. Еще вчера объявили, что ваш экипаж погиб. И всех вас посмертно представили к награде.

— Может быть, мне вернуться обратно?..

— Не советую! — сказал он со смехом.

До моих ушей долетели голоса. Из дверей одной комнаты был слышен рассказ:

— Як началы мы бомбить, як побросалы бомбы — хорить все!..

Я узнал голос, улыбнулся: говорил полковой весельчак сержант Флинта. Из комнаты продолжало разноситься:

— Як началы рваться бомбы — шо та було!..

Когда я появился в дверях, рассказ оборвался. Все, кто там был, замолчали. Но тотчас раздалась голоса:

— Вот здорово!..

— Жив, Мишка!..

Меня окружили, обнимали, хлопали по спине. На шум пришел комэск Бугров со своим штурманом Киакукой. Бугров крепко обнял меня, поцеловал. Еще крепче обнял Киакука, хлопал по плечу, приговаривая:

— Ну вот, все хорошо... Полетаем еще...

И Горохов стоял здесь же, тербил меня за локоть. Я сказал ему шутливо:

— Выходит, Юрий Иванович, что сбивают и тех, кто не бреется перед вылетом?..

— Брось ты верить этой ерунде!

Через неделю я был назначен в его экипаж. Вместе с ним снова летел на боевое задание. Бомбили вражеские укрепления в районе пункта Пэрьятсе на побережье Эстонии, за Нарвой. Шли эшелонированно, тремя полками. Все небо было в самолетах — восемьдесят одна машина.

Гитлеровцы поставили на нашем пути зенитную завесу. С последних самолетов было видно, как машины передних девяток входили в огненную стену.

Но вот первая девятка, миновав опасную преграду, вышла из нее невредимой. Другая шла тем же курсом, следом. Медленно входила в зенитную завесу. И так девятка за девяткой.

Это происходило на глазах у пилотов и штурманов последних машин. Не без волнения ждали они своей очереди. И очередь наступала.

Это было сильное испытание нервов. Кругом рвались зенитные снаряды. Огненные вспышки со зловещим черным дымом внезапно возникали то впереди самолетов, то над ними, слева или справа. Сквозь рев моторов были слышны приглушенные звуки разрывов.

Но каким-то чудом все кончилось благополучно. Как только бомбы отделялись от самолета, машины резко бросались вниз и в стороны, выполняя сложный противозенитный маневр.

Перелетев линию фронта, экипажи чувствовали себя дома. Юрий Иванович кричал мне в шлемофон:

— Штурман! Закурим, что ли?..

Я вынимал из сумки заранее припасенную пачку «Беломора», прикуривал сразу две папиросы и одну протягивал Горохову. Смачно затягиваясь и весело напевая, мы с блаженными физиономиями летели к своему аэродрому.

Если бы командиры знали, что мы курим в боевом самолете, нам бы не поздоровилось. Но что поделаешь с молодыми парнями, только что выскочившими из огненного ада, — они выполнили боевое задание!..

После посадки оказывалось, что резиновые покрышки колес у некоторых самолетов разорваны в клочья. Дюралевую обшивку машин изрешетили мелкие осколки зенитных снарядов.

Юрий Иванович обнаружил их на стенках своей кабины. Вынул, завернул в тряпочку и спрятал в карман гимнастерки.

— Это надо сохранить на память. Талисман!

Однажды вечером летный состав, только что вернувшийся из очередной бомбардировки, сидел в столовой. Уставшие летчики были неразговорчивыми.

В комнату вошел взволнованный комэск Бугров.

— Друзья, должен вас обрадовать. Только что получено сообщение: Финляндия вышла из войны! В этой победе есть и наша с вами доля! Ура!

— Ура! Ура! Ура! — прокатилось по комнате.

За столами стало шумно, весело. К ужину подали «законные» сто граммов. Юрий Иванович неожиданно исчез и вернулся с оттопыренными карманами галифе. Там были «незаконные емкости».

В этот вечер летчики впервые за все время несколько превысили норму спецпайка — немного больше, чем полагалось за два боевых вылета. Раздавался один и тот же тост: «За победу!»

Радио объявило двенадцать часов ночи. Командир эскадрильи встал из-за стола:

— Друзья мои, у нас сегодня радостный вечер. Одержана победа, за которую мы заплатили жизнью своих товарищей. Близится время, когда сломаем хребет фашистскому зверю... И еще скажу вам по секрету: через месяц мы начнем

переучиваться: будем летать на скоростных бомбардировщиках «Туполев-2с»...

По залу раскатились рукоплескания. Бугров посмотрел на часы:

— Однако нам пора отдыхать. Подъем в три. Цель получим на аэродроме. Финляндия капитулировала, но война не закончена. Спокойной ночи, товарищи!..

* * *

За окном автобуса, промчавшего меня через памятные места, уже 1979 год. Давно залечены раны, нанесенные войной ленинградской земле и Карельскому перешейку, над которыми когда-то парили наши боевые самолеты...

Судьба раскидала нас, уцелевших однопольчан, по всей стране. Мы изредка встречаемся, вспоминаем фронтовые годы. Бугров и Северов живут в Москве. Киакука поселился в Подольске. Володя Якунин — в Риге. Паша Ращупкин — в Ташкенте. Вася Кириченко — в Днепропетровске. Коля Воронин, последний штурман Горохова, пишет мне из Краснодара.

Талисман, к сожалению, не спас нашего несравненного Юрия Ивановича. Он погиб под Берлином. Упал вместе с горящим ТУ-2. Штурман его, Воронин, изрядно обгорев еще в воздухе, спасся так же, как я, на парашюте.

Конечно же, хорошо остаться живым победителем. Но этим мы обязаны и тем молодым парням, которые отдали свои жизни в тяжелые дни войны. До сих пор помню и жалею Андрея Саржевского, Юрия Горохова и других ребят...

Время жестоких битв уходит все дальше. И пусть уйдет навсегда и никогда не повторится...

ЗАПОЛЬЕ

Э тот хутор, лежавший в узкой туманной лощине, мы заняли на рассвете.

От земли тянуло смрадным запахом гари. Но при первом же взгляде на него в моей груди непонятно почему шевельнулось чувство радости и удивления.

Путаясь негнуцимся от усталости ногами в жестком и буром от пыли репейнике, бойцы спустились в селение по целине, напрямик, минуя израненную бомбами трактовую дорогу, вдоль которой сиротливо, в беспорядке валялись телеграфные столбы с перепутанными проводами.

У низенького, почерневшего от дыма и времени плетня стояла с деревянным, в резных узо-

рах, ковшом в руке пожилая женщина в белой холщовой юбке. Из мутно-карих, пронзительно-печальных глаз ее струились слезы.

— Риднэньки мои, соколыки, заходьтэ в хату... Водычки попейте...

И дрожащими, загрубевшими от извечного труда руками женщина тянулась дотронуться до угрюмых, обросших щетиной солдат, как бы не веря еще, что наконец-то пришли свои...

К нам подбегали тонкие, точно обмолоченные колоски, босоногие ребятишки. Тихо подходили в прохудившейся, в цветастых заплатках одежонке старики и женщины. По-крестьянски кланялись и настойчиво совали в руки кто что мог — яйца, луковицы, печеную бульбу, вяленую рыбу, тонюсенькие ломтики сала. На отрешенных, еще не оживших от перенесенного горя и страха лицах просвечивала робкая радость.

— Заходьтэ, солдатыкы, погриться, посушеться!

— Зайдемо, добрые люди, зайдемо, — отвечал стоявший рядом со мной солдат с вислыми, как у Тараса Шевченко, усами. Морщась, он правой рукой бережно поддерживал левую, забинтованную серой, в красных пятнах, тряпкой.

— А как, бабуся, село-то называется? — спросил я у женщины с печальными глазами.

— Заполье, сынок, Заполье...

Я ахнул! Женщина с удивлением взглянула на меня. А я, махнув рукой, побежал от хаты, не в силах одолеть волнение. Изумленно озирался я по сторонам...

...Все, как там в моем родном, далеко от Заполье: и речка, и эта ивушка над водой... Я осторожно провел ладонью по гибкому стволу дерева.

Это Заполье не было моей родиной. Моя родина — другое Заполье, далеко на Урале. Но эта встреча на тяжелой дороге войны, эта схожесть всего, что я видел здесь, с моим Запольем потрясли меня до слез.

У опушки унылого редкого леса, тесно окруженная пожухлыми от сухоты молоденькими кустарниками, — ну точь-в-точь как и в родном Заполье! — стояла ферма. Только у этой — ни дверей, ни рам...

Я сел на шаткий дощатый мостик через речушку, сбросил стоптанные ботинки, боязливо окунул ноги в студеную воду. Прикрыл глаза. И почудилось, что сижу в своем укромном местечке, где когда-то ловил пескариков — юрких и пугливых рыбешек.

Слышно, как вечно беспокойная бабка кличет меня, а я — попробуй, сыщи-ка! — с удилицем в ивняке посмеиваюсь да зорко слежу за поплавком, танцующим на ленивой волне. Рядом стоит берестяной туесок, а в нем ошалело плещутся плененные пескаришки.

...Где-то гулко, с надсадным треском, ахнула бомба. Над головой послышался быстро нарастающий гул: над селом прошли на запад наши бомбардировщики.

Солдаты разбрелись по селу. Кто латал полинявшие гимнастерки, чинил обувь, кто чистил оружие, кто писал письмо — каждый делал то, что по неписаному уставу и положено делать солдату в редкие часы передышки...

Я направился к знакомой хате.

Женщина неподвижно стояла у оградки.

— Заходь, хлопче, заходь, ридный...

В тихом голосе женщины было столько материнской нежности, что защипало в глазах...

Я вошел в хату. Положив на лавку автомат, сел на деревянную скособоченную скамейку.

— Нимци нэ все покралы, сальця трошки збэрэглось... Борщу насыпать тоби? — спросила женщина и, не дожидаясь ответа, пошла к печке, застучала ухватом. Оглянувшись, спросила:

— А как кличут-то?

— Саней. Шурой мамка звала.

— Кушай, хлопчик, кушай, ридный...

— Борщ, да еще горячий! — обрадовался я и достал из-за голенища алюминиевую ложку, подарок погибшего друга.

Борщ был необыкновенно вкусен. Я ел и думал, что теперь в наступлении не скоро еще перепадет такая добрая пицца...

— Такого борща, мамаша, я сроду не едал, — искренне признался я и облизал ложку.

— От и добрэ, що борщ зыв, — обрадовалась хозяйка. — На нашей Украины, сынок, травка и кориньци таки, що у всему свити нэ найдэшь. Як тут борщу поганому буты?

На впалых щеках женщины заиграл сухой румянец. Я достал из кармашка гимнастерки завернутый в газетку школьный мелок и стал надраивать металлическую пряжку ремня. Взглянув на пряжку, женщина качнула головой:

— Гарна яка!..

Сказала и замолчала. Глянула неподвижными, будто незрячими глазами в угол, на икону.

— А у мэнэ от сгинул... старшой...

— Война, мамаша, ничего не поделаешь, — сказал я. И осекся. Стало невыносимо стыдно, что не нашел добрых, от души, слов утешения, брякнул такое, от чего самому захотелось убежать куда-нибудь без оглядки, чтобы не видеть этих пронзительно-печальных глаз! Но она буд-

то не слышала моих слов. Безвольно сложив на острых коленях морщинистые руки, она пристально глядела в окно, словно стараясь разглядеть за оградой чье-то родное лицо... В строгих глазах ее не было слез. Видно, выплакала их до дна. Но вот она как бы ожила, встрепенулась.

— А у мэнэ щэ один сыночек, молодой. Вин тэж солдат, воюе сыночек...

— Живой, значит! — воскликнул я обрадованно.

— Живый, живой! — сказала она и вдруг пытливо впилась в меня глазами:

— А можэ зустричав дэ? Можэ прыходылось? Зэмля ж вона нэвэлыка...

— А может, и встречал. Все может быть на войне, мамаша.

Она отвела глаза. Зябко поеживаясь, грустно покачала головой:

— Ни, нэ зустричав... Дэ там! Шляхив-дориг тьма-тьмущая, як тут нэзнаймого зустрить?..

— А как звать-то? — спросил я, спросил просто так, для порядка.

— Грыша, Солоха наше призывце...

Женщина молча подошла к фотографиям на стене и указала на одну из них.

— Вот он, Грыша...

Я задумался. Женщина, не сводившая с меня глаз, побледнела:

— Загынув?

— Что вы, мамаша, живой он, живой!

Я вскочил:

— Знаю, знаю, как же, встречались. Живой он, говорю — живой, значит — живой! А как на вас-то похож — ну чистая копия!

Краем глаза осторожно взглянул на хозяйку, и сердце мое зашло от боли.

Женщина сидела на скамье неподвижно, взгляд ее был устремлен на стену, на портрет чернобрового хлопца с пышным волнистым чубом.

— Старшого убылы, а Грыша ось жив...

В ее голосе звучала нежность и такая тоска, что в груди у меня будто что-то оборвалось.

Глядя в оконце, я тихо сказал:

— Спасибо, мамаша, за борщ!

Развязал вещмешок, достал банку свиной тушенки и горсть желтых галет.

— Это вам, угощайтесь. А теперь — прощайте, мамаша.

— Пидожды, хлопчэ, — женщина тенью скользнула к сундуку, и я увидел в ее руках сверток.

— Носи на здорове, Грыша далеко, так ты носи...

И она торопливо сунула в мой вещмешок самодельные, из шерсти, носки. Украдкой взглянув на фотографию Григория Солохи, я вскинул на плечо автомат, подтянул ремень.

Женщина, сутулясь, не спеша подошла ко мне и поцеловала в лоб, вскинула сухую руку, трижды перекрестила:

— Прощевай, сынок. Утишыв ты мэнэ. А за Грышу — спасыби. — И она все понимающими, пронзительно-печальными глазами взглянула на меня.

В хате установилась плотная тишина. И вдруг, неожиданно для себя, я обнял ее худые плечи и поцеловал в холодный лоб.

— Прощай, маманя. Лихом не поминай...

И шагнул за порог. Осторожно, страшась спугнуть тишину, притворил за собой шаткую дверцу. Постоял, вытирая щеки рукавом шинели.

Вечерело. Туман заполнял печальную лощину. Хаты, окутанные непроглядной пеленой, казались таинственными.

Над Запольем поднялась заря. Если бы не одиночные выстрелы орудий, разносившиеся на много верст окрест, можно было подумать, что никакой войны нет. Но она была рядом — каленая, открытая, словно рваная рана. Я почувствовал это сразу, как только открыл глаза. Рядом со мной, тесно прижавшись друг к другу, спали на соломе бойцы. Товарищи были рядом, и от этого потеплело на сердце. В памяти возникла фотография: волнистый чуб, черная папаха. И все понимающие, материнские, пронзительно-печальные глаза...

В степи, за редкими холмами, отрывисто рывкнула артбатарея.

Так же, как в юности, когда с котомкой за плечами я покидал родное Заполье, я то и дело оглядывался назад. С угора хорошо просматривался весь хутор. Заполье лежало точно на исполинской, в буграх-мозолях, ладони. Над глинобитными оградками вились струйки дыма.

И. ЮХНОВ

ДРУЗЬЯ- ОДНОПОЛЧАНЕ

В сентябре 1941 года я, как и многие мои товарищи-журналисты пермской газеты «Звезда», надел военную форму. Прошел краткосрочные курсы штабных работников. Думал, что стану военным корреспондентом. Но на войне не выбирают. Меня направили в авиационный полк. Полк был сформирован из летчиков и техников уральских аэроклубов и военных училищ. Мы летали на самолетах У-2, к которым приделали бомбодержатели. Называли их громко: «ночные бомбардировщики». Часто приходилось летать ночью, в сложных условиях, но были и дневные полеты, тоже опасные для тихоходных машин.

Меня назначили на должность заместителя начальника штаба полка. Конечно, я осваивал

и летное дело. Времени было в обрез, ни вздохнуть, ни поспать. Однако я выкраивал минуты (сказывалась журналистская жилка) и писал во фронтовые газеты о своих друзьях-однополчанах, о нашем боевом опыте. У меня сохранились некоторые фронтовые газеты. В них — мои очерки, зарисовки, корреспонденции.

И сегодня, перелистывая пожелтевшие страницы этих газет и своих фронтовых тетрадей, я снова вспомнил своих друзей-летчиков. Им посвящаю я строки воспоминаний.

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Потрепанный томик Горького я пронес через всю войну. Беру книгу и вспоминаю суровую зиму сорок первого. Наш полк в товарных вагонах едет на фронт. Мы сгрудились у железной печурки.

С нами сидит человек с волевым лицом и спокойными глазами. Это Григорий Петялин, появившийся в полку перед самым отходом эшелона. Он назначен штурманом эскадрильи. Мы все молодежь без чинов и званий. У него в петлицах три кубика.

Григорий сначала помалкивал, но со временем разговорился. Мы узнали, что он коренной уралец, кадровый летчик, уже воевал. Его сбивали. Пришлось прыгать с парашютом из горящего самолета. Лицо и грудь опалило.

Это был человек, каленный войной. Его забросали вопросами.

— Говорят, житья нет от фашистских стervятников? Что мы будем делать на наших У-2? Как воевать без брони?

Петялин поморщился:

— Не так страшен черт, как его малюют. Спуску фашистам не даем. Машинки, конечно, не ахти, зато ребята наши геройские.

Петялин достал из сумки томик Горького и неожиданно стал читать песню о Соколе. Его несколько глуховатый голос был торжествен.

— «Я храбро бился! Я видел небо! О, счастье битвы!..»

Десять суток тряслись мы в теплушках до прифронтовой полосы. Подружились. И вот мы на фронте.

...День рождался погожий. Солнце позолотило стены избушки. Петялин брился, и на губах его играла улыбка. Был он в хорошем расположении духа. Эскадрилья летает без потерь. Летчики усвоили тактику боя, научились маскироваться, ходить на бредущем.

Открылась дверь, пахнуло морозом. Пригибаясь, вошел комэск Курочкин, бросил шлем на стол, буркнул «здравствуй» и тяжело опустился на лавку.

— Здравствуй. Что с тобой? Какая муха укусила? — шутливо спросил Петялин.

— Приказано лететь в окруженную дивизию.

— Правильно приказано. Орешек крепкий и раскусить его не каждому по силам, — заканчивая бритье, сказал Петялин.

— Понимаешь, друг ситный, лететь надо днем за линию фронта, — пояснил Курочкин. — А день сегодня, как на грех, безветренный, небо чистое как стекло.

— Понимаю, — отозвался штурман. — Что же делать? Приказ — закон.

Григорий Иванович привинтил к гимнастерке орден Красного Знамени и медали. Спокойствие этого человека невольно передалось Курочкину.

Размеренным шагом шли они на аэродром по торной дороге. Ничто не напоминало о войне. Небо было синевато-розовым. Снег слепил глаза. Дремали деревья в белом наряде.

— Красотища, хоть картину пиши, — сказал Петялин.

Маленький самолет, покрашенный в белый цвет, вырулил со стоянки, разбежался, взлетел. Мелькают леса и поля. Безлюдно. Тишина. Но вот доносится глухой гул канонады. На небе появляются малиновые всполохи. Приближается передовая. Уже видны орудийные позиции, змейки траншей врага.

— Ай-ай, куда лезешь, комэск! Бери правее, — кричит в переговорный аппарат Петялин.

Артиллеристы, конечно, не могут по ним открыть огня: летят они низко, над самыми головами. А вот пехотинцы, пожалуй, пальнут.

Передний край остается позади. Они подлетают к высоте, где держат оборону наши войска. Верхушки деревьев срезаны. Многие сосны и ели накренились, словно прошел большой ураган. Заметив самолет, на широкую прогалину высыпали солдаты. Они машут руками.

— Наши! — воскликнул штурман. — Делай круг!

Петялин, высунувшись из кабины, торопливо резал финским ножом веревки, закрепляющие на плоскостях ящики с боеприпасами и мешки с продовольствием, а затем ногой сталкивал груз. Откинувшись на сиденье, сказал:

— Все, гони обратно.

Старенький самолет стонал и скрипел. Летчик выжимал из него все возможное. Они выискивали овражки, лощинки, узкие просеки, неслись, чуть не касаясь лыжами деревьев.

— Наша берет! Живы мы, живы, — улыбаясь, повторял Курочкин.

— Вот увидишь, все обойдется, — вторил ему Петялин.

Дважды слетали они благополучно. Возвращались с третьего вылета. Совсем близко зачернели разрывы зенитных снарядов. Шальным осколком у летчика разбило очки.

— Что случилось? — почувствовав, как вздрогнул самолет, тревожно спросил штурман.

— Очки покорежило. Чуть голову не зацепило, — сердито пробормотал Курочкин.

— Пронесло и ладно. Держись. До дому рукой подать.

Прошло пять долгих минут. Они проскочили передовую и уже летели над своей землей. И тут до Курочкина дошел слабеющий голос товарища:

— Ранили меня.

Летчик обернулся и увидел белое лицо Петялина. Он понял, что штурман молчал, крепился, не хотел его волновать, пока они не вышли из полосы обстрела.

— Держись, друг ситный, держись! Аэродром близко! — повторял Курочкин. А Петялин, зажав рану руками, до крови кусал губы, стараясь превозмочь боль. На глазах появились слезы. Голова отяжелела. Мысли путались: «Все, отвоевался. Рана в живот смертельна. Нет, нет, хочу жить, летать! Меня спасут, вылечат. Жить».

Курочкин на предельной скорости гнал машину домой. Не делая обычного круга, прямо с ходу посадил самолет.

Петялин лежал в кабине, уткнувшись в приборную доску. Он был без сознания. Его осторожно на руках перенесли на командный пункт и уложили на большой стол, на котором обычно штурманы расстилают карты, получая задание.

Полковой врач осмотрел раненого и хмуро покачал головой.

Петялин открыл глаза, увидев Курочкина, слабо кивнул ему и еле слышно сказал:

— Все, Федор, конец. Рассчитайся за меня. Он глубоко вздохнул и замолк.

...Солнце уходило на покой. Его золотистые лучи осветили комнату и стол, на котором лежал Петялин. Лицо штурмана было спокойно. Казалось, он лег отдохнуть после трудной работы.

На другой день на окраине деревушки Подкопаево Смоленской области мы хоронили нашего друга. Над его могилой давали клятву мести, обещали очистить родную землю от фашистов, за все расплатиться сполна.

По русскому обычаю, разминая мерзлые комья земли, мы бросали их на шершавую крышку гроба. Прозвучал троекратный ружейный залп. А вечером перед полетами начальник штаба вручил мне томик Максима Горького на память о земляке.

ДВА ОРДЕНА

Это было в июле 1943 года на Курской дуге. Самолеты один за другим уходили в темную ночь. Цель — бомбежка вражеского аэродрома.

Штурман полка капитан Рулев и летчик младший лейтенант Харчевников стояли около своего самолета. Их вылет через сорок минут. В это время первые самолеты уже появятся над целью.

Рулев уверен в своем летчике. В полку о нем говорят: «Летает, как зверь. С таким не пропадешь!» Да, но самолет фанерный, а лететь предстоит в чертово пекло.

Вдруг на западе, в стороне вражеского аэродрома, небо озарилось огнями прожекторов. Они заметались, скрестились. В перекрестье — маленькая тень самолета. По нему бьют с земли фашисты.

— Дают прикурить, — покачал головой Рулев.

Он пристально смотрит в небо. Ага, наш самолет пикирует, идет к земле. Прожектора потеряли его. Погасли. Ушел, ушел!

— Не беспокойся, капитан, — говорит высокий широкоплечий Харчевников. — У нас тоже все будет в ажуре, нас не подловят.

Они взлетают. Тяжело груженный самолет с трудом отрывается от земли и медленно набирает высоту. Мелькнула под крылом серебристо-черная змейка реки Зуши. Это передовая. Высота всего пятьсот метров. Хорошо видны немецкие траншеи. Фашисты молчат. Обычно они не открывают огня, пока не услышат свиста падающих бомб. Самолет летит в глубь вражеской территории.

Высотомер показывает девятьсот метров. Низко. Опасно. Но зато хорошо виден лес и вражеский аэродром, который бомбят наши летчики. Штурман ведет наблюдение. Наши бомбы

падают в цель. Пять... десять... двенадцать крупных очагов пожаров насчитал Рулев.

Прожекторы и зенитки заняты другим самолетом. Они светят и бьют по нему и не чувствуют подхода новой машины.

— Капитан, готовься к бою! — крикнул Харчевников и, приглушив мотор, повел самолет к цели. Скрытно подобрались они к растревоженному «осиному гнезду». Видны самолетные стоянки. Рулев просит летчика повернуть то вправо, то влево, сбрасывает фугасные бомбы. Внизу заплясали зловещие багровые огоньки.

Прожекторы осветили самолет. Только хотел штурман подать команду об уходе с боевого курса, как сильный удар в фюзеляж тряхнул самолет. Рулев почувствовал боль под коленом. Ранен! Он быстро перетянул ногу выше колена. Летчик, планируя, выводил машину из зоны огня. Высота была уже четыреста метров. Совсем близко грохнул разрыв снаряда. Самолет снова подбросило.

Штурман услышал в шлемофоне хриплый голос Харчевникова:

— Капитан, возьми управление. Я ранен.

Машина стала крениться. Рулев быстро схватил ручку управления и выровнял самолет. Высота была 350 метров. Штурман попытался поставить ноги на педали, но раненая нога ему не подчинялась. При малейшем движении возникали адские боли. В голове звенело. Кое-как, действуя одной «ручкой», капитан вывел машину на обратный курс. Самолет летел, уклоняясь то вправо, то влево, то задирая нос, то опуская. Но все же летел. Не зря, выходит, Рулев брал уроки самолетовождения.

Тревожило молчание летчика. Трижды Герман спрашивал его, как он себя чувствует, но тот не отзывался. Боялся штурман и за себя: вдруг от потери крови лишится сознания. Что тогда с ними будет?

Но Харчевников заговорил:

— Веди самолет, капитан. А я сделаю себе перевязку.

Рулев ответил как можно бодрее:

— Хорошо, Миша.

А у самого в глазах все плыло. Чтобы не раскиснуть окончательно, Герман начал делать дыхательную гимнастику.

Сорок минут полета показались Рулеву вечностью.

На подходе к своему аэродрому Харчевников сказал:

— Подсвети ракетой. Буду сажать самолет.

Колеса коснулись земли. Самолет тряхнуло, и они услышали знакомый голос руководителя полетов майора Юрьева, который громко ругался. Оказывается, они сели с зажженными бортовыми огнями.

Крики майора показались самой лучшей музыкой. Они добрались-таки до дому! У Харчевникова еще хватило воли отрулить к своей стоянке. А уж после этого обоих вынесли на руках в санитарную машину и увезли в госпиталь.

Навестить раненых в госпиталь приехал замкомандира полка по политчасти майор Муша. Когда они стали жаловаться ему на свое невезение, он улыбнулся и сказал:

— Наоборот, вам дьявольски повезло. Один снаряд разворотил фюзеляж между кабиной летчика и штурмана, а другой пробил левую плоскость. Парашют, на котором ты сидел, Рулев,

пробит большим осколком — на сантиметр не дошел до тебя. А самое главное — врачи говорят, что скоро залечат ваши раны!

Еще находясь в госпитале, Рулев и Харчевников узнали, что их наградили орденом Красного Знамени.

В РУБАШКЕ РОДИЛСЯ

Утром 22 июня 1941 года Николай Сибиряк совершил свой первый боевой вылет. Потом еще сделал более пятидесяти вылетов и не получил ни одной царапины, ни одного ранения.

А уж он ли не попадал в самое пекло, в самый крошечный ад!

Самолеты СБ один за другим выходили из строя. Вскоре Николаю пришлось пересест на У-2.

Полк ночных бомбардировщиков получил задание бомбить аэродром в Орле.

У фашистов там было установлено много зенитных батарей, шестнадцать прожекторов. Ночами небо освещалось, прожекторы чертили его, зенитчики не жалели снарядов. Море огня встречало наши самолеты.

В июне разведка донесла, что в Орел прилетела большая группа немецких самолетов. Командование армии приняло решение нанести массированный удар по врагу.

На нашем полевом аэродроме было сосредоточено свыше ста легких ночных бомбардировщиков. За счет уменьшения горючего бомбовая нагрузка на самолет была доведена до четырехсот килограммов.

Николаю Сибиряку выпало особенно ответственное задание. Предстояло первому вылететь на

цель, осветить ее, уйти в зону наблюдения, а затем сфотографировать результаты бомбежки.

В напарники Сибиряку определили представителя штаба армии полковника Петрова. Высокий могучий Петров был одет в кожаную куртку американского образца, рядом с ним худощавый, среднего роста пилот выглядел просто мальчиком.

— Не подведешь? — спросил Петров летчика.

— Не беспокойтесь. Все будет в ажуре, — уверенно ответил Сибиряк.

— А почему ты маршрут не готовил?

— Ха, эту дорожку мы знаем как свои пять пальцев! — усмехнулся Сибиряк.

Подошел техник Вахитов и доложил:

— Самолет в порядке. Готов к вылету.

Полковник стал подгонять парашют. Молодой моторист старательно помогал ему. Летчику подтягивал лямки Вахитов, и тот чувствовал, как он волнуется.

— Ну, ни пуха ни пера, командир, — сказал техник.

— Не тревожься, Сагит. Я вернусь. Смотри веселей!

— Задание, командир, больно серьезное.

— Сам знаешь, меня мамка в рубашке родила.

Взвилась зеленая ракета.

Сибиряк первым выруливает на старт. За ним цепочкой выстраиваются остальные машины. По второй зеленой ракете начинается взлет. Самолет Сибиряка, сделав прощальный круг над аэродромом, уходит в ночь.

На высоте в две тысячи метров подошли к цели. Ждали жаркой встречи. Но над аэродро-

мом царила тишина. Штурман сбросил осветительную бомбу. Через километр зажег вторую и приказал Сибиряку отваливать. «Сабы», как яркие люстры, осветили местность. Началась бомбежка. Внизу ухали глухие взрывы. Полыхало багровое пламя.

— Смотри, полковник, горят сучьи дети, горят! — воскликнул Сибиряк, показывая рукой на пожары.

— Метко ребята бомбят, — откликнулся полковник, а затем недовольно пробасил: — А чего это немцы молчат? Маскируются, что ли?

Прошло двадцать минут. Самолеты ушли. Наступило время фотографировать цель.

— Ну, дорогой, хватит болтаться в зоне. Прошу курс строго через аэродром, — сказал полковник.

Летчик стал бесшумно планировать. Штурман открыл шибер фотоаппарата и сбросил магниевые бомбы, освещая землю.

И тут пошла заваруха. Земля оцетинилась огненными трассами. Как молнии, засверкали прожекторы. Артиллерия открыла ураганный огонь. Фашисты словно хотели выместить всю свою злость на одиноком маленьком самолетике, схватив его в огненное кольцо. Снаряды рвались около плоскостей. Не слышно стало своего мотора.

— Дождались-таки торжественной встречи. Держись, полковник, не умрем, так живы будем! — крикнул Сибиряк.

Он дал полный газ и резко бросил машину в пике, да так, что в ушах зазвенело. Спасение было в умелом маневре. Самолет выделял самые фантастические фигуры. Но прожекторы цепко держали его в своих лапах.

Штурман следил за огнем противника.

— Огонь справа! — кричал он, и летчик резко бросал машину в сторону, и вся серия трассирующих пуль проходила мимо.

— Огонь слева! — кричал штурман, и самолет делал новый рывок, предоставляя огненным трассам прошивать пустое небо.

Большое небо показалось маленьким. Как укрыться от зениток, где спрятаться? Николаю стало душно. Он расстегнул ворот гимнастерки. От яркого света прожекторов хотелось зажмуриться, но этого делать было нельзя. Он прикрыл глаза ладонью, посмотрел на приборы, слушая в то же время штурмана и энергично работая штурвалом и педалями.

Снижаясь, Сибиряк выводил самолет из полосы обстрела. Мотор ревел от бешенства, высота быстро падала. Наконец они вошли в спасительную кромешную тьму.

Николай взглянул на высотомер. Он показывал всего 150 метров, а скорость была максимальной. Машина сильно вибрировала.

— Командир, пилотируйте плавно, — услышал он предупреждение полковника.

Николай тронул рули управления. Они были послушны. Он ответил:

— Не беспокойтесь, все в полном ажуре. Самолет не подведет. Сейчас полезем кверху, там безопасней.

— Откровенно говоря, не думал, что можно выбраться из такого ада. Недооценивал ваших пташек. Грешен. Первый раз на У-2 и убедился, что машина золотая.

Вскоре самолет сел на своем аэродроме. Первым вылез из кабины полковник. Николай как-то обмяк. Он чувствовал страшную усталость.

Техник Вахитов подбежал к летчику, крепко обнял его и поцеловал.

— Ох, командир, командир! — твердил он.

В это время полковник ощупывал фюзеляж, хвостовое оперение, крылья машины и, обойдя ее кругом, недоуменно сказал:

— Ничего не понимаю. Побывали в таком огне — и ни одной пробоины. Ну, спасибо, командир, за полет, спасибо!

У землянки командного пункта Сибиряка встречали друзья.

— Ну, счастливчик! Выбрался из такой бани!

Оказывается, летчики видели в какой крутой переплет попала машина Сибиряка. Они думали, что прожекторы довели самолет до земли. и он разбился.

— Мамка, наверно, ошиблась. Не в одной рубашке я родился, а сразу в двух! — шутил Сибиряк.

СВОЙ ПАРЕНЬ

В полк прибыл новенький — Борис Цибулевский. Коренастый, среднего роста, с румянцем во всю щеку, выбритый до синева, черные волосы коротко подстрижены. На синей гимнастерке и брюках — ни пылинки. Сапоги хромовые блестят.

— Пижон, — бросил кто-то из ребят. — Посмотрим, как летать будет. Скоро с него этот лоск слезет.

Новичка не сразу выпустили на боевые задания. Сначала он летал по связи. Как-то ему пришлось выполнять задание в паре с командиром эскадрильи. Летели строем на бреющем вдоль ли-

нии фронта, по овражкам, перелескам, чтобы не заметил противник.

Комэска вел свой самолет на предельной скорости, лихо и с ветерком. Не отставал от него и новый летчик.

После полета скупой на похвалы Курочкин сказал:

— Да ты, брат, недурно летаешь.

А после того, как Борис слетал в тыл к немцам, в его летных способностях никто уже не сомневался.

Было это весной. Аэродром раскис. Мы сидели на приколе. В штабе, потрясая пачкой радиogramм, нервничал представитель десантников:

— Ребята голодают. Боеприпасы на исходе!

— Ничем помочь не могу, — хмуро говорил командир полка Изосимов, нещадно дымя папирсой. — Видишь, какая погода.

О том, как выручить десантников, думали все. Но ничего путного не приходило в голову.

Под вечер в штаб пришел Цибулевский.

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — козырнул он командиру полка.

— Обращайтесь.

— Рядом с аэродромом есть угорчик. По-моему, на нем можно устроить летную полосу. Из лесу натаскать туда снегу, пригладить, и ночью при заморозках летай сколько угодно.

— Узковата площадка, да и деревья на ней, — засомневался командир.

— Деревья срубим. Я берусь с этой площадки летать, — сказал Цибулевский.

— Что ж, стоит рискнуть, — согласился Изосимов.

На следующее утро на лесной поляне появились лесорубы и коновозчики. Это летчики, тех-

ники и оружейники запряглись в деревянные сани с большими плетеными корзинами. В корзины нагребали снег и с прибаутками и шутками тащили возы на площадку.

— Трали-вали, полный порядочек! Аэродромчик отгрохаем — закачаешься! — гремел верзила штурман Михаил Кадушкин.

— Битюг, битюг, на тебе только и ездить, — смеялись ребята.

К ночи полоса была готова. Длина была как раз, а вот ширина, что называется, впритирку.

Погода окончательно испортилась. Черные тучи затянули луну и прижимались к самой земле.

— Полетишь? Не передумал? — спросил командир полка Цибулевского.

— Полечу, товарищ майор, — твердо ответил летчик.

— В таком случае, вылет разрешаю.

Цибулевский не спеша, слегка переваливаясь, направился к самолету, стоявшему на старте. Рядом с ним пошагал высокий, как каланча, штурман Кузьма Царенко.

Белая ракета осветила летную полосу. Машина вздрогнула и, набирая скорость, понеслась по земле, потом как бы нехотя оторвалась от нее, стала подниматься в воздух и вскоре коснулась облаков.

Борис взглянул на высотомер. Он показывал всего четыреста метров. «Неужели на такой высоте придется лететь в тылу противника? Но назвался груздем — полезай в кузов».

Самолет шел у нижней кромки облаков. Внизу чернели леса. Вот всполохами ракет, трассами пулеметных очередей обозначилась линия фронта.

Штурман сказал:

— Заходи в облака.

Летчик потянул ручку управления на себя, и самолет врезался в сплошное темное марево. Десять, пятнадцать минут летят в облаках. И снова команда штурмана:

— Выходи в чистое небо.

Самолет вынырнул из облаков. В зеркале летчик видит смуглое, худощавое лицо штурмана. На нем улыбка.

«Ишь ты, проверял меня, умею ли я летать вслепую», — подумал Цибулевский и сам тоже улыбнулся.

Командир полка дал ему опытного летнаба. Кузьма Царенко уже не раз бывал у десантников.

В свою очередь штурман чувствует твердую руку на штурвале, видит широкую спокойную спину летчика, его уверенные жесты. «Молодец новичок», — думает Царенко.

Время идет.

— Внимание. Приближаемся к цели, — говорит штурман.

— Есть внимание, — отзывается летчик.

Борис смотрит на карту. Территория, контролируемая десанниками, — всего пять квадратных километров. Снижаться опасно. Но что делать? Летчик сбавляет обороты. Самолет приближается к таинственной черной земле. Стрелка высотомера показывает триста... двести... сто метров. Внизу вспыхивают огоньки выстрелов. Стреляют фашисты.

А в партизанском кругу еще темно. Проходит минута, другая, и вот загораются костры, выложенные, как условлено, буквой «Г».

Летчик оглядывается. Царенко машет рукой: «Садись!» — и стреляет из ракетницы, подсвечивая.

Машина припала к земле, впилась лыжами в талый снег и, проложив глубокие борозды, оставилась в конце поля.

Темные фигуры метнулись к самолету. Невольно Бориса бросило в жар. Свои ли это?

— Ура-а! Наши прилетели! — услышал он ликующие возгласы.

Царенко уже обнимался с высоким дюжим мужчиной в меховой куртке.

— Борис, это Петров — командир отряда, — сказал штурман.

Петров дружески протянул летчику руку:

— Уж мы перестали вас ждать. Думали, крепко села авиация на прикол.

Десантники уже открывали гаргрот, тащили мешки с сухарями и колбасой, ящики с консервами и боеприпасами.

Борис видел суровые лица с добрыми улыбками. Видел разношерстно одетых людей с русскими и немецкими автоматами.

Петров пригласил летчиков к костру в лесной ложбине, подал Борису свой кисет:

— Закуривай нашей махры.

Цибулевский с трудом скрутил козью ножку, затаился и закашлялся. Выкурив сигарку, сказал:

— Извините. Задерживаться долго недосуг, ночи-то уже короче. Я осмотрю площадку.

Проваливаясь по колено, Борис обошел поляну и, вернувшись, с тревогой сказал:

— Здорово тает. Лететь сейчас же надо.

— В гостях хорошо, а дома лучше, — пошутил Царенко.

— А раненых возьмете? — спросил Петров.

— Сколько их? — поинтересовался Цибулевский.

— Двое.

— Хм-м. Взлет трудный.

— Очень прошу взять.

Раненых принесли. Они лежали на носилках, тяжело дышали.

Цибулевский сказал:

— Попытаюсь взлететь.

Раненых разместили: одного уложили в гаррот, другого усадили в кабину вместе со штурманом.

Десантники сгрудились у самолета. Десятки рук тянулись к Царенко и передавали ему белые треугольники писем.

— Уж доставьте наши весточки на Большую землю! Давно не писали.

— Не сомневайтесь. Получат ваши письма, — уверил Царенко, укладывая их в объемистую штурманскую сумку.

Надолго запомнился обоим летчикам тот их взлет с лесной поляны по раскисшему снегу. Цибулевский еле-еле оторвал нагруженную машину на самой опушке леса.

После этого полета Бориса Цибулевского все признали в полку своим парнем, хотя он по-прежнему оставался щеголем и франтом.

А. Дюженков

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД

Весна 1945 года. Фашистская Германия повержена. Над Берлином реет Знамя Победы. Но севернее Дуная, на территории Чехословакии и в северных районах Австрии, еще действует миллионная группировка немецких войск. Назначенное в завещании Гитлера немецкое «правительство» во главе с гросс-адмиралом Деницом, надеясь на сепаратную капитуляцию войскам западных союзников СССР, рассчитывало использовать эту группировку против Красной Армии.

В такой обстановке ударные силы 1-го Украинского фронта двинулись на помощь братскому народу Чехословакии.

В ночь на 3 мая наша 4-я Гвардейская танковая армия передала в районе Берлина свой боевой участок войскам 1-го Белорусского фронта. 299-й Гвардейский минометный полк снялся с позиции и в полночь, на 5 мая, двинулся на юг Германии. В районе Торгау переправился через Эльбу и устремился к Дрездену за передовым отрядом, преодолевавшим оборону немцев. Колонны 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса прошли мимо Дрездена, объятых громом артиллерийской канонады. Отзвук ожесточенного боя постепенно удалился, только отдельные раскаты долетали вслед стремительно движущимся войскам. На пути завязываются краткотечные фланговые бои, но чаще передовой отряд с ходу ломает сопротивление противника, прокладывая дорогу следующим за ним частям. Разбитые немецкие гарнизоны оставляют на железнодорожных станциях груженные воинским имуществом эшелоны, оружие.

В эти дни в Чехии вспыхнуло восстание. Оно началось в Праге 5 мая. Ядром восстания явились крупные пражские заводы. Повстанцы захватили средства связи, вокзалы, городскую электростанцию, большинство мостов через Влтаву. После шести лет подполья 6 мая легально вышла газета «Руде Право» с призывом Коммунистической партии к чехам и словакам подняться на открытую борьбу против нацистов. На улицах Праги в течение одной ночи было воздвигнуто 1600 баррикад. На них сражалось около 30 тысяч пражан.

Командующий группой немецких армий в Чехословакии генерал-фельдмаршал Шернер отдал приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами».

После ожесточенных боев фашисты захватили ряд баррикад, начали прорываться к центру города, жестоко расправляясь с населением.

На марше наши походные радиостанции приняли передачу на русском языке: «Внимание, внимание! Говорит чешская Прага! Большое количество германских танков и авиации нападает в данный момент со всех сторон на наш город. Мы обращаемся с пламенным призывом к героической Красной Армии с просьбой о поддержке. Пришлите нам на помощь танки и самолеты. Мы будем сражаться до последнего дыхания, но нам нужна ваша помощь. Пришлите нам танки и самолеты. Не дайте погибнуть нашему городу Праге!»

До глубины души взволновал бойцов этот призыв. Забыв груз недавних боев за Берлин, забыв усталость, солдаты и офицеры напрягали все силы: вперед, вперед на Прагу!

Колонны войск вытянулись на десятки километров, двигались днем и ночью, сметая противника с подготовленных им позиций.

Фленсбургское радио, опережая события, сообщило о безоговорочной капитуляции фашистской Германии на всех фронтах. В ответ на это фельдмаршал Шернер отдал приказ: «Неприятельская пропаганда распространяет ложные слухи о капитуляции Германии перед союзниками. Предупреждаю войска, что война против Советского Союза продолжается».

Немецкое население с любопытством наблюдает за прохождением наших войск, спрашивает: «Почему вы спешите? Ведь война закончилась». Наши бойцы оставляют эти вопросы без ответа.

Наконец войска вышли на границу Чехословакии, окаймленную заросшими травой окопами

первой мировой войны. В горах, на общих дорогах, сходятся и снова уходят друг от друга две танковые армии — 4-я генерала Лелюшенко и 3-я генерала Рыбалко. Дожди превратили дорогу в сплошное месиво. В трясине застряли по диффер трофейные «оппели», «мерседесы». Танки вминают их в грязь, превращают в железный настил. Колонна медленно ползет по узким проходам на перевал. В глаза бьют слепящие лучи солнца, над головой безоблачное небо. С трудом достигли вершины. Открылся широкий горизонт, опоясанный склонами лесистых гор. Колонна остановилась. Немцы, отступая, устроили заграждения на пути наших войск. Пока впереди разбирали завал из нагроможденных деревьев, обезвреживали мины, минометчики сошли с машин. Над дорогой нависали скалы, справа был крутой обрыв в пропасть. Солдаты сидят свесив ноги в бездну, нежатся теплом. У кузова полковой рации ждут передачи Совинформбюро. Кто-то сообщил, что сегодня, 7 мая, одновременно из Москвы, Вашингтона, Парижа и Лондона передано сообщение о капитуляции Германии. Командир расчета Конев торопит радиста:

— Быстрее настраивайся!

— Что ты там носом окуней ловишь? — слышится недовольный голос командира разведки Чиркова.

— Поймал Москву? — спрашивает сержант Варзин.

И вдруг голоса смолкли. Над лесом раздался гул. Он все сильнее. Солдаты насторожились. Показалось звено «мессершмиттов». Бомбы, миновав колонну, упали в пропасть. Навстречу самолетам тянутся трассирующие нити зенитных сна-

рядов. «Мессеры» прижимаются к вершинам деревьев, уходят от обстрела.

Наступившую тишину нарушил наводчик Сюткин: «Держи рот шире, чтоб не оглохнуть от такой капитуляции», — и проводил фашистов крепким словом.

— Ты вместо мира на «мессеров» настроился, — обратился к радисту командир расчета Гофман, — от такой «передачи» можно его и не увидеть!

— Нет сообщения, — ответил Макаровский, — набрехал кто-то, а мы поверили.

Колонна тронулась. Спустя полчаса прошла в проеме среди нагроможденных деревьев и въехала на взгорье в первую чешскую деревню. Крестьяне радушно приветствуют нас, желают доброго пути и скорой победы, часами стоят как замороженные, а машины все идут и идут, теряясь в извилинах лесной дороги.

В ложбине танкисты ремонтируют поврежденную гусеницу Т-34. Гофман сложил рупором ладони, кричит: «Братишки, поторапливайтесь со своей скорлупой, а то конец войны не увидите!» — «Сами быстрее катитесь, «самоварники»! А мы не упустим этот случай гусеницей придавить!» Батарейцы, довольные ответом, машут им руками.

Извилистая в горах дорога у подножия выпрямилась, пошла по широким степным просторам. Между колоннами появились значительные прогалы. Мелкие группы противника прорываются через них, уходя на запад. Когда это им не удастся, они останавливаются. Встретилась такая группа и нам. Разоружили ее, а машины вогнали в свою колонну. Немцы в недоумении спрашивают: «Куда нам идти?» Рядовой Борматов разъ-

яснил: «Война капут, шнель наххаузен». Немцы постояли, посоветались и по обочине двинулись на север к дому. Обгоняя полк, прошел «виллис». На заднем сиденье под охраной наших автоматчиков немецкий генерал. Тупой взгляд обращен на солдат рейха. Они, не останавливаясь, сошли с обочины. Генерал проводил их взглядом и опустил голову.

Все чаще на пути города, деревни, села. Известие о марше на Прагу советских танковых армий разносится быстрее, чем наши передовые части появляются в населенных пунктах. Жители спешат на дорогу — увидеть, приветствовать солдат России. Машины идут сквозь живые стены людей, обступивших шоссе слева и справа. Стоят дети с красными флажками, пятиконечными звездами. К нам тянутся девичьи руки с букетами сирени. Дождь цветов сыплется на броню танков. «Назда-ар! Назда-ар! Назда-ар!» — несется навстречу. В ответ гремит продолжительное «ура!» Люди ликуют. Кажется — не впервые встретились, родные друг другу.

За полночь, 8 мая, полк въехал в ярко освещенный город. Остановился на площади, заполненной сотнями жителей, слушающих радио. Из репродуктора тревожный голос: «В Праге восстание. Героическая Красная Армия! Вас ждет Прага! Вас ждет Прага!» Короткий перерыв и призыв повторяется: «Вас ждет Прага! Вас ждет Прага!»

Толпа расступилась: прошли два грузовика, заполненные вооруженными рабочими. К колонне подходят горожане, просят солдат: «Товарищи, подвезите до Праги...» Гул моторов обдал площадь, полк тронулся, миновал окраину города. Лучи фар прорезали тьму. Ветер бьет в лицо,

скорость машин на пределе возможного. Нервы напряжены. Вперед! Вперед на Прагу!

На востоке начался рассвет нового дня, вместе с ним радио сообщило: «Говорит Прага. Первые русские танки в Праге! Первые русские танки в Праге!» Это были танкисты передового отряда комбрига 63-й Челябинской бригады гвардии полковника Фомичева. В 3.00 он доложил командующему армией: 63-я Гвардейская танковая бригада в 2.30 вошла в Прагу и вместе с восставшими пражанами ведет бой с фашистами у здания генерального штаба. Один батальон бригады, не дав эсэсовцам взорвать заминированный Карлов мост, перешел на правый берег Влтавы, другой выбивает гитлеровцев из Пражского кремля.

Танковый батальон 62-й Пермской бригады и 1-й дивизион полка капитана Лапчука опередили головные части корпуса. Разведку пути возглавил заместитель командира полка Бутырин. Разведчики столкнулись с колонной немцев, численностью до батальона, прорывавшихся на запад. Завязался бой. Было очевидно, что горстке разведчиков долго не продержаться, и Бутырин решил на дерзость, уверенный в том, что противник не разобрался, с какими силами имеет дело. Был поднят белый флаг. Немцы прекратили огонь. На переговоры явился майор. Бутырин предложил: всем немецким солдатам и офицерам сложить оружие и сдаться в плен. Майор обвел взглядом местность, на мгновение задержал внимание на замаскированной в отдалении машине разведчиков, посмотрел на свою внушительную колонну и покачал головой. Доводы, что война фактически закончилась и безрассудно приносить ненужные жертвы, он не принял. Неожиданно над местом переговоров, низко над до-

рогой, пролетел наш самолет связи. Уточняя обстановку, летчик сделал второй заход, снизившись так, что отлично было видно его лицо. Бутырин, как бы сигнализируя летчику, сделал замысловатые взмахи пилоткой и тут же через переводчика, разведчика Москалева, сообщил майору: «Я вызвал бомбардировщики. Подумайте, пока еще есть время». Офицер задумался, потом снял с ремня пистолет и через связных отдал приказ о сдаче батальона в плен.

Случайное появление нашего самолета, дерзость и находчивость заместителя командира полка позволили группе разведчиков пленить группу немцев численностью более пятисот человек, с бронетранспортерами и колонной машин.

До Праги остались считанные километры. Впереди показались купола церквей, город рос на глазах, растягивался по горизонту. Миновав предместье, полк остановился на широкой улице северной окраины Праги. Было четыре часа утра. За эту ночь мы прошли восемьдесят километров.

Безлюдная улица с нашим появлением быстро заполнилась пражанами. Обветренных, покрытых пылью солдат Красной Армии — парней с Урала — девушки одарили крепкими поцелуями. Идут оживленные беседы. Затаив дыхание, горожане смотрят в глаза рассказчику-солдату. Стоит ему замолчать, как слышится: «Говорите, говорите еще!»

И тут от полковой радиации доносится громкий голос сержанта Макаровского:

— Товарищи! Принято сообщение о безоговорочной капитуляции немецких вооруженных сил!

Безоговорочная капитуляция фашистской Германии свершилась пять часов назад, когда полк стремительно двигался к Праге.

Известие об окончании войны было встречено радостными возгласами. В толпе смешавшихся солдат и пражан слышалось одно долгожданное слово: «Кончилась! Кончилась!»

В этот ранний час люди вспоминали далекое утро 22 июня 1941 года, тогда радио сообщило о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Слово «война» в тот день заняло все мысли людей. Тяжело, горько, с тревогой за судьбу отцов и сыновей, вставших на защиту Родины, произносилось оно. И вот сегодня — утро 9 мая 1945 года: радостные лица, сияющие глаза, громкие возгласы — скинут тяжелый груз, дышится легко. Нельзя было молчать, и командир полка Герой Советского Союза гвардии подполковник Зыль поднялся в кузов машины.

— Бойцы и командиры, граждане Чехословакии! — зазвучал его взволнованный голос. — Кровью лучших сынов и дочерей нашей советской Родины, патриотов Сопrotивления добились мы долгожданной победы. Дорого досталась она нам — миллионы жизней поглотила война. Мир оплачен смертью наших боевых товарищей и друзей. Помните эти жертвы, храните мир, добытый в суровых сражениях, в муках, невероятном труде.

Товарищи! Война закончилась, но здесь, в Праге, еще льется кровь. Я уверен, что мы, гвардейцы, нанесем врагу последний решительный удар и Прага будет свободной от фашистской нечисти.

Громкое «ура» слилось с грохотом проходившего мимо танка. Майор Николаев переждал, пока стих шум, и предоставил слово мне.

В эти минуты много мыслей теснилось в голове. Я отобрал, казалось, самые нужные слова:

— Сегодня мы поздравляем всех наших друзей с долгожданным миром. Отгремела война — мир городам и селам! Доблестный солдатский труд, свершивший победу, никогда не забудется народами мира. Мы сдержали клятву родному краю — мы победили, товарищи!

«Ура-а-а! Назда-ар!» — вскипели голоса.

В отдалении взорвался снаряд.

Полк получил новую задачу.

За Влтавой, у церкви Марии, фашисты оказали отчаянное сопротивление. Минометчики проникли в ограду, в здание, теснили гитлеровцев на колокольню. Каждая ступенька лестницы бралась с боем.

Более шести часов шли бои. В них были разгромлены и пленены остатки частей танковой дивизии «Рейх», мотодивизии «Викинг» и других. К десяти часам советские войска при активной поддержке пражского населения полностью очистили столицу Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков. На улицах Праги разбирали баррикады. Город заполняли все новые части войск Красной Армии.

Еще не остыл от боя разведчик Михаил Варзин. Необычная, забытая тишина стояла вокруг — грань между войной и миром. Мысленно он увидел себя среди миллионов солдат вдалеке от Родины. Они были везде в освобожденной ими Европе: в городах и селах, на позициях в горах и долинах, на больших и малых дорогах.

Впервые оружие поднялось стволами в небо. Летят ракеты, гремят холостыми выстрелами пушки, строчат автоматы — оружие возвещает мир.

Кажется Варзину, что наступил после войны отдых. Но, представив себе разрушения, причиненные войной, понял: отдыхать не придется. Позднее, вернувшись домой, как все солдаты, он отдал себя труду. Работал секретарем партийной организации строительства Воткинской ГЭС, стал первым председателем горисполкома нового города Чайковского. Его неутомимую энергию и поныне помнят горожане.

В 22 часа по радио в Прагу донеслось эхо тысячи орудийных залпов из Москвы в честь доблестных войск Красной Армии, кораблей и частей Военно-Морского Флота, а немного спустя прогремел салют в честь освобождения столицы Чехословакии Праги. Большое солдатское счастье пережили добровольцы. В этот день они были далеко от Урала, но чувствовали себя дома.

Поздней ночью крепко спали утомленные солдаты. Снились им Мотовилиха, моторный, телефонный... Заводы Перми, Соликамска, Кунгура. Первые мирные сны.

Утром город проснулся с рассветом. Казалось, люди хотели удостовериться, что война и в самом деле кончилась.

Командир отделения разведки, полный кавалер ордена Славы, гвардии сержант Чирков проснулся от яркого луча света. Первое, о чем он подумал, было: «Наверное, опять НП менять придется...» Но, вспомнив, что наступил мир, вслух сказал: «Надо же, как въелась в мозги война».

— Ты о чем? — спросил рядовой Краснобаев.

Чирков ответил, обращаясь к бойцам отделения:

— Праздничный сегодня день. Пришить чистые воротнички, надраить сапоги, почистить до блеска ордена и медали.

Сам снял с гимнастерки награды, подумал: «С уважением смотрят на них — заслуженный человек. За ними — подвиг, решение неимоверно трудной, но выполненной задачи боя».

У каждого знака награды своя история. «Слава» III степени — Каменец-Подольский. Оборона станции. Фашисты превосходящими силами, в многократных атаках, пытались вернуть железнодорожный узел, эшелоны с танками, но горстка наших бойцов, и в их числе он, отбила врага.

За «Славой» II степени был Одер. Форсирование реки по зыбкому льду, захват на западном берегу дота и пленных. Поиск за передним краем сосредоточений противника, подавленных затем огнем батарей. Это обеспечило расширение плацдарма нашего наступления.

За «Славой» I степени был Берлин. Форсирование канала Тельтов. Удержание плацдарма в упорных боях. Разгром гитлеровцев в районе Ванзее и юго-западной части Берлина.

...Полк выехал на улицу. Город украсился. На зданиях советские и чехословацкие знамена. В улицах тесно от скопления горожан. Разноголосый гомон, сияющие лица.

Прага встречает освободителей.

Колонны проходят по узкому коридору раступающейся толпы.

Великое счастье — пожать руку солдату-освободителю. На танках, тягачах, в машинах — юноши и девушки. Они льнут к солдатским гимнастеркам, вместе с бойцами отвечают на приветствия соотечественников. Бойцы угощают детей сладостями из трофейных запасов.

Парторг батареи Халтурин смотрит и думает: «Сколько горя, несчастий, унижений испытали эти люди! Ненависть к поработителям разразилась

восстанием. Они подняли оружие, вступив в неравный бой». Василий Иванович снял с пилотки красную звездочку. Десятки рук потянулись к нему. В эти дни красная звездочка была самой дорогой реликвией.

Седой старик со шрамом на лице и многими воинскими регалиями на груди встал перед машиной командира полка, раскинул руки. Колонна остановилась. Он повернулся лицом к солдатам, отдал честь. Ветеран обратился к Зылю: «Прошу вас от имени делегации района — проведите полк по нашим улицам». Такой просьбе нельзя было отказать.

Под возгласы приветствий, утопая в цветах, батареи движутся навстречу людской лавине.

Прошла неделя, но праздничное ликование в Праге не угасло. В один из этих дней на площади Яна Гуса состоялся парад Чехословацкого корпуса, кровью скрепившего братство наших народов. Перед началом парада прошло торжественное возложение венков на могилу Неизвестного солдата. К массивному деревянному кресту медленным шагом подошла процессия, и в глубоком молчании воинов и граждан Праги, заполнивших всю площадь, на надгробный холм опустились венки. Люди склонили головы, скорбя о безымянных героях, отдавших жизнь за свободу, за счастье жить в мире.

Каждый день приносил в семьи освобожденной страны новые радости: приходили отцы и дети из партизанских отрядов, из тюремных застенков возвращались борцы Сопrotивления, узники гитлеровских лагерей смерти.

На рассвете 12 мая в районе Прижиброма, в окрестностях деревень Сливице и Милин, были разгромлены остатки армии Шернера.

Прошло тридцать четыре года. Время стерло шрамы войны. На месте разрушенных городов встали новые. Ожили, зацвели загубленные войной леса и сады.

Поезд Дружбы подошел к вокзалу Праги. Из вагонов вышли убеленные сединой люди — освободители города.

Тут же на вокзале прошел митинг дружбы. От ветеранов приветствовал пражан дважды Герой Советского Союза Г. М. Фомичев, под командованием которого 9 мая 1945 года Челябинская танковая бригада первой ворвалась в столицу на помощь восставшему народу.

Всем нам хотелось скорее влиться в ритм города, почувствовать, каким он стал спустя тридцать с лишним лет. Но прежде всего мы посетили в Олшанах могилы советских воинов, возложили венки, пришли к танку Т-34 № 23 лейтенанта Гончаренко, который первым вошел в Прагу и, сокрушая на своем пути сопротивление немцев, пробился в центр города. В веках как символ свободы и братской помощи советского народа народу Чехословакии он будет напоминать людям о совместной борьбе против поработителей.

Отдали долг чести мы и священному для чехословацких граждан мемориалу на Жижковой горе. Здесь, в зале, посвященном Советской Армии, стоит символический саркофаг из розового мрамора и памятник маршалу П. С. Рыбалко. На мраморной подставке хранится земля с Мамаева кургана. Стены украшены мозаичными картинами, отражающими бои за освобождение Чехословакии.

9 мая в парке имени Фучика на торжественном собрании, посвященном Дню Победы, пражане встретили ветеранов бурными аплодисментами и, как в далеком солдатском прошлом, дарили цветы — красные гвоздики.

В эти минуты я представил себе первые дни мира. Не сегодняшними, а мыслями того времени поделился в беседе.

— Каким вы черноволосым были в молодости! — заметил чех, рассматривая мою фотографию...

Я показал ему, что написано на обороте карточки. В 1945-м я писал жене: «Пора домой. Война кончилась, дело сделано, теперь в пору за работу приниматься. Верно? Ты не скучай. Уже нет грома, и дождь осколков утих. Догорели гигантские костры. Смерть ходит без работы.

Сколько было причин гибели людей — теперь только жизнь!»

Только жизнь.

В городе Теплице ветераны Пермской танковой бригады и 299-го минометного полка были гостями у рабочих завода Стекло-Унион Ржете-ницы. Рабочие вручили ветеранам памятное письмо:

«Дорогой товарищ, родной друг!

Поклоняясь Вашему героизму, с которым Вы участвовали в освобождении нашей страны в 1945 году, тяжело находим слова глубокой благодарности и уважения.

Безмерных жертв, советским народом положенных в священном бою против бесчеловечного фашизма, никогда не забудем ни мы, ни наши дети, ни будущие поколения.

Благодаря вам мы сегодня можем строить нашу красивую Родину и под защитой Советского

Союза бороться за жизнь в мире, за дело мирового социализма и коммунизма.

Вам — с благодарностью и любовью».

Это тебе — любовь и благодарность, советский солдат.

СОДЕРЖАНИЕ

5

Авторы этой книги

8

А. Попов

Обнимаемая небо...

76

А. Годовых

Грачевая балка

85

Н. Старков

Полгода под Сахарной Головой

148

М. Заплатин

Тогда мы были летчиками...

179

А. Каменский

Заполье

186

И. Юхнов

Друзья-однополчане

205

А. Дюженков

Последний рейд

Бойцы вспоминают

Старший редактор *Б. Зеленин*
Редактор *Б. Гашев*
Художник *М. Курюшин*
Художественный редактор *Н. Горбунов*
Технический редактор *Л. Тренева*
Корректор *Е. Соколова*

ИБ № 815

Сдано в набор 30.10.81. Подписано в
печать 01.03.82. ЛБ06054 Формат бум.
70×97¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура
«Школьная». Печать высокая. Усл.-печ.
л. 8,75; уч. изд. л. 8,486; усл. кр.-отт. 15.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 843. Цена
в ледерине 50 к., в коленкоре 45 к.

Пермское книжное издательство.
614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.
Книжная типография № 2 управления
издательств, полиграфии и книжной тор-
говли Пермского облисполкома. 614001,
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Б77 **Бойцы вспоминают.** — Пермь: Кн. изд-во, 1982. — 220 с.

Книга воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны.

Б 11202—34
М152(03)—82 9—82

9(с)27

Предлагаем читателям познакомиться с книгами военно-патриотической тематики, изданными в Перми:

Сборник очерков. Слава солдатская. 1980.

Кудымов Д. А. Огненная высота. 1980.

Сборник очерков. Крепости на колесах. 1981.

Сборник воспоминаний. Партизанской тропой. 1981.